

№ 1

Литературный Азербайджан

ИЗДАЁТСЯ
с 1931 года

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ
УЧРЕДИТЕЛЬ - СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ
АЗЕРБАЙДЖАНА

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА

ГИДАЯТ. Здесь тьма полчищ пронеслась. Пьеса	3
Натиг РАСУЛЗАДЕ. Загадочная смерть писателя Мириева. Рассказ	57
Низами АЛИОГЛУ. Рассказы	81
Мирмехти АГАОГЛУ. Рассказы	91
Мамед Али САФАРОВ. Мать и смерть. Повесть	103

ПОЭЗИЯ

Алина ТАЛЫБОВА. Стихи	46
Светлана БИРЮКОВА. Стихи	73
Мурад аль-КАДИРИ. Стихи	123

ПУБЛИЦИСТИКА

Махир ГАМЗАЕВ. О «библейском» Аарате, сталинской «дружбе народов» и их отражении в литовской литературе	31
Наталья ДАДАШЕВА. Неутомимый исследователь, педагог, просветитель	77
Марк ВЕРХОВСКИЙ. Биробиджан не край земли. Эссе	127
Алпай АЗЕР. Впечатления от И.С.Баха.	131

2023

Главный редактор – Солмаз ИБРАГИМОВА
Ответственный секретарь – Эльдар ШАРИФОВ – СЕЙШЕЛЬСКИЙ
Отдел поэзии – Алина ТАЛЫБОВА
Отдел подписки и рекламы – Джамиля ШАРИФОВА
Литсотрудники – Егана МУСТАФАЕВА, Натаван ХАЛИЛОВА,
Ниджат МАМЕДОВ
<https://soundcloud.com/nijat-mamedov-489264474>
<https://www.youtube.com/channel/UCoPQ9ounuR9X3KgCh0JdFYg>
Корректор – Анна КУЗЁМИНА

Редакционная коллегия:

Эльмира АХУНДОВА, Асиф ГАДЖИЕВ,
Шелалия ГАСАНЛИ, Александр ГРИЧ (Лос – Анджелес, США),
Динара КАРАКМАЗЛИ, Азер МУСТАФАЗАДЕ,
Эльчин ШЫХЛЫ

Литконсультант – Натиг РАСУЛЗАДЕ

Журнал зарегистрирован 19.04.96 г. в Министерстве
печати и информации Азербайджанской Республики
Регистр. № 352

Адрес редакции:
AZ 1000, Баку, ул.Хагани, 53
Электронный адрес: litaz1931@gmail.com

Сдано в печать 26.12. 2022г.
Бумага офсетная. Формат 70x100 1/16
Печать офсетная, 8.25 печ. л.
Тираж 400
Отпечатано в типографии «OL»NKPT MMC
Тел.: 497 – 36 – 23
Адрес: ул. Мирзы Ибрагимова, 43

ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКАХ ССЫЛКА НА ЖУРНАЛ ОБЯЗАТЕЛЬНА

*Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.
В публикуемые материалы
редакция вносит необходимую правку.*

Во всех случаях полиграфического брака в экземплярах журнала
обращаться в типографию «OL»NKPT MMC

ГИДАЯТ

ЗДЕСЬ ТЬМА ПОЛЧИЩ ПРОНЕСЛАСЬ

Эпическая драма в хронологическом изложении в двух действиях

Перевод Эльмиры АХУНДОВОЙ

Действующие лица:

ГЕЙДАР АЛИРЗА ОГЛУ АЛИЕВ, первый секретарь ЦК КП Азербайджана, член Политбюро ЦК КПСС, первый заместитель Председателя Совета Министров СССР.

ЛИТЕРАТОР

МИХАИЛ СУСЛОВ, член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС.

БИЛЛ КЛИНТОН, Президент Соединённых Штатов Америки.

СЕКРЕТАРША МИХАИЛА СУСЛОВА

ЕГОР ЛИГАЧЕВ, член Политбюро ЦК КПСС.

КЯМРАН БАГИРОВ, первый секретарь ЦК КП Азербайджана.

ПОМОЩНИК КЯМРАНА БАГИРОВА

СЕКРЕТАРША КЯМРАНА БАГИРОВА

ЛЯТИФ НАСИБОВ, лейтенант Отдела уголовного розыска Управления милиции Калининского района

МАТЬ, жительница Западного Азербайджана.

АГБИРЧЕК, пожилая седовласая женщина, жительница Ханкенди.

АНТОН КОЧИНЯН, первый секретарь ЦК Компартии Армении.

ПОМОЩНИК КОЧИНЯНА

МИНИСТР КУЛЬТУРЫ АРМЕНИИ

СТЕПАНЯН, секретарь городского комитета партии Еревана.

ИНСТРУКТОР ГОРКОМА ПАРТИИ

РОБЕРТ ХАЧАТРЯН, Секретарь ЦК Компартии Армении.

ХАСМИК, секретарша Роберта Хачатряна.

ШАХМАЗАСЬЯН, начальник, майор милиции.

СТАРШИЙ ЛЕЙТЕНАНТ, помощник Шахмазасьяна.

АРУТЮНЯН, Председатель Президиума Верховного Совета Армянской ССР.

ДИРЕКТОР ПЕРВОГО АРМЯНСКОГО ТЕАТРА

ДИРЕКТОР ВТОРОГО АРМЯНСКОГО ТЕАТРА

ДИРЕКТОР ТРЕТЬЕГО АРМЯНСКОГО ТЕАТРА

ДИРЕКТОР ЧЕТВЕРТОГО АРМЯНСКОГО ТЕАТРА

ПЕРВЫЙ ДЕПУТАТ

ВТОРОЙ ДЕПУТАТ

ТРЕТИЙ ДЕПУТАТ

ЧЕТВЕРТЫЙ ДЕПУТАТ

ПЯТЫЙ ДЕПУТАТ

Телохранители, артисты и зрители в театре, участники армянского митинга в Ханкенди, население Ходжалы, подвергшегося геноциду, беженцы из Карабаха и Западного Азербайджана.

ПРОЛОГ

ГОЛОС. Отчий край, родная земля! Сколько всего в тебе скрыто – и пожелтевшие, поблекшие, полные тайн и загадок страницы, и ясные, как день, книги. Не мало бесценных рукописей пропало в водоворотах истории. Отчий край! Время от времени теряли, а то и сознательно уничтожали твои страницы, полные истин. Эти исторические истины крошили мечи агрессора, топтали ногами полчища пришельцев, сжигали дотла, развеивая пепел по небу. Твои имена заменяли другими, а землей овладевали пришлые.

Отчий край! Ты столетиями щедро распахивал свои двери перед неблагодарными соседями. Они приходили, жили на твоей земле, ели твой хлеб, пили твою воду, а затем предательски вонзали нож в твою спину. И, тем не менее, ты был по-прежнему добр и милосерден. Ты каждый раз прощал... А порой и забывал обиды. И эта забывчивость оборачивалась нашей трагедией.

Отчий край, Азербайджан! Ты – бессмертный очаг. Суровые ветры времени лишь сильнее разжигали тебя. Родная земля! Было время, когда очаг твой едва тлел, а порой и вовсе покрывался пеплом. Однако даже под пеплом всегда таился огонь. Он никогда не гас. И этот вечный негасимый огонь, о, Родина моя, подарил тебе имя Страны Огней.

Мимо всадник проскакал,
Жаркий конь под ним плясал.
Развернув, как стяг, зарю,
В тучах месяцем пропал.
Всадник в полночи летит,
Конь гнедой под ним хранил,
Сокрушив копытом ночь,
К солнцу путь свой устремит.
Слышишь ли?..
Игиду в лад
Тысячи копыт гремят...

(здесь и далее стихи в переводе Алины Талыбовой)

ЛИТЕРАТОР. Обратимся к недавним и таким уже далеким страницам истории. Посмотрим на древнюю азербайджанскую землю, которую мы называем Иреваном. Вернемся в те времена, когда советский флаг еще развевался над этим городом, а армянский шовинизм только-только поднимал голову. И для нас, сегодняшних, умудренных горьким опытом, самое ценное – это та интеллектуальная борьба, которую вели против армянского шовинизма наши соотечественники, живущие на этой древней земле.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Город Иреван. 1968 год. Кабинет секретаря ЦК Компартии Армении. Входит Литератор. Роберт Хачатрян его приветствует.

РОБЕРТ ХАЧАТРЯН. Здравствуй, молодой человек. Откуда ты, из каких краев?

ЛИТЕРАТОР. Я из селения Маралземи, из Мыгры.

РОБЕРТ ХАЧАТРЯН. Мыгры? Почему Мыгры? Все ведь говорят – Мегри.

ЛИТЕРАТОР. Верно, так говорят. Но не все. Наши старики и старухи и сегодня говорят Мыгры. Мыгры – древнее тюркское слово. Означает «палатка», «шатер». То есть место проживания тюрок, которые раскидывали по окрестным холмам да оврагам свои шатры...

РОБЕРТ ХАЧАТРЯН. Ну, все это фантазии историков... Ты – молодой солдат партии. А партия направляет тебя на два года директором в Ереванский государственный драматический театр.

ЛИТЕРАТОР. Простите, товарищ Хачатрян. Вы, наверное, имели в виду Иреванский азербайджанский государственный драматический театр...

РОБЕРТ ХАЧАТРЯН (*осознает «ошибку»*). Да... Конечно... Ты очень внимательный.

ЛИТЕРАТОР. Интересно, почему партия отрывает меня от родной профессии? У меня ведь в области театра ни практики, ни специального образования.

РОБЕРТ ХАЧАТРЯН. Партия доверяет твоей молодости, твоему энтузиазму. Трудолюбию наконец.

ЛИТЕРАТОР. А если я споткнусь, не справлюсь. Что тогда?

РОБЕРТ ХАЧАТРЯН. Ну, люди закаляются именно в трудностях. Упадешь, ты молодой, у тебя будет еще очень много лет впереди, чтобы подняться (*смеется*). Мы тебе всячески поможем. Трагикомическое положение Азербайджанского драматического театра серьезно беспокоит Центральный Комитет. Наше правительство открывало его не для того, чтобы он пришел к такому упадку. Мы создали для вашего театра все условия. А они? Вместо того, чтобы работать, чем занимаются? Интриги, подковерные игры, прочая ерунда. Почему эти мусульмане такие?

ЛИТЕРАТОР. В любом лесу волки водятся... И потом, по-моему, там не все так безнадежно.

РОБЕРТ ХАЧАТРЯН. В общем... Ты должен за эти два года поправить дела в театре. Переходишь в номенклатуру Центрального Комитета. А потом... потом у нас на тебя другие виды.

ЛИТЕРАТОР. А может... может, через два года вас здесь не будет? (*Показывает рукой на комнату*.)

РОБЕРТ ХАЧАТРЯН. Тогда тому, кто придет вместо меня, покажется, что этим назначением мы тебя наказали. И он будет с тобой еще более внимателен, чем я. Как у тебя с армянским языком?

ЛИТЕРАТОР. Немного знаю.

РОБЕРТ ХАЧАТРЯН. А надо знать хорошо, молодой человек. Вы будете посещать армянские коллективы. Будете выступать, давать интервью. Без знания армянского языка здесь работать будет сложно. Это Армения. Столица. Ереван.

ЛИТЕРАТОР. Иреван.

РОБЕРТ ХАЧАТРЯН. Хм... пусть будет так. Молодой человек, запомните, мы все обязаны изучать государственный язык, а также языки друг друга. Görürsünüz, tən sizin dilinizdə nəcə danişıram.

ЛИТЕРАТОР. Я тоже постараюсь.

РОБЕРТ ХАЧАТРЯН. Постарайтесь, молодой человек. Не знать древний армянский язык, которому 2500 лет, – это предосудительно (*Литератор улыбается*.) Чему вы смеетесь?

ЛИТЕРАТОР. Да так... вспомнились ваши недавние слова о «фантазиях историков».

РОБЕРТ ХАЧАТРЯН. Молодой человек, это не фантазии... Это доказанный факт. Впрочем, оставим историю, перейдем к театру... Вы молоды, в коллективе новичок, поэтому должны прислушиваться к нашим советам. Учтите, что за вашей деятельностью будут внимательно наблюдать. Постарайтесь не наделать ошибок, особенно политических. Единственная политика – это политика, проводимая нашей партией. Думаю, вы меня поняли.

ЛИТЕРАТОР. Я вас очень хорошо понял, товарищ Хачатрян (встает). Я могу идти?

РОБЕРТ ХАЧАТРЯН. Погодите... Говорят, вы и стихи пишете, молодой человек. Интересно, о чем именно вы пишете?

ЛИТЕРАТОР. О жизни, о человеке, о земле... Да хотя бы о шахматной доске, что лежит у вас на журнальном столике.

РОБЕРТ ХАЧАТРЯН. Стихи о шахматной доске?!

ЛИТЕРАТОР. Почему бы и нет? В шахматы играли самые выдающиеся философы. А стихи, поэзия – один из предметов философии.

РОБЕРТ ХАЧАТРЯН. Верно. Помните эти стихи наизусть? Прочитайте, пожалуйста.

ЛИТЕРАТОР.

Генералов и пушки копить –
твой удел,
Ну а я полагаться привык на солдат,
И насоки твои на мою цитадель
Бумерангом тебя же с небес поразят.
Ты бессилен душой, да и разумом слаб –
Поразмысли хоть раз на досуге о том,
Где все те, кто кичился деяниями зла,
Кто оружием бряцал в бахвальстве своем?
Атакуешь опять, огрызаясь, как зверь, –
Ну и что же с того?..

Главный бой впереди,
Нам достанет и силы, и чести, поверь,
От защиты к атаке победной прийти!
Знай, исход нашей схватки давно предрешен,
И реваншем в бессилии мне не грози.
Мы закроем счета –
ты попляшешь еще
В день, когда мои пешки прорвутся в ферзи!..

РОБЕРТ ХАЧАТРЯН. Очень хорошо. Надеюсь, когда-нибудь я прочитаю ваши стихи на армянском языке.

ЛИТЕРАТОР. С удовольствием подарю их вам.

РОБЕРТ ХАЧАТРЯН. Возможно, в следующий раз мы сыграем с вами в шахматы.

ЛИТЕРАТОР. Не возражаю.

Миловидная секретарша приносит чай. Улыбаясь, уходит.
Секретарь с хитрецой смотрит на поэта.

РОБЕРТ ХАЧАТРЯН. Ну, как она тебе, красивая?

ЛИТЕРАТОР. Да.

РОБЕРТ ХАЧАТРЯН. Очень уж ты стеснительный, как я погляжу. Ты на эту девушку и краем глаза не взглянул. Ара, не стесняйся, ты же не стариk, молодой парень. Тебе можно (смеется). Ты еще не женат?

ЛИТЕРАТОР. Нет.

РОБЕРТ ХАЧАТРЯН. Советую тебе жениться. У нас таких красавиц пруд пруди. Выбери одну из них, заведи семью. Да вот хоть эту. Будешь ходить холостяком, эти красавицы тебя быстро с пути собьют, ха... ха... как твоего предшественника в директорском кресле... Ара, я шучу э... не обижайся. Присаживайся поближе, попьем чай.

ЛИТЕРАТОР. Спасибо, товарищ Хачатрян. С вашего позволения я пойду.

РОБЕРТ ХАЧАТРЯН. Ара, если не отведаешь чай Хасмик, она обидится.

ЛИТЕРАТОР. Ничего, как-нибудь в другой раз.

РОБЕРТ ХАЧАТРЯН. Хорошо... Тогда иди. И не забывай то, что я тебе сказал. Завтра тебя примет министр культуры. Хасмиկджан, проводи молодого человека.

ХАСМИК. Прошу вас.

ЛИТЕРАТОР. Не беспокойтесь, я найду дорогу (*уходит*).

ХАСМИК. Очень уж стеснительный парень. Как он будет театром руководить?

РОБЕРТ ХАЧАТРЯН. Еще не известно, что у него внутри. Как говорится, в тихом болоте... Пусть пока поработает, а там посмотрим. А рога покажет, побломаем.

ХАСМИК. Одного я не понимаю – почему мы этим тюркам такую волю даем? Вообще, зачем он здесь нужен, их театр?

РОБЕРТ ХАЧАТРЯН. Ты думаешь, мы их очень любим? Но пока так надо. Мы ведь тоже хотим открыть в Баку армянский театр. Они нам слово дали, осталось на правительственном уровне решение подписать... Только бы нам в Баку свой театр открыть... Мы бы превратили его в центр армянской идеологии. Как в Степанакерте... Ну, да ты далека от всего этого, ахчик (*обнимает ее*). Лучше займись своим делом. Вот, например, этот тюрок. Завлеки его, очаруй, чтобы он из-под контроля не вышел...

Затемнение...

КАРТИНА ВТОРАЯ

По мере того, как на сцене становится светлее, мы видим первого секретаря ЦК Компартии Армянской ССР Кочиняна, в раздражении расхаживающего по кабинету. Кочинян обращается к стоящему рядом помощнику.

КОЧИНЯН. Кто такой Гейдар Алиев?

ПОМОЩНИК. Работал в органах госбезопасности. Ему 46 лет. Корни его из Армении, из Зангезура. Сисианский. Из селения Джомардлы.

КОЧИНЯН. Вот оно что. Значит, он нас хорошо знает. Как думаешь, чего от него можно ожидать?

ПОМОЩНИК. Он чекист, товарищ Кочинян. Давать прогнозы по поводу будущих действий чекистов – дело неблагодарное.

КОЧИНЯН. Хм... Жаль... тот, что сидел в кресле до него, был человеком говоривым. Слушал нас. Никогда по поводу земель у нас с ним споров не было. А этот как, интересно? Сможем мы у него хоть какие-то земли забрать?

ПОМОЩНИК. Все будет зависеть от ваших с ним взаимоотношений, товарищ Кочинян.

КОЧИНЯН. Это верно. Надо срочно позвонить в Баку и поздравить его. А потом пригласим его в Ереван. Соедини меня с Баку.

На экране появляется изображение Гейдара Алиева тех лет.

ГЕЙДАР АЛИЕВ. Да, слушаю.

КОЧИНЯН (*делает знак помощнику, мол, сиди тихо*). Здравствуйте, Гейдар Алиевич.

ГЕЙДАР АЛИЕВ (*смеется*). Товарищ Кочинян... Я ждал вашего звонка. Как вы?

КОЧИНЯН. Большое спасибо, товарищ Алиев. Поздравляю вас с избранием первым секретарем ЦК Компартии Азербайджана.

ГЕЙДАР АЛИЕВ. Спасибо... товарищ Кочинян. Как там наш народ поживает?

КОЧИНЯН (*растерянно хлопая глазами*). Что-о?

ГЕЙДАР АЛИЕВ (*смеется*). Я спрашиваю, как поживают мои соотечественники в Иреване?

КОЧИНЯН. А-а... хорошо... работают, живут с нами в ладу и согласии. Жалоб никаких нет, мы постоянно держим руку на пульсе.

ГЕЙДАР АЛИЕВ. А как наш театральный коллектив, проблем у них нет?

КОЧИНЯН. Нет, товарищ Алиев. Мы им такие условия создали, которых и в наших театрах нет.

ГЕЙДАР АЛИЕВ (*засмеявшись*). Ох, и складно говоришь, товарищ Кочинян... только верится с трудом. Помнишь поговорку? У одного дома загорелся, а ему не верят! То есть действительно все проблемы решены?

КОЧИНЯН. Можно сказать, что все. Остался вопрос со зданием...

ГЕЙДАР АЛИЕВ. Да-а... значит, проблемы все же есть... Неужели во всем Иреване не нашлось здания для театра? Если у вас нет возможностей, вы скажите, мы сами построим для коллектива здание. За свой счет.

КОЧИНЯН. Да вы не беспокойтесь, Гейдар Алиевич! Мы этим занимаемся. Гейдар Алиевич, если не возражаете, я пригласил бы вас в Ереван. Хорошо бы встретиться, обсудить кое-какие вопросы...

ГЕЙДАР АЛИЕВ. Конечно, надо непременно повидаться. Столько проблем накопилось! Только ни в Баку, ни в Иреване мы встретиться не сможем. Времени в обрез, сам понимаешь. Встреча на границе – это более реально.

КОЧИНЯН. Приглашаю вас в Дилижан, Гейдар Алиевич, в разгар лета это самое подходящее место...

ГЕЙДАР АЛИЕВ. Дилижан...

«Yenə səni gördüm, Dilican dərəsi,

Yadıma çox qədim zamanlar gəlir...»

«И вновь увидел я тебя, ущелье Дилижана,

Всплыли в памяти моей стародавние времена...»

Стихотворение Самеда Бургунда. Я тоже много раз бывал в тех местах. Но сначала увидимся в Газахе, а уже потом в Дилижане.

КОЧИНЯН. Согласен, Гейдар Алиевич, как считете нужным...

ГЕЙДАР АЛИЕВ. Значит, договорились. А за поздравление спасибо. До свидания!

Телефон умолкает. Кочинян кладет трубку на место.

Вынимает из кармана платок, отирает пот. Садится в кресло.

КОЧИНЯН. У него такой голос... очень внушительный.

ПОМОЩНИК. Что он говорил? Кажется, театром интересовался?

КОЧИНЯН (*смеется*). Да, странный человек. В такой суматохе он о театре спрашивал. Интересовался вопросом нового здания.

ПОМОЩНИК. Говорят, он большой поклонник театра, любит искусство.

КОЧИНЯН. У нас в таких случаях говорят: «Коза о своей шкуре печется, а мяснику сало подавай». У меня свои планы. Мы должны убедить его, чтобы наши соглашения с прежним первым секретарем остались в силе. Это ведь немало земли – из Нахчывана, Газаха, Гедабека... Сегодня для Армении это жизненно важный вопрос. Да и для меня лично, понимаешь? Ты почаще называй его помощнику, напоминай. Мне надо с Алиевым поскорее увидеться. Однако что-то мне подсказывает, что человек он сложный.

Затемнение

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Звучит музыка из оперетты Узеира Гаджибекова «Аршин мал алан». На сцене людской поток, который торопится на площадь. Актеры Иреванского театра расстилают на площади большой палас. Играют небольшой отрывок из пьесы «Аршин мал алан». Звучат оглушительные аплодисменты, восторженные зрители кидают цветы к ногам актеров. Под звуки музыки на сцене темнеет. А когда пространство сцены вновь освещается, зритель видит кабинет министра культуры Армении.

Министр культуры проводит коллегию.

МИНИСТР КУЛЬТУРЫ АРМЕНИИ (указывает на директора первого армянского театра). Вы! Сколько лет вы руководите театром?

ДИРЕКТОР ПЕРВОГО АРМЯНСКОГО ТЕАТРА (встает). Всего один год, товарищ министр.

МИНИСТР КУЛЬТУРЫ АРМЕНИИ. Хорошо, садитесь. (Обращается к другому.) А вы сколько лет на этой должности?

ДИРЕКТОР ВТОРОГО АРМЯНСКОГО ТЕАТРА. Я недавно назначен, товарищ министр.

МИНИСТР КУЛЬТУРЫ АРМЕНИИ. Вы тоже садитесь. (Обращается к третьему.) Вы?

ДИРЕКТОР ТРЕТЬЕГО АРМЯНСКОГО ТЕАТРА. Я?

МИНИСТР КУЛЬТУРЫ АРМЕНИИ. Нет, я!.. Встаньте!.. Сколько лет работаешь в театре директором?

ДИРЕКТОР ТРЕТЬЕГО АРМЯНСКОГО ТЕАТРА (встает). 10 лет, товарищ министр.

МИНИСТР КУЛЬТУРЫ АРМЕНИИ. 10 лет! Видать, крепко ты сидишь... И что вы сделали за эти 10 лет?..

ДИРЕКТОР ТРЕТЬЕГО АРМЯНСКОГО ТЕАТРА. Мы... старались... готовили новые спектакли, товарищ министр. Шекспир...

МИНИСТР КУЛЬТУРЫ АРМЕНИИ (с издевкой прерывает его). Шекспир... Где спектакли, которые находят путь к сердцам зрителей? Где ваш Государственный план? Чем вы там все занимаетесь? Посмотрите на азербайджанский театр. За короткий срок – сколько успешных постановок! Телефонные звонки зрителей уже доходят до моего кабинета. Люди делают заказы на коллективные посещения. Поэтому говорю вам, кто из вас не умеет работать, создавать хорошие спектакли, организовывать успешные гастроли... того я отправлю поучиться в Азербайджанский театр (среди сидящих начинаются движение, оживленное перешептывание. На лицах людей явственно читаются удивление и даже беспокойство). Не бойтесь, командировочных расходов не понадобится. Я вас не в Азербайджан посылаю. Я имею в виду Азербайджанский государственный драмтеатр... Я попрошу руководителя этого театра подняться и рассказать, в чем секрет подобного успеха этих постановок? (Литератор встает.) Может, поделитесь с товарищами своим секретом? Оперетта – не профильный жанр азербайджанского театра, но посмотрите, как прекрасно актеры исполняют арии из «Аршин мал алан». В какой бы район я ни поехал, у меня требуют «Аршин мал алан». А сколько приходит писем! Возможности у театра ограничены, своего здания у них нет, коллектив молодой, однако работают, думают, упорно ищут и в конце концов находят...

ЛИТЕРАТОР. Товарищ министр, хочу выразить благодарность от имени нашего коллектива за теплые слова в адрес театра. Мы будем стараться создавать еще более успешные постановки. Вы только что сказали, что у театра нет своего здания. Решение этого вопроса было бы самой большой радостью для всего коллектива. Идя сюда, я захватил кое-какие документы. С вашего позволения...

В зале наступает тишина. Министр прерывает директора.

МИНИСТР КУЛЬТУРЫ АРМЕНИИ. Конечно, этот вопрос в центре нашего внимания. Мы его тщательно обсудим, найдем пути решения. Если и дальше будете работать в том же темпе, уверен, вопрос со зданием решится в ближайшее время (звонит телефон). Да!.. Конечно, узнал вас, Арсен Вартанович. Спасибо, большое спасибо. Билеты? На какой спектакль? У нас и Папаяна играют... (*От изумления глаза у министра едва не лезут на лоб. С удивлением.*) На «Аршин мал алан?» Сколько билетов?.. Будет сделано... Сейчас поручу... До свидания. (*Кладет трубку. Затем с раздражением.*) Пожалуйста, «Аршин мал алан»... (*Литератору.*) К вам подойдут за билетами. Выделите им 20 билетов. Садитесь... (*С недовольством оглядывает все еще стоящего на ногах директора третьего армянского театра.*) Если ко мне нет вопросов, объявляю заседание коллегии закрытым. Ты, ты и ты зайдете ко мне.

Все расходятся. Директор третьего армянского театра подходит к Литератору.

ДИРЕКТОР ТРЕТЬЕГО АРМЯНСКОГО ТЕАТРА (с намеком). Поздравляю, дружище. Честно говоря, завидую твоему коллективу.

ЛИТЕРАТОР. Я воспринимаю твою зависть вполне естественно. (*Смеется.*)

ДИРЕКТОР ТРЕТЬЕГО АРМЯНСКОГО ТЕАТРА. Ничего не поделаешь. У армян без этого никак нельзя (*хочет*). Однако хочу тебя предупредить: обещание министра предоставить вам помещение – пустые слова. Никогда вам нового здания не дадут.

ЛИТЕРАТОР. Почему ты так думаешь?

ДИРЕКТОР ТРЕТЬЕГО АРМЯНСКОГО ТЕАТРА. Да хотя бы потому, что вы бережно сохраняете и развиваете прекрасные традиции азербайджанского театра, изучаете особенности армянского театра, любите грузинский театр. Интересуетесь российскими театрами. Одним словом, впитываете в себя богатства и опыт многих театральных школ. Если у вас будет свое здание, ваш театр превратится в один из самых сильных в Ереване. А этого ни наш министр культуры, ни я – твой друг – принять не смогу. Так что не утруждай себя этим вопросом.

ЛИТЕРАТОР. Тебя ведь, кажется, министр к себе звал.

ДИРЕКТОР ТРЕТЬЕГО АРМЯНСКОГО ТЕАТРА (*усмехаясь*). Пока, дружище. (*Удаляется.*)

ЛИТЕРАТОР (*долго смотрит ему вслед, потом, качая головой, с горечью*). И это тебе «друг» называется. Ну что ж, спасибо за откровенность...

Затемнение

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

*Кабинет секретаря Ереванского городского комитета партии Степаняна.
Прохаживаясь по кабинету, Степанян читает стихотворение из какой-то книги.*

СТЕПАНЯН.

Я – пехотинец века своего,
я только рядовой в толпе веков...
Бабека клич, победный зов,
что молнией прорежет ночь...
Я – песнь Юнуса¹, рифмы звон...
Летят к победе всадники мои –
лечу за ними удалым джанги²!..

¹Имеется в виду Юнус Эмре (1238-1328), турецкий поэт, последователь суфизма, оказавший огромное влияние на всю турецкую литературу, считается основоположником турецкого стихосложения.

²Джанги (или джен-ги) – азербайджанский национальный военный танец, основная тема танца – победная героика, восхваление воинской храбрости.

*Плечом к плечу с отважным Кероглу
шагаю в бой...
Шагаешь в лад со мной
всегда и всюду, в каждом из веков,
в шеренге первой –
ты, потомок мой.
Век мой пройдёт в сраженьях...
Усталость во мне...
Посмотри,
кто у века сего на коне?*

*...Колыбелька моя,
милой мамы напев,
и тихонько
Хазар подпевает тебе...
Гобустан,
Вечность пишет
свой синий дастан
на ладонях твоих...
Пламенея вдали,
не сгорая, горит
сердце этой земли...
Головой белоснежной
поник Физули,
в вековечной печали
склоняясь над ней...
Вечной Истины зов
из столетий немых,
из молитвы,
что утром струят минарет...
Клич победный Бабека
навстречу заре...
И отвага Мехти
в чужdom вражьем краю,
словно мужества песнь
и Истории весть...*

(Инструктор.) Ты эти стихи читал?

ИНСТРУКТОР. Да, товарищ секретарь. Бред какой-то.

СТЕПАНЯН. Бред не бред, а для нас это недопустимо. Ты только посмотри, какой храбрец выискался! Жить и работать в самом сердце Еревана, писать стихи о заклятом враге армянского народа Бабеке, да еще издавать эти стихи! Это как называется?!

ИНСТРУКТОР. Товарищ секретарь, в нашем издательстве хотели помешать выпускну этой книги. К сожалению, не смогли. У этого литератора, а благодаря ему и у других представителей азербайджанской интеллигентии позиции здесь пока крепкие. И особенно они активизировались после прихода к руководству Гейдара Алиева.

СТЕПАНЯН. Гейдар Алиев...Гейдар Алиев. Ничего, придет время, не только их самих, духа ихнего на нашей земле не будет. (Садится.) И где же этот турок, чего не идет?

ИНСТРУКТОР. Сейчас посмотрю

Выходит. Секретарь вновь перелистывает книгу стихотворений и с раздражением кладет ее в сторону. Входят Литератор с инструктором.

ЛИТЕРАТОР. Добрый день... (*Степанян не отвечает, будто не видя литератора.*) Вызывали?

СТЕПАНЯН (*не глядя на литератора, холодно указывает ему место*). Проходите, садитесь. (*Литератор садится. По-прежнему не глядя на литератора.*) Хотел бы узнать, чем вы там в театре занимаетесь?

ЛИТЕРАТОР. Работаем над новыми спектаклями. Готовим пьесу Шекспира.

СТЕПАНЯН. Шекспир, Шекспир... Чего вы все носитесь с этим Шекспиром? Почему не обращаетесь к нашим драматургам?

ЛИТЕРАТОР. Отчего же? Мы и армянских авторов включили в репертуар. Но у нас другая проблема. Квартиры для актеров...

Секретарь поднимает трубку телефона и кому-то звонит.

СТЕПАНЯН. Алло, да, как ты? Сделал, как я сказал? А он? Согласился? Хорошо, хорошо, придешь, вместе пойдем. Как, как? Ха...ха...ха... (*Хочет.*) Ладно, пока, мозги мне не пудри. (*Кладет трубку на место. Обращается к литератору.*) Так, так, говорят, вы... (*некоторое время молчит, потом недовольно смотрит на литератора*) взяли на работу двух актеров, не имеющих постоянного места прописки в Ереване. Это правда?

ЛИТЕРАТОР. Да, правда. Я как раз и говорил об их жилищной проблеме. Но вы меня не дослушали.

СТЕПАНЯН. Говорите.

ЛИТЕРАТОР. Жилищная проблема – очень острый для нашего театра вопрос. За последние пять лет мы не получили ни одного квадратного метра жилплощи. Что касается двух молодых актеров, они – выпускники Азербайджанского государственного института искусств. Приехали в наш театр по распределению, по запросу Министерства культуры Армянской ССР. Мы приняли их на работу, передали в паспортный стол документы для регистрации в нашем общежитии. Через месяц вопрос с регистрацией решился. Здесь нет ничего противозаконного.

СТЕПАНЯН. Прожить целый месяц в Ереване без регистрации... если каждый начальник будет брать на работу специалиста, а потом заниматься его регистрацией... Ереван вам что, безразмерный?! В деревнях скоро никого не останется!

ЛИТЕРАТОР. Ну, во-первых, они приехали не из деревни, а из Баку. В этом деле нет ничего противозаконного. Мы обязаны принять на работу специалистов, приехавших по распределению, обязаны их зарегистрировать. А, во-вторых, повторяю, мы пять лет не получаем ни одной квартиры. Этот вопрос должен вас больше беспокоить... Даже если допустить, что было допущено небольшое правонарушение. Молодые актеры нужны театру, как воздух. Что нам делать в противном случае? Закрыть театр?

СТЕПАНЯН. Нужно будет, закроем...

ЛИТЕРАТОР. Вы думаете, это так легко? Сейчас новые театры открывают, то-варищ секретарь, а не закрывают. И потом, не вы этот театр открывали, не вам его и закрывать.

СТЕПАНЯН (*с гневом*). Вы забываете, где находитесь. Что это за тон и что за язык (*ударяет кулаком по столу*)?

ЛИТЕРАТОР. Я – в городском комитете партии и говорю на армянском языке.

СТЕПАНЯН. Мы должны говорить на партийном языке.

ЛИТЕРАТОР. Ваш язык не похож ни на язык партии, ни на язык руководителя. Да вы и не способны говорить на этих языках.

Встает, поворачивается и идет к двери.

СТЕПАНЯН. Вам кто разрешил уйти? Это еще что за храбрость?

ЛИТЕРАТОР. Невелика храбрость уйти от вас подобным образом. Можете меня больше не вызывать. Все равно не приду. (Уходит.)

СТЕПАНЯН (*вне себя от ярости кричит вслед литератору*). Это тебе дорого обойдется!..

Литератор выходит из приемной. Инструктор бежит вслед.

КАРТИНА ПЯТАЯ

Коридор Ереванского городского комитета партии.

Литератор идет быстрым шагом. Инструктор еле настигает его.

ИНСТРУКТОР. Постойте... Прошу вас, вернитесь...

ЛИТЕРАТОР. Зачем?

ИНСТРУКТОР. Вернитесь, попросите прощения!

ЛИТЕРАТОР. У кого?

ИНСТРУКТОР. У секретаря, у товарища Степаняна.

ЛИТЕРАТОР. Я не для того говорил это, чтобы извиняться.

ИНСТРУКТОР. Понимаете... Секретаря вывело из себя ваше стихотворение про Бабека.

ЛИТЕРАТОР. Но у меня нет стихотворения про Бабека.

ИНСТРУКТОР. Как же нет? А вот это: «Бабека клич, победный зов...», или: «Клич победный Бабека навстречу заре...» Это разве не вы написали?.

ЛИТЕРАТОР. Это отдельные строки из разных стихотворений.

ИНСТРУКТОР. В любом случае, вы не должны были упоминать имени Бабека!

ЛИТЕРАТОР. Почему это я не должен был упоминать Бабека?

ИНСТРУКТОР. Как это «почему»? Разве вы не знаете, что Бабек уничтожил 50 тысяч армян? (*Литератор смеется.*) Что тут смешного?

ЛИТЕРАТОР. Интересно, сколько же было в мире армян, что их тысячелетиями все уничтожают, а извести под корень никак не могут... Что за чушь вы несете?

ИНСТРУКТОР (*пытается лестью вернуть его обратно*). Я же знаю... Вы порядочный, честный человек... Вернитесь, пожалуйста, принесите извинения, не стоит усложнять ситуацию... (*Переходит к угрозам.*) Вы не знаете, в этом кабинете и секретарей, и даже министров с работы снимают, из партии исключают...

ЛИТЕРАТОР. Я не секретарь и не министр. Я писатель. Если такие, как он, будут решать мой партийный или служебный вопрос, пусть решают, посмотрим. Но я никогда не попрошу у него прощения. Он – идиот, невежда. Так ему и передай. До свидания... (*Уходит быстрым шагом.*)

ИНСТРУКТОР (*смотрит ему вслед с изумлением*). Клянусь Богом, этот упертый турок съел сердце волка. Ничего не боится!..

Затемнение

КАРТИНА ШЕСТАЯ

Полночь. На небе появляются звезды. Лунный свет освещает гостевой дом, расположенный посреди живописной природы Дилижана. Дом окружают телохранители. Гейдар Алиев и Антон Кочинян на веранде ведут разговор. Гейдар Алиев хохочет от души. Антон Кочинян присоединяется к Гейдару Алиеву.

ГЕЙДАР АЛИЕВ (*давясь от смеха*). Антон... Антон... Я эту историю в юности слышал... А ты сейчас рассказываешь... Да еще и искажаешь... Тот, что с дерева упал, был не азербайджанцем, а армянином. Лучше старые анекдоты не рассказывай, а если рассказываешь, то не привирай...

КОЧИНЯН (*смеется*). Гейдар Алиевич, я вам очень благодарен, что вы нашли время за такой короткий срок увидеться со мной. Мы сегодня в Газахе – и по пути в машине, и во время ужина – много вопросов обсудили. Но есть такие темы – там их невозможно было обсуждать. Об этом надо говорить с глазу на глаз, как говорится, тет-а-тет.

ГЕЙДАР АЛИЕВ (*устремляет свой пронзительный взгляд на Кочиняна. Тот умоляюще смотрит на своего грозного собеседника*). Слушаю.

КОЧИНЯН. Понимаете, Гейдар Алиевич, Бюро Центральных Комитетов обеих республик, Президиумы Верховных Советов приняли решение о передаче некоторых территорий Азербайджана Армении. Я очень попросил бы вас ускорить исполнение данных решений.

ГЕЙДАР АЛИЕВ. Антон, во-первых, ты хорошо знаешь, что у этих решений нет ни юридической, ни логической основы.

КОЧИНЯН (*поспешно*). Но решение ведь принято. Согласовано с Политбюро...

ГЕЙДАР АЛИЕВ. Повторяю, решение безосновательно, и исполнять его нельзя. Большинство земель, на которые вы претендуете, находятся в Газахском районе. Днем ты видел этих ласковых, добросердечных людей, с натруженными ладонями... Как я могу отнять принадлежащую им землю и отдать другим?

КОЧИНЯН. Но есть же факты истории...

ГЕЙДАР АЛИЕВ. Настоящий исторический факт заключается в том, что место, где мы с тобой сейчас разговариваем, Диличан, это – древняя азербайджанская земля. Сорок лет вы меняете топонимы, никак завершить не можете. Помнишь, я процитировал по телефону слова нашего великого поэта? «И вновь увидел я тебя, ущелье Диличана, всплыли в памяти моей стародавние времена...». Самед Вургун неспроста говорит о «стародавних временах» ... Эх, Антон, Антон, неужели ты и впрямь не знаешь, что сегодняшняя Армения была создана в основном за счет земель Азербайджана?

КОЧИНЯН (*жалобно*). А как же решение Политбюро?

ГЕЙДАР АЛИЕВ. Я в Политбюро доложил, они меня поняли. По этому поводу не беспокойся.

КОЧИНЯН. Гейдар Алиевич, меня же в отставку отправят. Скажут: он не смог добиться выполнения этого жизненно важного для Армении решения.

ГЕЙДАР АЛИЕВ. Антон, уровень твоего национализма мне известен, а вот о степени национализма того, кто придет после тебя, сказать что-либо сложно. Поэтому я буду тебя поддерживать, никто тебя с должности не снимет, будь спокоен. Но и ты должен серьезно заняться проблемами своей республики, во-первых, найти лекарство от этой заразы национализма, шовинизма, во-вторых, навести порядок в своей вотчине. (*Подумав.*) Скажу откровенно: тебя ведь в Армении называют не «Антон Ервандович», а «Антон Брилиантович». Поэтому серьезно подумай, серьезно. Я буду тебя защищать, и ты проработаешь еще по меньшей мере 5-6 лет. Но запомни, Азербайджан больше не отдаст никому ни пяди своей земли!

Затемнение. Слышится громкий голос Гейдара Алиева.

ГОЛОС ГЕЙДАРА АЛИЕВА. Уверен, что после него к руководству республикой придет еще более ярый националист – шовинист. Деятельность руководства Армении за последние сорок лет позволяет прийти к такому выводу. Поэтому кандидатура Кочиняна на ближайшие несколько лет для нас приемлема...

ЗАНАВЕС

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

КАРТИНА СЕДЬМАЯ

Ночь. Стрекотание насекомых нарушает тишину ночи. Тьму рассеивает звездное небо и лунный свет. И в этой таинственной ночи на небе отражается лицо Литератора. Он читает стихотворение. Соединяясь с гармонией цикад, стихотворение разносится по всему пространству...

ГОЛОС.

Чувствуется приближение утра. Небосвод светлеет...

КАРТИНА ВОСЬМАЯ

Сцена освещается, и мы оказываемся в кабинете начальника Следственного отдела Главного управления милиции города Ереван, майора Шахмазасьяна.

ШАХМАЗАСЬЯН. Все это я прекрасно знаю, дорогой Паша муаллим! Есть такие вещи, которых не знаете вы. Сколько на него жалоб приходит. На публике ведет себя грубо, на товарищей по работе руки поднимает... Да что там говорить – на днях избил милиционера. Да, да, избил! За то, что тот позволил себе заговорить об Андроник-паше... Уважаемый Паша муаллим, вы мудрый, влиятельный человек, давайте не будем спорить. Это ведь не единичный факт. Жалоб на него – выше крыши... Мы должны еще с этим разобраться, Паша муаллим...

*Шахмазасъян со злостью захлопывает лежащую перед ним папку и, закурив сигарету, начинает ходить по кабинету.
Входит его помощник, старший лейтенант милиции.*

СТАРШИЙ ЛЕЙТЕНАНТ. Товарищ начальник, что говорил этот турок?
ШАХМАЗАСЬЯН. Звонил по поводу Лятифа Насибова. Спрашивал, почему он до сих пор не получил звания капитана, хотя его уже давно представили.

СТАРШИЙ ЛЕЙТЕНАНТ. Вот это всё дело и портит. Вы же знаете, что представление подготовил ваш предшественник. Мы ему много раз говорили: не надо, не надо сажать этих турок на голову. А он? Неудобно говорит, несправедливо это

ШАХМАЗАСЬЯН. Сукин сын. Справедливый какой выискался! Хорошо, что его отсюда пинком под зад вышибынули.

СТАРШИЙ ЛЕЙТЕНАНТ. Товарищ начальник, и что вы решили? Дадите звание капитана этому турку? А как же я?

ШАХМАЗАСЬЯН. Только через мой труп... Есть, конечно, одна закавыка в лице этого Паши Гурбанова. Ты знаешь, он в партийных органах человек не маленький. С ним считаются. Боюсь, раздует он эту историю. Да и вы тоже пассивничаете. Неужели до сих пор этого Лятифа на чем-нибудь зацепить не могли?

СТАРШИЙ ЛЕЙТЕНАНТ. Товарищ начальник, на него два раза покушение готовилось. И каждый раз ему везло. Народец-то его любит. Донесли...

ШАХМАЗАСЬЯН. Его надо по работе зацепить. (*Пауза.*) Каким делом он сейчас занимается?

СТАРШИЙ ЛЕЙТЕНАНТ. Одного молодого парня, турка, арестовали. Ведет следствие по его делу.

Шахмазасъян, немного поразмыслив, берет трубку телефона. Звонит.

ШАХМАЗАСЬЯН. Алло, Самвел, привет! Как дела в управлении? Послушай, этот турок недоделанный..., да я о Лятифе. Он на работе? (*Пауза.*) Ага... ага... Хорошо, прекрасно. О моем звонке в управлении чтобы никто не знал. Совершенно секретно. Я сам позднее туда подойду. До свидания. (*Кладет трубку и, обращаясь к лейтенанту.*) Слушай сюда. Идем в отделение уголовного розыска.

СТАРШИЙ ЛЕЙТЕНАНТ. Зачем, товарищ начальник?

ШАХМАЗАСЬЯН (*передразнивает*). Зачем, зачем? Ты сколько лет в милиции, не понял моего плана? А еще капитаном стать мечтаешь.

СТАРШИЙ ЛЕЙТЕНАНТ. Да, да, понимаю, товарищ начальник. Шантаж.

ШАХМАЗАСЬЯН. Слава Богу! Значит, так: Лятиф сейчас в своем кабинете опрашивает мать этого парня. В процессе опроса может всплыть разговор о взятке. Если мы сможем поймать его с поличным, ему крышка. Сумеем провернуть операцию, счтай, погоны капитана у тебя на плечах. Пошли!..

Выходят из комнаты.

КАРТИНА ДЕВЯТАЯ

Отдел угрозыска. Кабинет Лятифа Насибова.

Мать незаконно арестованного Алигулу обсуждает с Лятифом Насибовым дело сына.

МАТЬ. Ай, Лятиф, клянусь Аллахом, мой сын на такое не способен. Ты же его хорошо знаешь. Разве он может взять чужое? Милиционеры специально подсунули бриллиантовое кольцо ему в карман. Оклеветали парня.

ЛЯТИФ НАСИБОВ. Я тебе верю, мать. Они только и горазды против наших людей копать. Ты мне лучше вот что скажи: когда в доме Оганяна случилось это воровство, где был твой сын? Это очень важно.

МАТЬ. К несчастью, в это время мой сын проходил по их кварталу. Ну, милиция и воспользовалась этим. Боюсь, что они силой заставят ребенка признать свою вину.

ЛЯТИФ НАСИБОВ. Будь спокойна, мать. Пока я здесь, никто на него руки не посмеет поднять. Я в дом Оганяна опять послал экспертов. Нигде в доме нет отпечатков пальцев твоего сына.

МАТЬ. Да поможет тебе Аллах, сынок! Как хорошо, что ты здесь работаешь. Иначе эти недостойные столько наших людей пересажали бы!..

Дверь внезапно распахивается. В кабинет входит старший лейтенант. Лятиф с удивлением смотрит на него.

СТАРШИЙ ЛЕЙТЕНАНТ. Ничего не трогать, кабинет не покидать!..

ЛЯТИФ НАСИБОВ. Что вам надо? Вы чего без стука входите?

СТАРШИЙ ЛЕЙТЕНАНТ. В соответствии с поступившим к нам сигналом в кабинете будет произведена проверка. Это распоряжение товарища Шахмазасьяна (*вытаскивает из кармана бумагу и показывает ее Лятифу Насибову*). Прошу вас не мешать процессу.

ЛЯТИФ НАСИБОВ. Вот оно что... ну что ж, проверяйте.

Старший лейтенант вначале подходит к Матери.

СТАРШИЙ ЛЕЙТЕНАНТ. Встаньте! Поднимите руки!

ЛЯТИФ НАСИБОВ. Ты кому говоришь? Ты вообще соображаешь, что делаешь?

СТАРШИЙ ЛЕЙТЕНАНТ. Мне поручено проверить в комнате всех и всё.

ЛЯТИФ НАСИБОВ. Ты не можешь обыскивать женщину. А так, проверяй, что хочешь...

Старший лейтенант, оставив пожилую женщину в покое, приближается к Лятифу Насибову. Хочет обыскать его.

ЛЯТИФ НАСИБОВ Да погоди ты. Я сам...

Выворачивает карманы, кладет содержимое на стол. Старший лейтенант проверяет то, что извлек из карманов Лятиф Насибов. Приближается к сейфу, проверяет и его, не находит ничего, выдвигает один за другим ящики стола, опять безрезультатно. Когда обескураженный старший лейтенант пытается выйти из кабинета, туда входит Шахмазасьян. Старший лейтенант стремглав бросается ему навстречу, вытягивается по стойке «смирно» и торопливо докладывает.

СТАРШИЙ ЛЕЙТЕНАНТ. Товарищ начальник, ничего не обнаружено.

ШАХМАЗАСЬЯН. Значит, плохо искали.

ЛЯТИФ НАСИБОВ. Товарищ начальник, объясните мне, что вы здесь ищете? Может, я вам смогу помочь.

ШАХМАЗАСЬЯН. Старший лейтенант Насибов, я вам слова не давал. Выходите и ждите за дверью! Выходите, я вам говорю! (*Лятиф Насибов тихо выходит из кабинета. Шахмазасьян старшему лейтенанту.*) И ты выди.

Старший лейтенант покидает комнату. Шахмазасьян подходит к Матери.

МАТЬ (в смятении). Я тоже, наверное...

ШАХМАЗАСЬЯН. Вы нет... Сидите, сидите. По глазам вашим вижу, что вы – человек искренний и правдивый. Я уважаю таких людей. За одно правдивое слово могу простить все грехи.

МАТЬ. Что вы имеете в виду, товарищ начальник?

ШАХМАЗАСЬЯН. Смотрите, вашего сына арестовали, не так ли?

МАТЬ. Он ни в чем не виноват, товарищ начальник.

ШАХМАЗАСЬЯН. Дело не в этом. Я о другом хочу спросить. Хочу сказать, что ради освобождения своего сына вы готовы кого-то отблагодарить. Верно ведь?

МАТЬ. Верно. Правда, мой мальчик ни в чем не виноват. Но, если надо, я готова...

ШАХМАЗАСЬЯН. Вот спасибо! Лятиф поможет твоему сыну. А ты отблагодаришь...

МАТЬ. Вас?

ШАХМАЗАСЬЯН. Да не меня, Лятифа.

МАТЬ. Но он же еще не помог.

ШАХМАЗАСЬЯН. Если поможет!

МАТЬ. Если поможет, конечно, отблагодарю.

ШАХМАЗАСЬЯН. Вот спасибо. (Протягивает ей бумагу и ручку.) Смотри, здесь написано, что Лятиф помог твоему сыну, а ты за это отблагодарила его.

МАТЬ. Но дело-то еще не закончено.

ШАХМАЗАСЬЯН. Представь себе, женщина, что все закончилось, твой сын на свободе. Поставь подпись иди себе с миром.

МАТЬ. Как же я могу себе это представить, товарищ начальник? Да еще подписывать то, чего не было.

ШАХМАЗАСЬЯН. Ты что, не понимаешь, что я говорю? Сколько уже дней сюда ходишь. Он у тебя ничего не просил?

МАТЬ. Клянусь Аллахом, ничего такого не было. Зачем на человека напраслину возводить?

ШАХМАЗАСЬЯН. Послушай, ты хочешь, чтобы твоего сына освободили?

МАТЬ. Как же не хотеть. Хочу, конечно.

ШАХМАЗАСЬЯН. А раз так, говорю тебе в последний раз. Если подтвердишь, что дала ему деньги, в ту же минуту издам приказ, заберешь сына и пойдешь домой. Иначе я и тебя за решетку посажу. Ну, что скажешь?

МАТЬ. В чем я провинилась, товарищ начальник?

ШАХМАЗАСЬЯН. Вот надаю тебе тумаков, сразу поймешь. Подписывай, старая карга, сын твой тебя ждет. И убирайтесь оба в преисподнюю! А то я решение свою изменю. Ну?!

МАТЬ. Клянусь Аллахом, не понимаю, зачем вам это надо?

ШАХМАЗАСЬЯН. А вот я сейчас разъясню (Подходит к ней, замахивается и начинает орать.) Подписывай... Подписывай, тебе говорят? Поняла?!

Лятиф тихонько входит в кабинет и осторожно закрывает за собой дверь.

ЛЯТИФ НАСИБОВ. Товарищ начальник?!

ШАХМАЗАСЬЯН. Ты почему вошел без разрешения?

ЛЯТИФ НАСИБОВ (с иронией). Вижу, вы очень любите, когда вас благодарят. Поэтому принес кое-что...

ШАХМАЗАСЬЯН. Ты чего там бормочешь? Тебе говорят – выйди вон!

Лятиф снимает фуражку, аккуратно кладет ее на стол. Снимает с пояса ремень, наматывает на руку и начинает бить им по лицу Шахмазасьяна. Шахмазасьян, по-бабы заскулив и жалобно стеная по-армянски, залезает под стол.

Лятиф Насибов продолжает хлестать его и под столом.

ЛЯТИФ НАСИБОВ. Вот тебе, получай благодарность! Ешь! Досыта ешь!

Крики Шахмазасьяна разносятся по кабинету. За дверью слышен громкий голос старшего лейтенанта.

СТАРШИЙ ЛЕЙТЕНАНТ. Открой дверь, открой дверь, тебе говорят! Открывай быстрее!

Лятиф Насибов останавливается, переводит дух. Затем подходит к двери, открывает ее. В кабинет втискивается старший лейтенант, осматривается в поисках своего начальника.

СТАРШИЙ ЛЕЙТЕНАНТ. А где товарищ начальник?

ЛЯТИФ НАСИБОВ. Под столом кушает сладкое.

СТАРШИЙ ЛЕЙТЕНАНТ. Товарищ начальник, что случилось? Вы почему под столом?

ШАХМАЗАСЬЯН. Моя фуражка...

*Старший лейтенант извлекает Шахмазасьяна из-под стола.
Ругаясь и ворчая по-армянски, начальник поднимает фуражку с пола,
нахлобучивает ее на голову и бочком выходит из кабинета.*

ШАХМАЗАСЬЯН (у дверей). Ну, держись, Насибов, устрою я тебе судный день...
МАТЬ (жалея Лятифа Насибова). Сынок, Лятиф, что же теперь с тобой будет?

ЛЯТИФ НАСИБОВ. Чему быть, того не миновать. У меня не было другого выхода.

По-хорошему эти люди не понимают.

МАТЬ. И все из-за меня.

ЛЯТИФ НАСИБОВ. Это не так, мать. Он меня давно достает. Спасибо, что не поддалась на его угрозы.

МАТЬ. Да это тебе спасибо, сынок. У меня аж на душе полегчало. О сыне даже забыла...

Лятиф Насибов и Мать тихонько смеются.

Затемнение.

КАРТИНА ДЕСЯТАЯ

Москва. Зимний вечер. Бой Кремлевских курантов разносится далеко вокруг. После боя курантов слышатся звуки марша Советского Союза. Под звуки марша тьма постепенно рассеивается, и сцена ярко освещается. Перед зрителями – кабинет секретаря ЦК КПСС Михаила Суслова. Суслов и Кочинян сидя беседуют.

МИХАИЛ СУСЛОВ. Пожалуйста, товарищ Кочинян, я вас слушаю. (Кочинян собирается с мыслями, видно, что он чем-то удручен.) Что случилось? Вижу, вы не в настроении.

КОЧИНЯН. Дорогой Михаил Андреевич, я вас опять беспокою в связи с Нагорным Карабахом. Вы сами знаете, что живущие там соотечественники – это неотъемлемая часть нашего народа. Что касается Карабаха, то он неразрывными нитями связан с Арменией. Наш народ...

МИХАИЛ СУСЛОВ. А что стряслось с карабахскими армянами? Воздуха им что ли не хватает, или горные реки пересохли?

КОЧИНЯН. Ситуация там очень тяжелая, товарищ Суслов. Народ живет словно на чужой земле. В результате двуличной политики азербайджанского руководства отношение к армянам там крайне несправедливое. Гейдар Алиев чуть ли не в каждом своем выступлении объявляет Карабах неотъемлемой частью Азербайджана. Это заставляет национальные чувства карабахских армян, раздражает их.

МИХАИЛ СУСЛОВ. А что, разве Карабах – это не азербайджанская земля? Есть карты, границы...

КОЧИНЯН. Вы же хорошо знаете историю, товарищ Суслов. В свое время Нариманов, пользуясь расположением Сталина, сумел включить Карабах в границы своей республики. Между тем Карабах исторически всегда...

МИХАИЛ СУСЛОВ. Послушайте, товарищ Кочинян, давайте не будить историю. История сегодня – это спящий лев. Если проснется, знает, какой хаос может создать? Оба народа вынуждены жить вместе. Другого выхода нет. А Гейдар Алиев – очень трудолюбивый, искренний руководитель. Какие бы проблемы ни появились, он все способен решить.

КОЧИНЯН. Товарищ Суслов, все это правильно. Однако соотечественники, живущие в Карабахе, нас очень часто беспокоят. В наш адрес текут бесчисленные письменные жалобы. Интересно то, что и азербайджанцы, проживающие в Карабахе, недовольны тамошней экономической ситуацией.

МИХАИЛ СУСЛОВ. Товарищ Кочинян, давайте рассуждать логически. Если такая развитая в экономическом отношении республика, как Азербайджан, не в состоянии, как вы говорите, на должном уровне содержать Карабах, то что может там сделать Армения, живущая на дотации Центра? К тому же, статистические показатели, приходящие из Азербайджана, рисуют совершенно другую картину.

КОЧИНЯН. Товарищ Суслов, Леонид Ильич с закрытыми глазами верит в информацию, которую посыпает ему Гейдар Алиев. Он словно загипнотизировал Брежнева. Вот и сейчас Алиев у него на приеме. Я к вам зашел, а он к Брежневу.

МИХАИЛ СУСЛОВ. Я бы не сказал, что это слепая вера. Гейдар Алиев делает в Азербайджане большие дела. Есть факты, есть доказательства. Именно трудолюбие Гейдара Алиева «загипнотизировало» Леонида Ильича...

КОЧИНЯН. Товарищ Суслов, армянская нация всегда считала вас, русских, надежной опорой. В самые тяжелые времена вы приходили нам на помощь. А турки, мусульмане никогда не любили русских. В том числе Гейдар Алиев...

Суслов меняется в лице, в гневе ударяет кулаком по столу.

МИХАИЛ СУСЛОВ. Хватит, товарищ Кочинян, хватит! Хватит этого армянского национализма! Довольно! Идите и займитесь своим делом.

КОЧИНЯН. Простите, товарищ Суслов!

МИХАИЛ СУСЛОВ. Можете идти!

Кочинян, потерянный, заплетающимися шагами выходит из кабинета.

МИХАИЛ СУСЛОВ. Странная нация эти армяне, очень странная! Национализм из них так и прет!

Входит секретарша Михаила Суслова.

СЕКРЕТАРША МИХАИЛА СУСЛОВА. Михаил Андреевич, из Азербайджана Гейдар Алиевич пришел к вам на прием.

МИХАИЛ СУСЛОВ. Пусть заходит...

Секретарша Михаила Суслова выходит. Немного спустя выходит Гейдар Алиев.

МИХАИЛ СУСЛОВ. Рад вас видеть, Гейдар Алиевич.

ГЕЙДАР АЛИЕВ. Здравствуйте, Михаил Андреевич. По-моему, кто-то крепко испортит вам настроение.

МИХАИЛ СУСЛОВ. Да уж... твой армянский коллега. Столько всего наговорил...

ГЕЙДАР АЛИЕВ. Наверное, про Карабах...

МИХАИЛ СУСЛОВ. Точно, откуда вы знаете?

ГЕЙДАР АЛИЕВ. Как больной мечтает о сладкой груше, так же и они заладили: Карабах, Карабах...

МИХАИЛ СУСЛОВ. Да, говорят... К тому же плохое говорят.

ГЕЙДАР АЛИЕВ. А хотите, я расскажу, о чем говорил Кочинян?

МИХАИЛ СУСЛОВ (заинтересованно). Расскажите, интересно.

ГЕЙДАР АЛИЕВ. О тяжелой жизни карабахских армян. О том, что народ там якобы доведен до ручки.

МИХАИЛ СУСЛОВ. Правильно.

ГЕЙДАР АЛИЕВ (*продолжает*). О том, что Карабах исторически принадлежал армянам. А потом Нариманов присоединил его к Азербайджану.

МИХАИЛ СУСЛОВ. Вы будто рядом с нами находились, Гейдар Алиевич. Может, наш разговор был слышен в приемной?

ГЕЙДАР АЛИЕВ (*улыбается*). Михаил Андреевич, вы прекрасно знаете, что через ваши двойные, обитые войлоком, двери ни один звук наружу не проникнет.

МИХАИЛ СУСЛОВ. Это правда.

ГЕЙДАР АЛИЕВ. Хотите, продолжу.

МИХАИЛ СУСЛОВ (*с интересом*). Будьте добры.

ГЕЙДАР АЛИЕВ. После вступления мой армянский коллега прошелся по моей личности. Будто я не люблю русских и все такое прочее...

МИХАИЛ СУСЛОВ. Да вы настоящий экстрасенс, Гейдар Алиевич. Скажите откровенно, откуда вы все это знаете?

ГЕЙДАР АЛИЕВ. Многолетняя практика делает свое дело, Михаил Андреевич. Определять, о чем будет говорить тот или иной человек, исходя из особенностей своего характера, – это уже стало для меня привычкой. Тем более если это «универсальный» армянский характер.

Оба смеются. Секретарша Михаила Суслова вносит чай.

МИХАИЛ СУСЛОВ. Давайте сменим тему разговора. (*Приглашает собеседника к столу.*) Проходите, садитесь. (*Садятся.*) Лучше расскажите, как у вас там дела.

ГЕЙДАР АЛИЕВ. Я ведь пришел к вам с новым предложением.

МИХАИЛ СУСЛОВ. Вы всегда приходите с новым интересным предложением. Слушаю вас.

ГЕЙДАР АЛИЕВ. Вскоре исполняется 50 лет со дня установления Советской власти в Нагорном Карабахе. Мы хотели бы отметить это событие вместе с двумя народами в Ханкенди.

МИХАИЛ СУСЛОВ. А где это «Ханкенди»?

ГЕЙДАР АЛИЕВ. Нынешний Степанакерт.

МИХАИЛ СУСЛОВ. Да...да...

ГЕЙДАР АЛИЕВ. Мы намерены отметить это событие очень торжественно. По-моему, это пойдет на пользу обеим общинам.

МИХАИЛ СУСЛОВ. Прекрасное предложение. Его надо немедленно претворить в жизнь. Такие мероприятия очень нужны советскому народу. Только будьте осторожны: никаких национальных, политических мотивов. Вы меня понимаете.

ГЕЙДАР АЛИЕВ. Михаил Андреевич, хочу пригласить вас на этот праздник. Если вы все увидите своими глазами, то вымыслам Кочиняна будет положен конец.

МИХАИЛ СУСЛОВ. Я вам верю, Гейдар Алиевич.

ГЕЙДАР АЛИЕВ (*засмеявшись*). Так вы поэтому так сильно укололи его?

МИХАИЛ СУСЛОВ (*удивленно*). Откуда вам это известно, Гейдар Алиевич?

ГЕЙДАР АЛИЕВ. Когда он мимо меня проходил, я услышал вздохи этого бедолаги.

МИХАИЛ СУСЛОВ (*расхохотался*). Ай да Гейдар Алиевич! Вы очень интересный человек.

ГЕЙДАР АЛИЕВ. Мне кажется, что место от укола еще долго будет его беспокоить, Михаил Андреевич.

МИХАИЛ СУСЛОВ. Да, игла действительно была острой.

Оба смеются. Постепенное затемнение.

КАРТИНА ОДИННАДЦАТАЯ

Когда сцена освещается, мы оказываемся в кабинете Председателя Президиума Верховного Совета Армянской ССР. В кабинете находятся депутаты – члены президиума. Чувствуется тревожная и даже траурная атмосфера. Председатель Президиума Верховного Совета Армянской ССР Арутюнян с волнением выступает перед депутатами.

АРУТЮНЯН. Товарищи, вы, наверное, знаете о последних событиях. Тяжелое известие... Я бы даже сказал, трагическое для Армении. Главный недруг Армении Гейдар Алиев избран членом Политбюро и назначен первым заместителем Председателя Совета Министров СССР. Что это для нас означает, вы наверняка хорошо понимаете.

ПЕРВЫЙ ДЕПУТАТ. Понимаем! После этого наша дорожка в Кремль практически закроется. А об идее Великой Армении от моря и до моря придется вообще забыть.

АРУТЮНЯН. Какие будут предложения?

ВТОРОЙ ДЕПУТАТ. Предлагаю, в связи с этим решением направить в Москву протест. Будем бойкотировать данное решение.

АРУТЮНЯН. Этим мы ничего не изменим. Только себя поставим в плохое положение.

ВТОРОЙ ДЕПУТАТ. Что же тогда делать? Сидеть сложа руки и ждать, пока Гейдар Алиев станет генеральным секретарем?

ТРЕТИЙ ДЕПУТАТ. Это уж слишком. Москва на такой шаг не пойдет. Русские никогда не согласятся, чтобы Советскую империю возглавил турок.

ВТОРОЙ ДЕПУТАТ. Мы и этого события не ожидали, однако ж оно произошло. Гейдар Алиев – старый чекист. От него всего можно ожидать.

АРУТЮНЯН. По-моему, свой протест мы должны выразить традиционными методами. Нужно устроить провокации в Москве. У нас в этом деле большая практика. Во-вторых, нужно подготовить письма, много писем против Гейдара Алиева и периодически отправлять их в Кремль. Это дело можно поручить Зорио Балаяну и Сильве Капутикан.

ЧЕТВЕРТЫЙ ДЕПУТАТ. А мне кажется, что, если эти письма пойдут из Азербайджана, будет более эффективно. Я знаю немало людей в Азербайджане, которых он снял с должности, посадил. Если их поощрить, они согласятся.

АРУТЮНЯН. Вы правы, это будет более естественно. Карабах ни на минуту не должен сходить с повестки дня. Конечно, сегодня очистить Армению от азербайджанцев – сложно, для этого надо искать новые методы. Усложнить их жизнь, под любыми предлогами увольнять с работы, словом, создавать такие условия, чтобы они сами уезжали из республики. Нужно еще более укреплять связи с «Дашнакцутюн» за рубежом. В этом деле они здорово могут помочь.

ПЯТЫЙ ДЕПУТАТ. А я прямо сейчас принимаю решение от имени партии «Дашнакцутюн». Лучше просто устранить Гейдара Алиева, чем придумывать столько сложных вариантов. Нет человека – нет проблемы! Если мы его не уберем, Карабах станет для нас не родиной, а превратится в клетку.

ВСЕ. Мы согласны... правильно...

АРУТЮНЯН. Это не так легко, как вам кажется. Его же теперь будут усиленно охранять. Но попытаться стоит. К этому вопросу следует привлечь армянскую интеллигенцию.

ВСЕ. Верно...хорошо...

Выступления продолжаются до поздней ночи. Затемнение.

КАРТИНА ДВЕНАДЦАТАЯ

Бой Кремлевских курантов. Рабочий кабинет Егора Лигачева.

Гейдар Алиев и Егор Лигачев стоят друг против друга.

ЕГОР ЛИГАЧЕВ (*бросает стопку газет и писем на стол*). Вот, смотрите, газеты, письма-жалобы И все про вас. Мы обязаны на это как-то реагировать.

ГЕЙДАР АЛИЕВ (*листает газеты, просматривает письма*). Вы же знаете, что все это – провокации армянских националистов. И вы принимаете всерьез эти плоды больного воображения?

ЕГОР ЛИГАЧЕВ (*берет несколько писем и протягивает их Гейдару Алиеву*). А что вы про это скажете? Жалобы пишут не только армяне, но и азербайджанцы.

ГЕЙДАР АЛИЕВ (*внимательно просматривает письма и горько усмехается*). Ну, то, что такие письма сочиняют люди, которых я в свое время наказал за взяточничество и коррупцию, – это вполне естественно, Егор Кузьмич.

ЕГОР ЛИГАЧЕВ. Гейдар Алиевич, давайте говорить открыто. У армян есть одна, не очень-то и большая мечта. Весь сыр-бор вокруг Нагорного Карабаха. Они уверяют, что это их земля, вы – что ваша. В этом деле на армян давить нельзя.

ГЕЙДАР АЛИЕВ. Давить? Так это они давят, Егор Кузьмич. Карабах – историческая земля Азербайджана. Армян переселили в эти места из Ирана, из Турции. Кстати, русские историки об этом не раз писали. Здесь истина лежит на поверхности. Сама мысль о возможности перекрошки границ может обернуться для всех большим бедствием. Поэтому, честно говоря, меня удивляет ваша позиция, Егор Кузьмич.

ЕГОР ЛИГАЧЕВ. Ну, зачем вы так, Гейдар Алиевич. У каждого свое мнение. Я подхожу к вопросу с позиций демократии и перестройки. А вы своей позицией усугубляете конфликт.

ГЕЙДАР АЛИЕВ. Егор Кузьмич, если перестройка такова, как вы говорите, я такую перестройку принять не могу. Я эти мысли и Горбачеву хотел изложить. Однако он почему-то избегает встречи со мной. Демократия – это не хаос, не анархия. Демократия в высоко сознательных обществах утверждается на основе истины.

ЕГОР ЛИГАЧЕВ. Вы что, намерены преподать сейчас урок демократии?

ГЕЙДАР АЛИЕВ (*категорично отвечает*). Я мог бы этого и не говорить. Но тем, кто не усвоил этих уроков, сказать вынужден.

ЕГОР ЛИГАЧЕВ (*хочет сказать что-то резкое, с трудом сдерживается*). Гейдар Алиевич... (*Садится в кресло*.) Вы недавно оправились от тяжелой болезни, поэтому не хочу с вами спорить. Я бы посоветовал вам заняться своим здоровьем. На вашем месте я подал бы в отставку, начал вести спокойную размеренную жизнь...

ГЕЙДАР АЛИЕВ (*некоторое время молчит. Поворачивается, делает несколько шагов в сторону двери. Останавливается и широкими шагами возвращается назад, к Егору Лигачеву. Лигачев теряется и непроизвольно встает со своего места*). Мое здоровье пусть вас совершенно не тревожит. (*Говорит сдержанно, смело*.) Физическая болезнь, она временна, преходяща. А вот выздороветь человеку с таким болезненным воображением как ваше – сложно.

ЕГОР ЛИГАЧЕВ (*постепенно поднимает тон голоса*). Гейдар Алиевич!..

ГЕЙДАР АЛИЕВ (*резко*). До свидания!

ЕГОР ЛИГАЧЕВ. Гейдар Алиевич...

ГЕЙДАР АЛИЕВ (*берет со стола книгу, которую, видимо, до разговора принес с собой*). Это книга об истории Карабаха. Написана русским автором. Если внимательно прочитаете, быть может, ваше большое воображение немного успокоится. И еще... поезжайте в Карабах, Зангезур, Шушу... Поезжайте в Агдере, вы своими глазами увидите там памятник, который армяне поставили в честь 150-летия своего переселения в эти края. Может, тогда поймете свою ошибку.

ЕГОР ЛИГАЧЕВ (глядя на карту). Где здесь Агдере, не могу найти.
ГЕЙДАР АЛИЕВ. Нынешний Мардакерт! Прощайте!

Гейдар Алиев выходит из кабинета.
Лигачев некоторое время листает оставленную Гейдаром Алиевым книгу.
Потом, отбросив книгу в сторону, садится в кресло, задумывается.

КАРТИНА ТРИНАДЦАТАЯ

В центре Ханкенди проходит большой митинг. Издалека виднеются силуэты выступающих там армянских ораторов. Через громкоговорители звучат по-армянски лозунги: «Миацум», «Хайреник», «Карабах». Этот митинг слушают первый секретарь ЦК Компартии Азербайджана Кямран Багиров, министры, заведующие отделами, другие ответственные лица. На переднем плане Кямран Багиров беседует с приехавшими с ними ответственными сотрудниками.

ПОМОЩНИК КЯМРАНА БАГИРОВА. Вы будете выступать, товарищ Багиров?

КЯМРАН БАГИРОВ. Вынужден. Но как выступать, чем их успокоить? Сложная ситуация.

ПОМОЩНИК КЯМРАНА БАГИРОВА. Товарищ Багиров, может, не будете выступать? Кто сможет дать гарантии вашей безопасности в этом хаосе?

КЯМРАН БАГИРОВ. Придется выступить, нужно принять решение. Армяне требуют освободить Геворкова от должности секретаря областного комитета партии. У них есть свой кандидат.

ПОМОЩНИК КЯМРАНА БАГИРОВА. Кто это, товарищ Багиров?

КЯМРАН БАГИРОВ. Член бюро областного комитета партии. По фамилии Погосян. Я его почти не знаю.

ПОМОЩНИК КЯМРАНА БАГИРОВА. И что вы намерены делать? Утвердить?

КЯМРАН БАГИРОВ. Вообще-то я не хотел бы назначать незнакомого человека. Но ведь они настаивают.

ПОМОЩНИК КЯМРАНА БАГИРОВА. Товарищ Багиров, утвердите его, и дело с концом. Тогда толпа разойдется. И наша голова болеть не будет.

В комнату входит секретарша Кямрана Багирова.

СЕКРЕТАРША КЯМРАНА БАГИРОВА. Товарищ Багиров, литератор, приехавший в составе нашей делегации, хочет с вами поговорить.

КЯМРАН БАГИРОВ. Пусть входит.

Секретарша уходит, через минуту в комнату входит знакомый нам по прежним картинам ЛИТЕРАТОР. Подходит к первому секретарю.

ЛИТЕРАТОР. Здравствуйте, товарищ Багиров.

КЯМРАН БАГИРОВ. Здравствуйте.

ЛИТЕРАТОР. С вашего позволения хочу поделиться с вами некоторыми мыслями.

КЯМРАН БАГИРОВ. Слушаю.

ЛИТЕРАТОР. Товарищ Багиров, я прожил среди армян 38 лет, работал на ответственных должностях. Изучил все характерные особенности армянского народа, очень хорошо знаю эту нацию. Поверьте мне, если сегодня не пресечь их провокации, завтра это будет сделать намного сложнее.

КЯМРАН БАГИРОВ. И что вы предлагаете? Что надо делать, чтобы не произошло кровопролития?

ЛИТЕРАТОР. Следует немедленно навести порядок: очистить эту площадь, ввести комендантский час, изолировать главарей. Этот экстремизм, национализм, это предательство, наконец, следует пресечь на корню. Данный вопрос важен и с точки зрения безопасности проживающих в Армении азербайджанцев.

КЯМРАН БАГИРОВ. Разве митинг идет в Армении? Гарантии безопасности должны быть даны здешним азербайджанцам.

ЛИТЕРАТОР. Товарищ Багиров, я точно знаю – в Армении ожидают результатов этого митинга. Если здесь примут ошибочное решение, это может обернуться трагедией наших соотечественников в Армении.

ПОМОЩНИК КЯМРАНА БАГИРОВА. Вы ситуацию-то не усложняйте.

ЛИТЕРАТОР. Ситуация не такая простая, как вы думаете. (*Кямрану Багирову.*) Товарищ Багиров, вы хоть знаете, кто этот человек, которого вы хотите назначить вместо Геворкова? Председатель Аграрно-промышленного объединения области... Именно он стоит во главе сепаратистского движения. Очень богатый человек. Он же и финансирует его. Крайний националист.

ПОМОЩНИК КЯМРАНА БАГИРОВА. Товарищ Багиров, этот человек слишком драматизирует ситуацию. Какую мы можем допустить ошибку? Какое нам дело, кто этот человек, богатый он или бедный. Вы одного армянина заменяете другим, вот и все дела. И они успокаются, и мы. (*Приближается к литератору и тихо.*) Кто вы такой, что получаете первое лицо республики?

ЛИТЕРАТОР. Во-первых, ситуация не драматическая, а трагическая. Во-вторых, я никого не почуяю. Как азербайджанец, хорошо знающий психологию армянского народа, я излагаю свои мысли по поводу решения проблемы. Если хотите... я один из тысяч конников, не свернувших с поля боя в битве, которую армяне ведут против нашего народа. Поэтому я должен был высказать свои мысли.

ПОМОЩНИК КЯМРАНА БАГИРОВА. Если бы я знал, с какой бессмыслицей вы пришли, я бы не пустил вас к товарищу Багирову.

ЛИТЕРАТОР. Не забывайте, что бессмыслицу несут армяне, однако там интеллигенция получила широкий простор для своих опасных речей. Я же говорю правду, увы...

ПОМОЩНИК КЯМРАНА БАГИРОВА. Поищите свою правду в Ереване... И скачите туда со своим конем...

ЛИТЕРАТОР. Во-первых, не Ереван, а Иреван.

ПОМОЩНИК КЯМРАНА БАГИРОВА. Вы меня еще грамматике поучите...

ЛИТЕРАТОР. Удивительное дело, в Иреване армяне в поисках правды направили моего коня в Азербайджан, а здесь свои же отправляют обратно в Иреван. Интересно, кому мы служим?..

Голоса на трибуне звучат еще громче. Помощник подходит к Кямрану Багирову.

ПОМОЩНИК КЯМРАНА БАГИРОВА. Товарищ Багиров, время! Вас зовут на трибуну.

ЛИТЕРАТОР (в волнении). Товарищ Багиров, не ходите туда. Армяне хотят силой навязать вам свою волю. Если вы утвердите этого человека в должности, устоять перед их натиском будет невозможно. И Западный Азербайджан, и Карабах окрасятся черной кровью.

Входит секретарша Кямрана Багирова.

СЕКРЕТАРША КЯМРАНА БАГИРОВА. Товарищ Багиров, к вам какая-то пожилая женщина. Наставляет, чтобы вы ее приняли.

КЯМРАН БАГИРОВ. Скажи, что мы увидимся после мероприятия.

СЕКРЕТАРША КЯМРАНА БАГИРОВА. Говорила, но она настаивает.

КЯМРАН БАГИРОВ. Господи, что у нее за проблема. Узнайте, помогите.

ЛИТЕРАТОР. Она в возрасте вашей матери. Выслушайте ее.

КЯМРАН БАГИРОВ (*секретарше*). Пусть войдет. (*Литератору.*) Интересно, что этой матери нужно.

ЛИТЕРАТОР. Я думаю, это не личная просьба.

Опираясь на самодельную клюку из тамариска, хромая, входит Седовласая женщина. Секретарша Кямрана Багирова помогает ей.

СЕДОВЛАСАЯ ЖЕНЩИНА (*обращается к Кямрану Багирову*). Здравствуй, мой дорогой.

КЯМРАН БАГИРОВ. Здравствуй, мать. Что за нужда привела тебя сюда в этот нелегкий час? Какая-то жалоба?

СЕДОВЛАСАЯ ЖЕНЩИНА. Да перейдут на меня твои печали, жалоба у меня одна: на это безобразие, которое здесь творится.

КЯМРАН БАГИРОВ. Времени мало. Говорите конкретнее, я вас слушаю.

СЕДОВЛАСАЯ ЖЕНЩИНА. Сынок, товарищ Багиров, я родилась здесь, в Ханкенди. Сейчас он, правда, Степанакерт называется, однако когда-то Панахали хан облюбовал это место для своего летнего отдыха. Мой прапрадед Хатам киши служил у Панахали хана садовником. А я много лет работала в средней школе учительницей истории. Так что историю я хорошо знаю, когда и откуда пришли сюда армяне. Сейчас я постарела, вышла на пенсию. Дети живут в Баку. Сколько ни просят меня к ним переехать, не могу, не могу я отчий кров бросить. Здесь жила, здесь и умру. Разве можно покидать родной очаг?!

КЯМРАН БАГИРОВ. В чем твоя проблема, мать?

СЕДОВЛАСАЯ ЖЕНЩИНА (*с изумлением*). Бый! Да буду я твоей жертвой, да перейдут на меня твои печали, разве может быть большей проблема, чем эта? Армяне изгнали наш народ из Западного Азербайджана, а теперь хотят и нас всех изгнать отсюда. Ответь, что нам делать?! Покинуть родную землю, тоже стать беженцами? Нежели нет выхода? Вы почему потакаете этим пришлым? Этим неверным? (*Кямран Багиров осталбенело смотрит на мать.*) Я прошу вас как мать! Я требую положить конец этому безобразию! Весь народ ждет этого от вас!

КЯМРАН БАГИРОВ (*пытается успокоить женщину*). Не волнуйтесь, мать. Мы примем единственное правильное решение. (*Секретарше.*) Помогите женщине.

СЕКРЕТАРША КЯМРАНА БАГИРОВА (*хватает мать под руку и пытается вывести ее из кабинета*). Прошу вас, пойдемте.

СЕДОВЛАСАЯ ЖЕНЩИНА (*отталкивает руку секретарши Кямрана Багирова, потихоньку, опираясь на палку, идет к выходу. Останавливается, оборачивается в сторону Кямрана Багирова. Видно, что ей плохо, она кладет руку на сердце, рыдает, сквозь рыдания доносится громкий возглас*). Офф!.. Где ты, ай Гейдар Алиев, где ты?.. Где ты, Гейдар Алиев?! (*С рыданиями уходит.*)

ПОМОЩНИК КЯМРАНА БАГИРОВА (*внезапно*). Товарищ Багиров, время. Вас зовут на трибуну.

ЛИТЕРАТОР (*с волнением*). Товарищ Багиров, заклинаю вас, не идите туда. Повторяю, армяне хотят силой навязать вам свою волю. А если этот человек все же будет утвержден, с ними уже никто не справится. Они зальют кровью весь Карабах.

ПОМОЩНИК КЯМРАНА БАГИРОВА. Товарищ Багиров, скорее, пожалуйста!

Кямран Багиров, сомневаясь, неохотно идет в сторону митингующих.

Некоторое время спустя доносится выступление первого секретаря ЦК с трибуны.

КЯМРАН БАГИРОВ. Бюро Областного комитета партии единогласно проголосовало за освобождение Бориса Геворкова от должности первого секретаря (*радостное оживление толпы, аплодисменты, выкрики*). Кроме того, бюро Областного комитета

рекомендовало избрать Генриха Погосяна на должность первого секретаря Нагорно-Карабахского обкома партии (*снова радостные крики и аплодисменты*).

К Литератору подходит директор третьего армянского театра – писатель.

ДИРЕКТОР ТРЕТЬЕГО АРМЯНСКОГО ТЕАТРА. Здорово, коллега. Узнал меня?..

ЛИТЕРАТОР (*поднимает голову, поворачивается на голос, кивает*). Узнал.

ДИРЕКТОР ТРЕТЬЕГО АРМЯНСКОГО ТЕАТРА. Как поживаете?

ЛИТЕРАТОР. Как можно «поживать» посреди этого хаоса?

ДИРЕКТОР ТРЕТЬЕГО АРМЯНСКОГО ТЕАТРА. Чувствую я, что все это плохо кончается. Народ совсем распустился. Ваше руководство не должно было этого допускать. Нужны были смелые решительные шаги. Требования митингующих приведут к открытому конфликту, а это не принесет пользы никому. Пострадают, как всегда, невинные (*Пауза.*) Жаль, очень жаль... Прощай, коллега, вряд ли мы еще когда-нибудь свидимся (*последний раз посмотрев на Литератора, покидает комнату.*)

ЛИТЕРАТОР (*сам себе*). Да, ты прав, нужен был решительный шаг. Кямрану Багирову он оказался не под силу. Такой шаг мог бы сделать только Гейдар Алиев. Если бы он оказался здесь, то своим словом, своей харизмой разрушил бы очаг зла. К несчастью, его здесь нет!

Литератор идет навстречу хаосу. Вокруг воцаряются темнота и мертвая тишина.

ЭПИЛОГ

Слышится голос Гейдара Алиева.

ГОЛОС ГЕЙДАРА АЛИЕВА. Уезжая в Москву, я дал Кямрану несколько советов... Во-первых – постараитесь, чтобы среди членов Бюро были единство и солидарность. Во-вторых, и это главное – что бы ни случилось, не забывай о Карабахе. Три-четыре часа в неделю в плотную занимайся этим вопросом... Поезжай туда, разговаривай с населением, держи руку на пульсе... Ни один из моих советов он не выполнил. Пустил дела в Карабахе на самотек.

А я ушел в отставку в конце октября 1987 года по настоянию Горбачева и его ближайшего проармянского окружения. Не прошло и 20 дней, как во французской газете «Юманите» вышла статья академика Аганбегяна, в которой он возвестил всему миру, что Карабах следует передать Армении... После этого заявления Горбачев сделал Аганбегяна своим старшим помощником....

ЛИТЕРАТОР. Эти слова сказал мне Гейдар Алиев, когда я позвонил ему по телефону в самом начале конфликта.

Перед взором Литератора возникают видения.

Будущие окаянные дни скорбной лентой ожидают перед ним:

насильственное изгнание соотечественников из Западного Азербайджана;
потоки крови в Карабахе; более миллиона соплеменников – стариков, женщин,

детей, больных, ставших беженцами в собственной стране;

героическая гибель наших храбрых сынов в неравных кровавых боях;

горькая судьба наших людей, пропавших без вести, замученных пытками,
попавших в плен, замерзших в горах; страдания обреченных на физические муки,
израненных газами; геноцид, сотворенный с невиданным зверством в Ходжалы....

По мере того, как все эти события ожидают перед взором Литератора,

слышен траурный плач Седовласой матери, обжигающий сердца:

СЕДОВЛАСАЯ ЖЕНЩИНА.

Что эта ночь несет с зарей кровавой?..
Седеет человек, от горя пьян.
На рубеже веков, о, Боже правый,
Тернистый путь уводит нас в туман.
В увядшем поле, под ночным бураном
Пустынна в дом ведущая тропа,
Слезами вдов размыт его фундамент,
Остынут печи, не взойдут хлеба...
Споткнется конь и рухнет на колени,
Зло, хохоча, выигрывает гон.
И беженцы потянутся, как тени,
Входя в анналы проклятых времен.
Проваливаясь в снег, скользя по глине,
От жажды изнывая в летний зной...
Мой бедный брат, не знаешь, что отныне
Груз горя не поднять нам всей страной!
Враги таятся цепью бесконечной...
С какой из скал возмездие грядёт?
И даже Правда в веке бессердечном
По миру горькой беженкой бредет...

Траурный плач Седовласой женщины сменяют жизнеутверждающие строки
из стихотворения Литератора, разносясь далеко вокруг.

ЛИТЕРАТОР.

Как солнце, рассекая ночь,
дыханьем поджигая степь,
пожар – во взгляде, в волосах...
На огнедышащих конях,
Гнедых, молочных, вороных,
И день, и ночь в седле, в пути,
лишь дробь летит из-под копыт...

Как клин бессонных журавлей,
все бури грудью поборов,
являя милости к врагам
поверженным – за рядом ряд
сто тысяч всадников летят...

Кровавая зима мелькнет,
цветущая весна грядет...
В одной руке – слепящий меч,
в другой руке – звенящий саз –
сто тысяч всадников летят,
мелькая вихрем, мимо нас...

Строки, льющиеся из сердца литератора, ведут его вперед, в будущие дни.
Перед глазами оживает сцена исторической встречи Гейдара Алиева
с Президентом Соединенных Штатов Америки Биллом Клинтоном.
Билл Клинтон и Гейдар Алиев разговаривают, стоят друг против друга.

БИЛЛ КЛИНТОН (*с улыбкой*). Господин Президент, мы следим за вами еще с тех пор, когда вы работали в Политбюро. Знаем, что вы глубоко разбираетесь в мировой политике. Не случайно большинство ваших оппонентов бесславно сошли с политической арены. А вы, вопреки всем препятствиям, благодаря своему таланту и дальновидности сегодня Президент.

ГЕЙДАР АЛИЕВ (*с той же улыбкой*). Спасибо, господин Президент, за добрые слова. Однако правда заключается в том, что перед лицом двойных стандартов, которые правят миром, порой бессильны даже самые глубокие знания и интеллект.

БИЛЛ КЛИНТОН. Что вы имеете в виду?

ГЕЙДАР АЛИЕВ. Я имею в виду одностороннее, тенденциозное отношение мирового сообщества к Карабахскому вопросу.

БИЛЛ КЛИНТОН. Да, да... Карабах... Эта проблема не выходит за рамки межнационального конфликта. Поэтому, на мой взгляд, решить ее должны два народа – сами, между собой.

ГЕЙДАР АЛИЕВ. Уважаемый господин Билл Клинтон, Армения предъявляет территориальные претензии к Азербайджану. Сначала они силой изгнали из Армении, из своих родных очагов более двухсот тысяч наших соотечественников. Мир закрыл на это глаза, в том числе и американское государство. А потом наших сограждан изгнали из Карабаха, сделали беженцами на своей собственной земле. И опять силой оружия. Как можно закрывать на все это глаза?

БИЛЛ КЛИНТОН (*с улыбкой*). Но сведения, которыми мы располагаем, рисуют перед нами совершенно другую картину, господин Алиев.

ГЕЙДАР АЛИЕВ. Господин Клинтон, и мы, и вы знаем, что с американского континента картина мира видна совершенно отчетливо, поэтому, мне кажется, что вы должны обладать самой точной, самой проверенной информацией.

БИЛЛ КЛИНТОН. Так и есть. Наша информация безупречна.

ГЕЙДАР АЛИЕВ. А если так, тогда почему ваш сенат защищает не нас, а Армению – агрессора?

БИЛЛ КЛИНТОН. Уважаемый коллега, вы знаете, что Америка – демократическая страна, здесь нельзя противодействовать свободе выражения мысли. То было решение сената. И оно не имеет никакой связи с принципиальной позицией государства.

ГЕЙДАР АЛИЕВ. Господин Клинтон, признаем, что армянское лобби в Америке очень сильное. Эта сила влияет даже на президентские выборы, оказывает сильное давление на ваш сенат. И дело тут отнюдь не в свободе слова.

БИЛЛ КЛИНТОН. Да, есть и такой момент. Но наша администрация самостоятельна в определении своего курса. Что же касается Карабаха, то, насколько мне известно, армяне проживают там компактно.

ГЕЙДАР АЛИЕВ (*улыбается*). Известно также, что армяне компактно проживают и в штате Калифорния. Получается, если завтра они захотят независимости, вы должны будете с этим согласиться?

БИЛЛ КЛИНТОН (*хочет*). Ну, это уже...это... вы знаете, что это абсурд...Господин Президент, вы действительно незаурядный политик. Я помню, некогда нас всех беспокоило то, что к руководству СССР может прийти не Горбачев, а вы... это было бы весьма опасно.

ГЕЙДАР АЛИЕВ (*смеется*). Почему?

БИЛЛ КЛИНТОН. Бытовало мнение, что, если вы придете к власти, Советский Союз не развалится.

ГЕЙДАР АЛИЕВ. Ваше беспокойство, господин Клинтон, было напрасным. Мое утверждение на роль первого лица было в то время практически невозможно.

БИЛЛ КЛИНТОН. Интересно. Почему это, господин Алиев?

ГЕЙДАР АЛИЕВ. Сказать вам правду?

БИЛЛ КЛИНТОН. Конечно. Я весь внимание.

ГЕЙДАР АЛИЕВ. В то время у меня состоялся откровенный разговор с Председателем Совета министров СССР Николаем Тихоновым и министром иностранных дел Андреем Громыко. В марте 1985 года именно они являлись ключевыми фигурами в решении вопроса о кандидатуре на пост Генсека ЦК КПСС. Так вот они сказали: «На пост Генерального секретаря вы – самая подходящая кандидатура. Но, понимаете... На этом посту должен быть русский. Или хотя бы представитель другой славянской национальности». Вот вам проявление откровенного шовинизма.

БИЛЛ КЛИНТОН. Действительно, по-другому это не назовешь. (Улыбается.) Однако, господин Алиев, на этот раз я вынужден поприветствовать русский шовинизм. В противном случае мы еще долго бы ожидали развала русско-коммунистической империи.

ГЕЙДАР АЛИЕВ (усмехается). Господин президент, как и все империи в истории, русская империя рано или поздно должна была развалиться. Но не в такой безобразной форме... цивилизованно. Я еще в семидесятые годы, руководя Азербайджаном, постепенно, не раздражая Москву, предпринимал первые шаги для будущей экономической независимости, для укрепления обороноспособности своей республики. По моим прогнозам, развал СССР должен был начаться в 2005-2010 годы. И то не сразу. Постепенно, по мере созревания момента, республики должны были по одной выходить из состава империи: сначала страны Балтики, потом Южный Кавказ, следом Украина, Молдова и т.д. Этот процесс мог занять до 15 лет. Причем без национальных конфликтов, без насилия и крови. Однако аналогичный, абсурдный горбачевский лозунг «ускорения» все перевернул вверх дном. Большого следовало лечить, а он пытался оживить мертвеца. Теперь эта огромная империя лежит в развалинах. А на ее просторах разгорелись межнациональные конфликты, республики предъявляют друг другу территориальные претензии, повсюду льется кровь... Вы хорошо знаете, что азербайджанский народ никогда не зарился на чужие земли. Это наша земля на протяжении веков становилась добычей пришельцев, оккупировалась агрессором. Агрессия продолжается и сегодня, к сожалению, самые влиятельные международные организации и государства стараются не замечать этой вопиющей несправедливости.

БИЛЛ КЛИНТОН. Господин Президент, можете быть уверены, во время своего президентского срока я удвою усилия по решению Карабахской проблемы.

ГЕЙДАР АЛИЕВ. За это вам заранее моя искренняя благодарность. К сожалению, в мире еще много сил, слепо поддерживающих Армению. Но вы не сомневайтесь: захочет этого мировое сообщество или не захочет, наш народ вернет себе все оккупированные земли, непременно восстановит свою территориальную целостность!

БИЛЛ КЛИНТОН. А я желаю вам и вашему народу успехов в этом деле,уважаемый господин Алиев!

Два президента пожимают друг другу руки. Картина меняется. Через несколько мгновений слышатся звуки выстрелов и сильной канонады...

Выполнивший священный завет своего отца президент Ильхам Алиев возвещает всему миру об освобождении Карабаха, о свободной Шуше.

ГОЛОС ИЛЬХАМА АЛИЕВА. Я счастливый человек, что мне удалось исполнить завещание своего отца! Поздравляю тебя, Азербайджан! Дорогая Шуша, мы вернулись! Дорогая Шуша, ты свободна! Дорогая Шуша, мы тебя возродим! Шуша наша! Карабах – это Азербайджан!

ЗАНАВЕС

МАХИР ГАМЗАЕВ

О «БИБЛЕЙСКОМ» АРАРАТЕ, СТАЛИНСКОЙ «ДРУЖБЕ НАРОДОВ» И ИХ ОТРАЖЕНИИ В ЛИТОВСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ¹

Обозреватели подчас обращают внимание на проявляемое большинством литовцев сочувствие армянскому народу из-за пережитых (реальных и мнимых) исторических обид, тогда как история других народов мира чревата ничуть не меньшими трагедиями.

Откуда взялась такая солидарность, присущая не только так называемым «рядовым» (мыслящим стереотипами) литовцам, но и избираемым ими политикам, казалось бы, действительно хорошо информированным, которые впоследствии принимают такие решения, как принятие резолюции в 2005 году о признании геноцида армян в Османской Турции и отклонение резолюции Сейма Литвы «О мирном урегулировании Нагорно-Карабахского конфликта» в 2012 году, учреждение в том же Сейме «Группы дружбы с Нагорным Карабахом» в 2013 году или окутаннаятайной (и незаконной) поездка членов Сейма на оккупированную Арменией часть территории Азербайджана в 2014 году? Почему нет аналогичных резолюций о геноциде народа рохинджа (мьянмарских бенгальцев), совершающем сейчас (а не сто лет назад), и почему никто в Сейме не учреждает каких-нибудь групп дружбы с Сомалилендом² или с так называемыми республиками Южная Осетия и Абхазия? Почему нет идентичных групп дружбы с непризнанными Донецкой и Луганской народными республиками или с «Приднестровской Молдавской республикой»?

По правде сказать, именно такие и другие «фокусы» некоторых политиков и вынудили задуматься о причинах исключительной солидарности литовцев с армянами – иначе это не было бы ни особо интересно, ни актуально. Ничего ведь предсудительного нет в сочувствии, проявляемом к невинно притесняемым людям или народам. Вот только в данном случае сочувствие это носит какой-то селективный характер и явно направлено против ближайших соседей армян – в первую очередь против турок и азербайджанцев.

И всё это, невзирая на то, что сейчас уже широко известно, что межобщинные столкновения в Восточной Турции в 1915 году начали сами армяне, которые хотели при поддержке вторгнувшейся в эту страну русской армии создать там monoэтническое армянское государство (хотя они не составляли большинства ни в одной из провинций Османской империи).

Также известно, что многие мировые историки разделяют точку зрения 69 ученых из США и других западных стран, включая одного из самых выдающихся историков мира Бернарда Льюиса (1916–2018), которую они изложили в письме, адресованном правительству США еще 19 мая 1985 года, гласящем, что «в ходе межобщинных столкновений, проходивших в Османской империи в годы Первой мировой войны, погибло множество невинных мирных жителей, не только армяне и другие христиане, но и турки, и другие мусульмане – последних даже больше». (Но почему-то никто ни прежде, ни сейчас не рыдает «из-за геноцида турецкого народа» – М.Г.).

¹ Перевод с литовского языка. Напечатано в Научном журнале Центра исследования геноцида и резистенций жителей Литвы, "GenocidasirRezistencija". ISSN 1392-3463г. Вильнюс, 2021 г., № 2(50), стр. 106-120

² Непризнанное государство в северной части Африканского Рога на территории бывшей колонии Британской Сомали.

Кроме того, в письме ученые утверждают, что «нет никаких достоверных доказательств (не считая пропагандистских материалов враждебных государств и очевидных фальшивок типа «Документов Адоняна», что османские власти организовали либо инициировали уничтожение армян этой страны; даже в том случае, если все-таки удалось бы доказать, что османское руководство инициировало так называемый геноцид армян, Турецкая Республика, которая была образована в 1923 году, не несет ответственности за действительные или мнимые преступления сultанского правительства, ибо она (современная Турция) является лишь одним из десяти государств (Турция, Кипр, Сирия, Ливан, Ирак, Израиль, Палестинская автономия, Иордания, Саудовская Аравия и Йемен), которые были образованы (сразу или спустя некоторое время) на территории Османской империи после ее развала; признание так называемого геноцида армян не решит существующую проблему; оно только усугубит конфликт между турками и армянами и втянет в этот застарелый конфликт другие страны и народы (в данном случае – США)».

СТЕРЕОТИП О НЕВИННОЙ ЖЕРТВЕ

Хорошо известно, что в Советском Союзе признавался только один национализм – великорусский шовинизм, а все остальные разновидности национального патриотизма – грузинского, эстонского, литовского и какого бы то ни было еще – осуждались и преследовались как проявление «буржуазного национализма». Несмотря на это, в 1965 году советская власть официально санкционировала армянский национализм, только, разумеется, не антисоветский или антирусский, а антитурецкий, поскольку Турция была второй после США по мощности силой в блоке НАТО. Было начато массовое издание фальсифицированных исторических текстов и артефактов о «геноциде армян» в 1915 году, совершенно замалчивая тогдашние преступления самих армянских националистов против своих соседей других национальностей. Одновременно была инспирирована и кампания по международному признанию упомянутого геноцида армян. Тем самым людям навязывался стереотип об армянском народе как невинной жертве.

Разумеется, легче всего это было бы объяснить активностью лоббистов, поддерживаемых (возможно, и находящихся у них на содержании) армянским государством и армянской диаспорой (что, несомненно, близко к истине), но это было бы слишком примитивно, поскольку никакие армянские эмиссары не в силах подкупить большинство так называемых простых людей Литвы, да и для того, чтобы сложились стереотипы, требуется более продолжительное время. Поэтому попытаюсь погрузиться в волны того всемогущего времени.

«НАЦИОНАЛЬНЫЕ» НARRATIVЫ АРМЯН И ЛИТОВЦЕВ

Несмотря на то, что об Армении, армянах и об их «мучениях» большинство читающих литовцев узнало только в годы советской оккупации, когда Литва стала такой же «союзной республикой», как и Армения, однако интеллектуальная элита формирующегося современного литовского народа выражала свое уважение армянскому народу и его исторической судьбе (такой, какой она изображалась) еще в пору издания газеты «Аушра» и журнала «Варпас», т.е. с конца XIX в. Объяснить это можно некоторыми типологическими сходствами идеологий литовского и армянского национального возрождения.

Следует признать, что в обоих случаях роль важного мобилизующего начала отводилась «мифу о враге», который простым и доходчивым языком объяснял причины прежних, тогда существовавших и даже якобы запрограммированных на будущее несчастий того или иного народа и их родины.

Необходимо отметить, что воображаемый «враг» не был абстрактным, носил он очень четкий национальный (этнический) облик. По убеждению идеологов армянского национального возрождения, таким «извечным» врагом были турки (или тюркские народы в целом), тогда как в сознании литовцев основная роль антигероя справедливо отводилась угнетателям литовского народа – правительству царской России, генерал-губернаторам и другим управленцам этнической денационализации и полонизации литовцев, исполнителям экспансионистской политики Польши, подавителям литовского национального духа, властелинам оккупационных и репрессивных структур и т. д. И армянские, и литовские «национальные» нарративы создавались одними и теми же средствами, определенным образом интерпретируя исторические факты и процессы, и путем селективного отбора выбирая из истории только то, что якобы подтверждает предвзятые установки идеологов национального возрождения. Понятно, что таким образом извлеченное изображение мало имело общего с привычной реальностью; выполнив определенную мобилизующую функцию на ранней стадии формирования современной нации, позднее оно превратилось в деструктивный балласт, который до сих пор лишает способность абсолютного большинства армян и определенную часть литовцев адекватно воспринимать не только исторические, но и сегодняшние политические реалии.

Поэтому можно утверждать, что «мифы о врагах», активно эксплуатирующиеся идеологами армянского и литовского национального возрождения, создали предпосылки для того, что читающая часть литовского общества в конце XIX – начале XX в. осталась дезориентированной и легко приняла навязываемое ей искаженное понятие судьбы армянского народа.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ВЗАИМОСВЯЗИ

Предположительно, первые армяне в Великом Княжестве Литовском появились еще в XV веке. Правда, поселились они не в настоящей (этнической) Литве, а в находившемся в ее владениях Подолье (часть нынешней Украины), где работали на строительстве замков и костелов.

Кое-кто пускается в фантазии, будто какие-то мифические армянские военные отряды участвовали даже в Грюнвальдской битве в 1410 г. Но так далеко мы забыться не будем – ограничимся констатацией, что до самой середины XX века все контакты литовцев и армян носили лишь эпизодический характер, поэтому оба народа друг о друге знали мало и никакой привязанности, равно как и неприязни, друг к другу чувствовать не могли.

Первыми публикациями на армянскую тематику были: статьи Юозаса Андзюлайтиса-Калненаса (1864-1916) «Армения и армяне» (газета «Апшвиета», 1893), Антанаса Крищюкайтиса-Айшбе (1864-1933) «Армянские беллетристы» (журнал «Варпас», 1894), Петраса Леонаса (1864-1938) «Армяне и литовцы» («Варпас», 1895), стихотворение армянского поэта Рафаэля Патканяна (1830-1892) «Слезы Аракса» (перевел Марцелина Шикшинис, «Варпас», 1900), Габриеля Петкявичайте-Бите (1867-1973), «Тигран Еркат. Картина с армянского ковра» («Варпас», 1902), Винцаса Мицкявичюса-Капсукаса (1880-1935) «Первые шаги революции» (газета «Драугас», 1905), Винцаса Заянчяускаса (1884-1956) «Армяне и их литература» (газета «Вильтис», 1913), а также произведения других литовских авторов, опубликованные в конце XIX-начале XX века в литовской прессе. Однако все это положения дел не меняют, так как почти все тексты, опубликованные на литовском языке на эту тему, были либо переводами или вольными пересказами с польского, русского, французского и других европейских языков.

Об этих публикациях бывший председатель армянской общины Литвы Руслан Арутюнян писал недавно так:

«В конце XIX-начале XX века в литовских изданиях было опубликовано более 100 статей и переводов армянской литературы. [...] Прочитав десятки литовских статей того периода, могу сказать, что их авторов интересовала не только жизнь Армении и международная политика, но и судьба Литвы. Исследуя историю армян, они искали пути решения проблем, стоящих перед литовским народом». (Arménų tautos istorijos atspindžiai XIX a. pab. – XX a. pr. lietuvių spaudoje. Vilnius, Homo liber, 2020, p.11.)

ДВЕ НАЦИИ – ДВЕ РАЗНЫЕ ИСТОРИИ НАЦИОНАЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ

Современному читателю, обладающему хотя бы мало-мальскими знаниями в этой области, не трудно понять, что такое утверждение не отражает истины, является нелогичным и даже абсурдным.

События литовского и армянского национальных движений и пути к свободе, которых пытаются сопоставлять Р.Арутюнян, далеко не были идентичными. И во второй половине XIX века, и в 1914-1923 гг., и в 1987-1994 гг. приоритетной целью армянского национального движения, скорее всего, были не национальное возрождение и государственная независимость, а территориальная экспансия за счет соседних народов при поддержке имперских сил России. Последний фактор во многом объясняет, почему современная Армения, будучи в конфликтных отношениях со своими соседями – с Азербайджаном, Грузией и Турцией, поддерживает дружеские отношения с путинской Россией и Ираном, которым правят религиозные фанатики. Тем самым она остается страной-сателлитом этих одиозных режимов.

В отличие от армянских национальных партий, революционных союзов, террористических групп и экстремистских организаций, различных комитетов – «Арменакан», «Гнчак», «Дашнакцутюн», АСАЛА («Армянская секретная армия освобождения Армении»), «Карабах», «Крунк» и др. – литовское национальное движение и организации возрождения не вели революционной пропаганды или не совершили террористических актов ни в самой Литве, ни на соседних территориях, не создавали воинские отряды, не убивали людей других национальностей, не уничтожали органы власти и не проводили никаких этнических чисток. И не предъявляли территориальных претензий к соседним народам и государствам. Поэтому моральные устои литовской интеллигенции, сформировавшиеся в XIX веке в процессе борьбы за просветительский идеализм, демократические идеи и национальное освобождение, сильно отличаются от устоев армянского национального движения.

Турецких армян на борьбу против Османской империи поддерживали и вдохновляли царская Россия и ее православная церковь в целях собственного колониализма, а литовцы были на грани исчезновения именно из-за имперской политики, проводимой царской Россией в Литве. На целое столетие Литва, порабощенная этой империей, стала забытой Богом провинцией, а ее культура и образование были разорены имперским уравниванием, русификацией и полонизацией в жестоких формах, наиболее суровым из которых был запрет литовской печати и школ. Литва была единственной страной в Европе, где людей депортировали в Сибирь за книгу на родном языке. В духовных семинариях Вильнюса и Каунаса преподавали на польском языке. Царская Россия также пыталась контролировать правление епархий, ослабить отношения Литовской католической церкви с Апостольским престолом и Польской католической церковью. После восстаний 1831 и 1863 годов царские репрессии против католической церкви усилились, массово закрывались монастыри. Так что положение литовцев исторически было кардинально противоположным.

В Османской империи армяне жили в мире и согласии с другими народами до появления Российской империи со своими интересами в регионе. Россия быстро осознала, что армяне, наряду с греками, могут сыграть роль пятой колонны в империи и станут отличным инструментом давления на османов.

Вот что пишет об османских армянах известный армянский автор ряда научных работ Баграт Борян (1882-1938): «Национальная история армян подтверждает, что султаны Константинополя с XVII века до наших дней (1876) любили и защищали армян, как только могли». (Б.А. Борьян. Армения: международная дипломатия и СССР. М.-Л. Государственное издательство, Часть I. (1928). 448 с. Часть II. (1929). 434 с.)

Османские султаны называли армян «*Milletisadiq*» или «*Sadiqtebee*», что означает «верная нация» или «лояльные граждане». В Османской империи армяне занимали высокие, правящие должности при дворе, в государственной службе, в сфере финансов и торговле. Например, согласно османским историческим реестрам, в Османском государстве 29 членов армянской общины носили титул «паша» (это наивысший государственный титул в Османской империи), 33 были членами парламента, 7 – послами, 11 – генеральными консулами, 22 – министрами. Среди постов министров, которые занимали армяне, были и такие особо важные должности, как министры иностранных дел, финансов, торговли и почты. В 1913 г. в Османской империи должность министра иностранных дел занимал армянин Габриэль Норадункян (1852-1936), а другому армянину – Давудяну Карапет Артин паше (1816-1873) еще в 1861 году были присвоены титулы визиря и маршала Османской империи. Было много знаменитых армянских архитекторов, в том числе и таких, по чьим проектам были построены дворцы султанов. Почти вся торговля в империи находилась в руках греческих, армянских и частично еврейских купцов. В 1835 г. барон Врангель писал барону Розену, известному российскому ученому-востоковеду, что «в Гюмюшхане турецкое начальство не оказывает грекам и армянам никаких притеснений относительно обрядов вероисповедания. Мирная торговля находится в их руках – греков и армян». Неудивительно, что «Русская армия во время походов на Османскую империю встречала в Турецкой Армении богатые армянские селения с большим количеством скота и полными амбарами, каковых ни одна русская губерния, как и Российской Армения, и Закавказье в целом, у себя не имели».

В таком случае, как могли армяне занимать высшие государственные посты и достигать исключительных успехов в различных сферах, если турки «грабили», «убивали» и «унижали» их на протяжении всего существования Османской империи, как пытаются убедить мир армянские и некоторые историки других стран?!

СТАЛИНСКАЯ «ДРУЖБА НАРОДОВ» – ЗАЛОГ НЕПОБЕДИМОСТИ СССР

Советский армянский литературовед Феликс Бахчинян (1950) в своем очерке «Неман и Аарат – близки (литовско-армянские литературные связи)», опубликованном в книге на литовском языке «Солнечная лира», объяснил это очень просто, «по-народному»: «[...] Писателям буржуазной Литвы с трудом удавалось пробить панцирь национальной замкнутости. Совсем иные перспективы перед литовской литературой открылись тогда, когда она влилась в единый литературный процесс советской литературы, вступила на путь, ведущий в интернациональные просторы. Началось общение народов, общение литератур, общение писателей.[...] После войны между литературами советских народов завязались тесные связи. Одной из форм литературного общения был обмен дружественными визитами делегаций писателей обеих республик». (Feliksas Bachčinianas. Saulėta lyra, Vilnius, Mintis, 1983, p. 12, 16.)

Поэтому можно утверждать, что полуторнудительная литовско-армянская «дружба» (впрочем, как и всех остальных поработленных советской Россией народов) началась только тогда, когда и государства Балтии оказались запертными в кровавой тюрьме народов. Может ли тюрьма быть похожей на санаторий? Оказывается, может.

Свое отражение это нашло в очерке классика литовской советской литературы Пятраса Цвирки (1909–1947) «В долине Араката», посвященном поездке делегации

писателей Литовской ССР в 1946 году в Ереван: «Те [...] строфы литовских советских поэтов повествовали о нашем янтарном Балтийском побережье, о далеком Немане, из них исходила любовь к своей родине и новое, великое предназначение той родины и подвиги в ряду советских народов, и все это было общим, милым и близким для горячего армянского сердца. В глазах Аветика Исаакяна блеснула слеза, и когда писатель Антанас Венуолис произнес свои слова о значении сталинской дружбы народов, вся аудитория встала, и долго звучали возгласы в адрес нашего любимого литовского народа и в честь великого творца дружбы народов товарища Сталина.»

Неудивительно, что и ответ хозяев пирюшки (простите – торжественного мероприятия) также был схожим: «[...] Пожилой и всеми уважаемый армянский писатель Демирчян сказал: [...] Разве могли бы армяне сегодня в полной безопасности и с полным доверием своими силами создавать новые поэтические строфы, строить новые школы и возводить дворцы без советского строя, без великого союза советских народов, без поддержки советских народов и русского народа!»

Можно было бы не обращать внимания на разглашения классика советской литовской литературы «о сталинской дружбе народов» (1946 год, как-никак), не будь в том же очерке перенасыщенных духом армянского экспансионаизма абзацев, направленных на индоктринацию литовского читателя: «Библейский Аракат, седой отец Армении! [...] Он – Олимп армянской поэзии, начиная с поэзии эпохи раннего христианства и заканчивая сонетом поэтов советской Армении – Аракату отдана такая дань, что его легко укрыть бумагой, испещренной поэтическими строками.»

Всего два предложения, а наглой лжи – целый воз.

ОБ «АРМЯНСКОМ» АРАРАТЕ

Во-первых, не писали (и не могли писать) армянские поэты эпохи раннего христианства стихов об этой горе, так как нагорье (не гора!) «библейского Араката» впервые было отождествлено с горой Агры-Даг (Масис) только в середине XIX века. Нагорье Аракат (то, о котором упоминается в Библии) находится в верховье рек Тигра и Евфрата, то есть на юго-востоке нынешней Турции, возле границы с Сирией и Ираком, а гора Агры-Даг (Масис), которая до сих пор должна податься под названием «Аракат», на северо-востоке Турции, в углу ее границы с Ираном, с азербайджанским эксклавом Нахчыван и Арменией. Таким образом, настоящий и будто армянский (но находящийся всё в той же Турции) Аракат разделяет «всего каких-то» 500 километров...

Во-вторых, понятие «эпохи раннего христианства» охватывает период от распятия Христа (около 30 г.н.э.) до Первого Никейского собора (325 г.), в то время как первые письменные памятники (никакая еще не поэзия) на армянском языке предположительно датируются только 406 годом н.э.

В-третьих, «Аракат» и «Урарту» – не только горные массивы (нагорье) в верховьях Тигра и Евфрата, но однокоренные наименования древнего государства, которое его коренные жители называли «Биайнили». Обе формы являются семитскими, только одна – «Аракат» – дошла до нас из арамейского и иврита, а другая – «Урарту» – из древнеассирийского языка. Сами древние урарты говорили на языке, принадлежавшем к алародийскому языковому семейству, родственному большинству современных языков Северо-Восточного Кавказа. Таким образом, название горы происходит от названия государства Урарту. Вывод: название «Аракат» никогда не имело ничего общего ни с армянским языком, ни с армянским народом.

В-четвертых, у армян вообще нет оригинального названия горы Агры-Даг (Масис). Местные турки и проживающие рядом азербайджанцы называют ее Агры-Дагом («Гора боли»), а взирающие на нее с другой стороны границы армяне – персидским словом «Масис», что в переводе со среднеперсидского (пехлевийского) языка означает «огромный», «тяжелый». Отсутствие оригинального армянского на-

звания этой горы подтверждает, что его окрестности действительно не принадлежали первичному ареалу формирования армянской народности. Экспансия армян в северо-восточном направлении от их первичной территории (провинций нынешней Турции Кахраманмараш и Малатья) началась позднее, поэтому они и переняли персидское (к слову сказать, тоже не первоначальное) название Агры-Даг.

Таким образом, «Аракатом» эту гору не называет ни один народ, проживающий в настоящее время возле неё (или неподалеку) – ни тюрки (турки и азербайджанцы), ни имеющие индоевропейские корни персы, талыши, таты, езиды с курдами, ни грузины (язык которых принадлежит к картвельской группе языков Южного Кавказа), ни, как я уже упоминал, сами армяне.

Грузины называют Армению Сомхети, а армян – сомехами. А сами армяне называют себя «хайками», а Армению – «Хайастаном». Название «Армения» происходит от хурритского слова «Арми». Ученые считают, что раньше Армения («Армина») была названием одной персидской провинции, которое позже стало применяться к хайкам. Но даже тогда древняя Армения не имела ничего общего с Кавказом. Первоначально это была территория, населенная племенем мушки на юго-востоке сегодняшней Турции, недалеко от границы с Сирией; только позже началась армянская экспансия на северо-восток. А на Кавказе армяне в массовом порядке появились только после того, когда в 1828 г. Восточное Закавказье попало во владение России. Русские цари не доверяли туземным грузинам и азербайджанцам Южного Кавказа (в состав которых входили кавказцы-туземцы этого края и более поздние пришельцы тюрки) и поэтому поощряли переселение армян на Кавказ из Персии и Турции.

Кстати, нужно констатировать, что упования и обязательства русских царей, императоров, народных комиссаров, генсеков ЦК КПСС и нынешних президентов России, возложенные на армянский народ на протяжении всех 300 лет (с 1721 года), послушно выполнялись. Защищая имперские интересы России и сохраняя верность кремлевскому особняку в ходе расширения империи, большая часть армянской элиты всячески стремилась доказать, что не зря их приглашали стать форпостом России на Кавказе...

Неизвестно так же, как называли гору «Аракат» старожилы этого края – древние урарты, говорившие на алародийском языке. К сожалению, это не помешало армянским этноцентристам вот уже более полутораста лет водить за нос весь христианский (и не только) мир, указывая ненастоящее место библейского Араката, и на полном серьезе разглагольствовать о якобы находящемся на вершине Агры-Дага (никакого не «Араката»!) Ноевом ковчеге с сохранившимися остатками армянских национальных блюд.

К чему только не прибегают с целью «состарить» или иным образом сделать более значимым прошлое своего народа, чтобы потом сделать его основой нынешних политических претензий. Как видим, при фальсификации своей (и не только своей) истории армянские авторы не поскромничали и «арменизовали» даже Священное Писание иудеев и христиан – Ветхий завет.

ОТРАЖЕНИЕ СОБЫТИЙ 1915 ГОДА В ЛИТЕРАТУРЕ

Но оставим седую древность в покое. Давайте посмотрим, что литовский читатель мог почерпнуть из сочинений классика соцреализма Пятраса Цвирки о событиях начала XX века, и как читатель должен был после этого оценивать те события:

«[...]Ведь знаменитая Дилижанская долина у Аракатской равнины – это всё армянские кладбища, покой в которых сотни тысяч армян обрели в один и тот же час – отец с матерью, брат с сестрой, убитые империалистическими шакалами, науска-ваемыми своими турецко-немецкими хозяевами. Только за 1918-1919 гг., за время империалистической войны, было истреблено полтора миллиона армян[...]»

Можно только изумиться способности «империалистических шакалов, наускиваемых своими турецко-немецкими хозяевами» (интересно, кто это – грузины или азербайджанцы? Или кто-то еще?) истребить армян больше, чем их вообще было тогда на Южном Кавказе, но не об этом речь.

Более важным является то, что, как видим, «любовь и уважение» П.Цвирики к армянскому народу, к его культуре и истории переполнены враждебностью к соседям этого народа, поэтому и излагается все, не чураясь фальсификации ни истории или Священного Писания, ни очевиднейших территориальных претензий к соседней Турции.

Парадоксально, но П.Цвирика и в очерке под названием «В Азербайджане», написанном в том же 1947 году и изданном в том же томе его сочинений, продолжает: «Мы знали, что в этот час проезжаем совсем близко от Араката. [...] Он стоял совсем рядом, на порабощенной турками армянской земле. Аракат – это не только герб Армении, это символ того, как народ, жестоко уничтожаемый и по-зверски вырезаемый младотурками, русифицируемый царями, разбросанный персами, выстоял крепким камнем, как Аракат. И если заведем речь о живительной, прекрасной мощи, возродившей землю Армении и вдохнувшей ее детям надежду на настоящую жизнь, мощь эта – плод сталинской мудрости, историческая роль русского народа в дни Великого Октября».

Как видим, всё тот же стереотипный бред – не по-армянски названная и не на армянской земле стоящая Агры-Даг (Масис) гора, ничего общего не имеющая с упомянутыми в Библии Аратскими горами, опять назойливо превращается в «Аракат», находящийся... «на порабощенной турками армянской земле». Как во всем этом не разглядеть «плод сталинской мудрости» и «исторической роли русского народа», не так ли? С другой стороны, не стоит недооценивать и влияние конька (точнее, армянского бренди) «Аракат», без которого уж точно тогда не обошлось в гостях и на проходивших мероприятиях...

Чтобы показать, как осуществлялись дезинформация и дезориентация литовской читательской аудитории, мной были выбраны только некоторые произведения П.Цвирики, которые действительно не делают чести этому писателю. Но ведь вместе с ним Армению тогда посетила целая компания прославлявших «сталинское солнце» писателей Литовской ССР, и все они позднее внесли большую или меньшую лепту в «популяризацию» проармянских (тем самым – антитюркских) настроений в Литве.

«Мы, группа литовских писателей (А.Венуолис, А.Жукаускас, Ю.Паукштилис и автор этих строк), были первыми посланцами литовского народа в братской Армении, посетившие ее несколько месяцев назад. [...] Принимали нас не только писатели. Заботу армянского правительства и Центрального Комитета Армянской КП(б) мы чувствовали на каждом шагу», – писал тогда П. Цвирика. .

«Забота» Центрального Комитета Армянской КП(б) не замедлила дать плоды. Вот что писал об этом уже упомянутый Феликс Бахчинян: «Интересной новостью стала книга А.Венуолиса «Кавказские легенды», где есть и легенда о «Спящей Деве Араката» (якобы по мотивам армянских народных преданий – М.Г.). Свою легенду А.Венуолис завершает словами: «Однако уже возвращаются [...] на освобожденную землю советской Армении потомки хайков, чтобы в решающий час были вместе и каждый участвовал в создании нового армянского государства на равнинах плоскогорья Урарту, в старых пределах священной горы Масис – Аракат».

Вот вам и открытый призыв создания так называемой «Великой (и, разумеется, советской) Армении» (об этом А.Венуолис пишет и в другом месте упомянутой легенды): «Они расширили свои владения до морей Гирканского и Евксинского (до Каспийского и Черного морей – М.Г.) и побережью еще дальше на запад и восток и далеко отодвинулись от пределов, откуда видна гора Масис». (А. Венуолис. Кавказские легенды. Вильнюс, Госиздат. худ. Литературы ЛССР, 1955, стр. 68)

Правда, в реальности такое государство никогда не существовало (не считая фантазий армянских этноцентристов). Для реализации сюрреалистических замашек армянских шовинистов во второй половине XIX века была сформирована так называемая идея «Великой Армении», согласно которой будущее армянское национальное государство должно было охватить огромные площади между Средиземным, Черным и Каспийским морями, где армяне составляли меньшинство населения (в лучшем случае одну десятую); иными словами, воображаемое государство могло быть создано только за счет этнических земель соседних народностей: турок и азербайджанцев (также грузин и курдов).

Народный писатель Литовской ССР А. Венуолис (1882–1957), как и П. Цвирка, в своем произведении «Спящая Дева Араката» пытался совместить советскую пропаганду с армянскими историческими фальсификациями, к примеру: «Государство Айстан существовало тогда, когда в Европе еще не было ни греков, ни римлян, а сама Европа называлась страной Эреба. Тогда уже хайки имели свою культуру, свой орнамент, искусство, имели свою устную поэзию, блиставшую глубокими афоризмами и пословицами, а их певцы-гусаны читали и пели по клинообразным письменам, начертанным на глиняных плиточках».

Что ж, на самом деле римляне на арене мировой истории появляются в схожее с армянами время – в VI веке до Рождества Христова, а вот что касается греков (эллинов), тут уж классик литовской литературы сильно перегнул палку, так как они известны уже с XX века до Рождества Христова. И не могли гусаны читать и петь с клинописи, поскольку науке не известен ни один письменный армянский памятник, написанный такой системой письма, а оригинальная армянская письменность была создана (и появились первые памятники армянского письма) только в V веке от Рождества Христова.

Знаменитый российский историк-востоковед Игорь Дьяконов (1915-1999) в своей широко известной работе «Предыстория армянского народа» (Ереван, 1968) писал, что «вывод можно сделать только один: те, кто говорил на ранней форме современного армянского языка, пришли на армянское нагорье как оседлые животноводы, которые занимались и подсобным хозяйством, однако еще не прошли этап социального расслоения. Они о природе нагорья и социальных условиях классового общества узнали от туземцев, которые в то время еще не говорили по-армянски».

А вот что А. Венуолис в 1946 г. пишет в своем очерке «В братских республиках»: «[...] Всеми армянами лелеется надежда, что рано или поздно их народ, проживающий вокруг горы Аракат, объединится в одно национальное советское государство. Армянский писатель Хачатур Абовян сказал: «Да будет благословен тот час, когда нога русского вступила на армянскую землю и изгнала из нашей страны проклятых турок красношапочников».

То, что состоявшийся в 1946 году «дружеский визит» делегации писателей Литовской ССР повлиял не только на ничего не знаящих до этого об Армении и армянах П. Цвирку или А. Венуолиса, мы видим также из произведений других советских литовских писателей, участвовавших в разные времена в подобных «запланированных мероприятиях». К примеру, те же стереотипы отражены и в статье писателя и поэта, лауреата Сталинской премии Антанаса Венцловы (1906-1971) «Аветик Исаакян», написанной в 1957 году: «Только вспомнишь солнечную Армению, тотчас перед глазами встает заснеженный Аракат. [...] Аракат хорошо виден и с площади Ленина в Ереване. [...] Его упоминает в своих песнях пастух, пасущий свое стадо в Зангезуре, и девушка из Карабаха, трудящаяся в утопающем в зелени саду».

Интересно, что в этом тексте упоминаются оспариваемые Азербайджаном и Арменией территории – Зангезур (который большевистская Россия отняла у Азербайджана и включила в состав Армянской ССР еще в 1921 году) и Карабах (большая часть которого была оккупирована Арменией уже в наше время – до начала мая 1994 г.).

Можем ли мы себе представить, чтобы А.Венцлова в то время написал что-то в подобном духе о литовском Тильзите, видимом с другого берега – с берега Литовской ССР, или о каким-то слесаре из Ошмяны или ткачихе из Лиды, поющих о голубом Немане? Что-то не стыкуется, не так ли? Но и это – еще не все.

Открываем книгу другого народного писателя Литовской ССР – воспевателя сталинского солнца Юозаса Паукштялиса (1899-1981) «Путешествие по Закавказью», и в очерке «Черный сад» (азерб. «Карабах» – **М. Г.**) читаем следующие строки: «Аракс сейчас стал острым мечом, губительной границей, делящей живое тело Армении на две половины...» «Вторая половина тела Армении» – это всё та же Восточная Турция, «освободить» которую порывалась Красная Армия. Тогда и о ней можно было бы сочинить какой-либо глуповатый стих, похожий на тот, который в честь автономной Нагорно-Карабахской области написал цитируемый Ю.Паукштялисом Ашот Граши:

Крылья тебе Партия дала,
И кристальные законы, –
И даль твоя ясна, светла,
Мой Карабах безграницный!

(Подстрочный перевод с литовского)

Нынешний литовский читатель может и не понять, а зачем же Москве и ее при-служникам в Ереване (косвенно – и в Вильнюсе, а также в столицах других республик) было необходимо распространять эти антитурецкие настроения? Что ж, придется ненадолго оторваться от внезапно разросшихся, как крапива, литературных связей Литовской ССР и Армянской ССР.

СОВЕТСКИЕ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ПРЕТЕНЗИИ К ТУРЦИИ 1945-1953 гг.

По мере приближения Второй мировой войны к концу – 19 марта 1945 года Советский Союз денонсировал Договор о дружбе и нейтралитете между СССР и Турцией от 1925 года, а еще через три месяца потребовал права контролировать проливы Босфор и Дарданеллы и основать там советскую военно-морскую базу. Тогда же СССР попытался «восстановить историческую справедливость» и оторвать от Турции часть территории, на которую претендуют сторонники идеи «Великой Армении» – «вернуть» земли Юго-Западного Кавказа (отобранные Россией у турок в 1878 г., но которые она была вынуждена опять признать турецкими в 1921 году – уже после поглощения большевиками независимых государств Южного Кавказа).

В пропагандистской кампании против Турции Кремль использовал не только своих марионеток в руководстве Армянской ССР, но и авторитет Армянской апостольской церкви. Глава этой церкви Геворг VI (1868-1954) лично обратился к Сталину с просьбой освободить «армянские» земли (населенные только турками). В качестве формального повода территориальных претензий к Турции назывались якобы стремление «трудового народа армянской национальности, проживающего в капиталистических странах», переселиться жить в Советскую Армению, и крохотность территории этой республики (совсем как в известной басне Ивана Крылова, когда голодный волк, не найдя другого предлога, заявил ягненку: «Ты виноват уж тем, что хочется мне кушать...»).

Министерством иностранных дел Армянской ССР (хотя эта «союзная республика» в силу понятных причин не имела и не могла иметь ни одного представительства в зарубежных странах) была подготовлена специальная справка, «научно» обосновывающая свои территориальные претензии не только на турецкие земли, ранее находившиеся под властью Российской империи, но и на те территории, которые были временно оккупированы русскими в годы Первой мировой войны. А в раз-

говоре с тогдашним послом Югославии в Советском Союзе Владимиром Поповичем (1914-1972) советский министр иностранных дел Вячеслав Молотов (1890-1986) и представитель СССР в ООН Андрей Вышинский (1883-1954) открыто пригрозили «вышвырнуть Турцию из Европы» (то есть лишить ее Стамбула).

Чтобы советскаяnota Турции от 7 августа 1946 года не выглядела как реванш русского империализма, носящий армянскую окраску, было решено для «общего дела» подключить и руководителей такой же марионеточной Грузинской ССР. Из 26 тысяч кв. км, которые Москва намеревалась отнять у Турции, 20,5 тысяч кв.км должны были достаться Армянской ССР, а 5,5 тысяч кв. км – Грузинской ССР. И смешно, и прискорбно, но советские вожди в Ереване и Тбилиси даже умудрились рассориться между собой из-за того, кому из них должен достаться турецкий город Ардахан. Больше всего в будущий раздел чужих территорий вжились воротилы Компартии Армении, назначившие первым секретарем еще не присоединенной и не учрежденной Карской области («Обкома»), партийного босса Антона Кочиняна (1913-1990).

Ничем не спровоцированный выпад против Турции сработал совсем не так, как надеялись советские агрессоры. Эта авантюра Москвы подтолкнула Турцию к вступлению в НАТО. Заручившись сплоченной поддержкой населения страны, турецкое правительство категорически отклонило требования русских. Поддержку Турции однозначно пообещали США и Великобритания. Можно утверждать, что этот «турецкий вопрос» окончательно вынудил вчерашних союзников СССР во Второй мировой войне прийти в чувство и, наконец, осознать, с кем они связались. В 1949 году была создана Организация Североатлантического договора (НАТО), предназначенная для отражения предполагаемой советской агрессии. В 1951 году страны НАТО пригласили Турцию вступить в эту организацию; так в 1952 году Турция стала полноправным членом НАТО.

Кремлевские заправилы немного успокоились только после смерти И.Сталина в 1953 году. Пытаясь «сохранить лицо», Кремль заявил, что «во имя дружбы советского и турецкого народов руководство Армянской ССР и Грузинской ССР (которые самостоятельно и шагу не могли ступить без разрешения Москвы – **М.Г.**) решило отказаться от территориальных претензий к Турции».

В очередной раз в поднятии армянского национального духа в Москве позабочились в 1965 году, когда на 50-летие так называемого геноцида армян в 1915 году в Армянской ССР началась (и до сих пор не закончилась) рафинированная антитурецкая истерия (впоследствии натурально трансформировавшаяся и в антиазербайджанскую истерию). С этой целью использовались и фальсифицированные научные труды по армянской истории, просвещению и культуре. Как мы уже упоминали, в том же 1965 году руководство СССР инициировало «парад» международного признания геноцида армян, который тогда начал Уругвай (для сравнения, Венесуэла и Никарагуа одними из первых объявили о признании будто независимости «государств» Абхазии и Южной Осетии» в 2008 г.). Цель таких действий – сделать Армению самым надежным звеном на южной границе СССР с НАТО (Турцией), наподобие Калининградской области на западе этой страны.

Таким образом, враждебность к Турции была основной причиной, по которой в первые послевоенные годы Армянская ССР была единственной (кроме самой России) союзной республикой, в которой было официально узаконено культивирование местного шовинизма – такой «привилегии» не имели ни азербайджанцы, ни литовцы, ни другие. Только коммунисты Армении имели право распространять антиисторические мифы о расовой и культурной исключительности армянского народа и о якобы существовавшей пару тысяч лет назад «Великой Армении», таким образом обосновывая территориальные претензии не только к «фашистской» Турции, но и к соседним союзным республикам – к Грузии и Азербайджану.

ПО ВЫКОВАННЫМ КАНАЛАМ ИДЕОЛОГИИ «ДРУЖБЫ НАРОДОВ»

Но давайте вернемся в Литву. Без всякого сомнения, казенная «дружба народов» и ее тиражирование в печати и в школах продолжались и в более позднее время, но постоянно осуществлялся возврат в «судьбоносный» 1946-й.

Об этом также можно узнать из очерка Йокубаса Склютаускаса (1925-2004) «Поэт и василек», посвященного армянскому поэту Ашоту Граши: «Когда в его поэзии впервые прозвучало слово Литва? Наверное, тогда, когда была сочинена «Песня братства», хотя он написал ее еще по тому, как посетил Литву. [...] Ашот Граши дружил с Пятратрасом Цвиркой. Они познакомились давно, еще до встречи друг с другом.»

Вот так – познакомились еще до встречи, описал, не побывав здесь... «Дружба» по каналам ВКП(б), так сказать. И далее: «На встрече с литовскими писателями А.Исаакян сказал: Литовцы с точки зрения исторической судьбы – наши братья. В прошлом обоих народов – множество войн и сражений, оба народа притесняли коварные враги».

Как будто есть в мире народы, в прошлом которых не было войн и сражений, и которых не угнетали «коварные враги». Возникает естественный вопрос: «Так против кого же вы дружили, товарищи?» Полагаю, что ответ на этот вопрос уже понятен...

Еще одним выдающимся общественным и культурным деятелем Литовской ССР, славно потрудившимся на поприще упрочения в Литве мифа об исключительности армян, был заместитель председателя Президиума Верховного Совета Литовской ССР Эдуардас Межелайтис (1919-1997). Вот как он представлен в очерке «Знакомство с волшебным миром», напечатанном в уже упомянутой мной книге Ф. Бахчиняна: «Возвышенное, философски насыщенное и лирически изящное творчество лауреата Ленинской премии, Героя Социалистического Труда, народного поэта Литовской ССР Эдуардаса Межелайтиса. [...] Из множества далеких и близких краев, пожалуй, самой близкой для сердца поэта является Армения. Страна, заслужившая исключительное внимание и любовь Э.Межелайтиса».

Следует признать, что на первый взгляд его армянское творчество не кажется таким банальным, как «жемчужины» процитированных выше авторов. Возможно, потому, что времена были уже другие и оккупационный режим утратил свою свирепость. Но это – только на первый взгляд, ибо и лауреату Ленинской премии в своей поэзии не удалось избежать аналогичных, с нехорошим душком, штампов о якобы армянском якобы Аракате (и это не ошибка – действительно, двойное «якобы») и о горах армянских трупов (ничего себе поэзия!):

Если все жертвы того века зла
Сложить в кучу – гора из трупов,
Наверно, была бы равна Аракату.
Рана народа вечно кровоточит.

А если лужи слез и крови
Текли бы ручьями в Севан –
Все не вмещал бы в себя Озеро,
Страдание режет грудь, как нож.

(Подстрочный перевод с литовского)

Таким образом, Аракат «бibleйский» сменил Аракат из трупов, и не осталось «немецко-турецких шакалов». По-видимому, последнее обстоятельство не понравилось заказчикам, лелеявшим «дружбу советских народов», и в позднее написанном

стихотворении «шакалы» уже названы именем конкретного народа:

*Турки резно двух миллионов армян
У седого Араката вершили. Но заботчики
Не поняли, что из колотых ран
Распустятся алые лепестки розы.*

(Подстрочный перевод с литовского)

По правде говоря, сразу после горестных событий 1915 года в Восточной Турции сообщалось о гибели 200-400 тысяч армян (и, по крайней мере, не меньше турок). Позднее услужливые авторы (как видим, не только русские и армянские) цифру эту последовательно увеличивали, особо себя не затрудняя относительно достоверности, будто подтверждающих это источников. И очень жаль, что, скорее всего, уже никогда не узнаем, что имел в виду Э.Межелайтис, когда писал о двух миллионах зарезанных «чистокровных армян». Неужели было зарезано еще несколько миллионов «не чистокровных», смешанной породы? На самом деле не смешно. Хорошо еще, что Кавказ и Турция – далеко от Литвы, и что поэт не сочинил стихов схожей закваски о литовском крае, например, таких:

*В округе седого Вильнюса поляки
Литовцев перебили.
Выродки, не люди...
Они простых не видят знаков –
Наш Вильнюс был и нашим будет.*

(Подстрочный перевод с литовского).

Так как писать только о горе Агры-Даг (так называемом «Аракате») и об оставленных турками трупах становилось если не неприлично, то, по крайней мере, не оригинально, в армянских текстах Э.Межелайтиса появился и позитив, эдакий достаточно фундаментальный позитив:

*Ереван – это искусство. Армянин –
Феномен, что древний Хайастан –
Для меня еще одно искусство,
Как вулкан – колыбель человечества.*

(Подстрочный перевод с литовского).

Не знаю, хватило ли того армянского вина (или всё же был какой-то более крепкий напиток, в дубовых бочках выдержаный), но от Героя Социалистического Труда можно было ожидать чего-то большего, чем раскладывание кубиков типа «армянин – феномен», «Хайастан – как вулкан», или «он – колыбель» (литовские рифмы стихотворения – М.Г.).

Однако Э.Межелайтис, как известно, писал не только стихотворные тексты. Например, в 1982 году он написал панегирик «Очарован им и как человеком, и как ученым», в честь Председателя Совета Министров Армянской ССР Фадея Саркисяна (1923–2010). Интересно, что этот «премьер» и «ученый» Советской Армении ранее трудился в Научно-техническом комитете Главного ракетно-артиллерийского управления Министерства обороны СССР (то есть был профессиональным создателем технологий для истребления людей) и имел звание генерал-майора.

Как бы там ни было, руководство Армянской ССР высоко оценило труд Э.Межелайтиса и в 1976 году присвоило ему звание заслуженного деятеля культуры Армянской ССР, а также присудило республиканскую литературную премию имени Егише Чаренца. Кстати, эта премия и в контексте борьбы армян с турками имеет символическое значение, поскольку писатель Егише Чаренц (1897-1937) во время Первой мировой войны в составе русской армии, в рядах армянских добровольческих отрядов (партизан) воевал против турецкой армии на Кавказском фронте.

В ДЖУНГЛЯХ АРМЯНСКОГО ЭТНОЦЕНТРИЗМА...

Апеллируя к цивилизованному миру, армянские этноцентристы обычно подчеркивают, что они христиане (значит – европейцы), а турки и азербайджанцы – мусульмане (значит – «азиаты»). Однако трудно понять, почему армянские экспансионисты, считая довольно вестернизированные государства Турцию и Азербайджан и их общественность «азиатскими» и «дикими», тесно сотрудничают с Ираном, управляемым религиозными фанатиками, и арабскими террористами Ливана.

Еще одним их псевдоаргументом является миф о том, что армяне – будто автохтоны этого края, а тюрки и азербайджанцы – лишь поздние пришельцы («кочевники») с Алтая. Но этногенетические, антропологические и археологические исследования показывают обратное. Оказывается, антропологический тип большинства населения Турции и Азербайджана не изменился с доисторических времен. А вот пранарод армянский сформировался в I веке до Рождества Христова на территории нынешней провинции Малатья (примерно на полпути между Анкарой и озером Ван) от племен мушков, пришедших с Балкан и местных семитских арамейцев (арамейские потомки ассирийцев представляют тот же антропологический тип, что и армяне), также от индоевропейцев лувийцев и др. Поэтому ни Урартия (наследие которой претендуют армяне), ни Кавказ не имеют ничего общего с ранней историей армянского народа.

В настоящее время абсолютное большинство армян, проживающих не только в Армении и России, но и в западных странах, убеждены в том, что они обладают исключительным «историческим правом» на большие территории соседних государств, из которых должны быть перемещены местные народы, а Россия является единственным государством мира, которое может помочь им восстановить эту «историческую справедливость».

События последних лет показывают, что Россия хитроумно использует такие стереотипы мышления, тем более что идея «Великой Армении» типологически идентична идее «Великой России» («Русский мир», Евразийский союз и др.), которой руководствуется режим В.Путина. А план создания «Великой Армении», осуществляемый путем этнических чисток, во многом напоминает теорию и практику развития «жизненного пространства» («Lebensraum») нацистской Германии.

Можно констатировать такой факт, что в результате целенаправленно проводимой такой этноцентрической политики было воспитано несколько поколений армян в духе ненависти ко всему тюркскому.

Как известно, в течение XIX-XX вв. почти каждая литовская семья пострадала от царской и большевистской агрессии России, нацистского и советского оккупационных режимов, от экспансионистской политики Польши. Многие литовцы потеряли своих родных и близких. Однако нет литовской семьи, которая воспитала бы в своих детях ненависть ко всему русскому, немецкому или польскому.

Вот только ненависть ко всему тюркскому (турецкому и азербайджанскому) составляет основу современного армянского менталитета, наряду с мифом о когда-то существовавшей «Великой Армении». Такая ложь пронизана идеей расового (в широком смысле этого слова) превосходства армян.

Устои этой армянской идеологии хорошо демонстрируют слова армянской поэтессы, лауреата Сталинской премии Сильвы Капутикан (1919–2006): «Хайк должен знать, что армянин, открывший глаза в семье боголюбивых армян, родился не для того, чтобы жить, а для того, чтобы помочь армянскому народу. Поэтому новорожденному армянину нужно громко, очень громко прокричать в ухо: Эй, Арам, твой враг – турок! Родина важнее Бога. Важнее Родины – Церковь. Важнее церкви – Великий Тигран. Важнее Тиграна – Великая Армения!»

* * *

Казалось бы – вот уже более 30 лет Литва свободна и с 2004 года вместе с Турцией входит в одну и ту же оборонительную организацию НАТО. Однако некоторые творческие люди Литвы по неведению (или инерции?) все еще «одаривают» союзницу России Армению не принадлежащими ей землями соседних народов. А это, в свою очередь, морально стимулирует некоторых литовцев играть в чужие игры в составе чужих команд.

И сейчас есть в Литве писатели, которые, возможно, не желают интересоваться ныне общедоступной информацией и продолжают украшать ненастоящий «Аракат» бумажными цветами, покрытыми слоем пыли. Вот что уже в 2011 году написал мой бывший друг – покойный поэт, известный политический и общественный деятель Юозас Некрошюс (1935-2020):

Уж не от боли ль онемел
Лоб гор в морщинах ратных?
Моя вина, что не сумел
Разговорить с Аракатом!

(Подстрочный перевод с литовского).

Может быть, и хорошо, что не сумели, дорогой поэт. Иначе от той горы вы узнали бы, что никакая она не Аракат, да и говорить с ней следовало совсем на другом языке.

Пожалуй, данный обзор позволил бы нам констатировать, что мировоззрение большинства жителей Литвы (как и других оккупированных СССР краев) старше 45 лет формировалось в годы советской оккупации, в связи с чем на них оказано сильное воздействие тогдашней пропаганды, тем более, что доступ к альтернативной информации в то время был минимальным или вообще невозможным.

То же самое можно сказать и о сформировавшемся в то время одностороннем восприятии армян и их отношений с соседними народами, которое до сих пор вводит общественность Литвы в заблуждение и поддерживает в определенной ее части не соответствующие действительности стереотипы.

г. Вильнюс, 2013-2021 гг.

АЛИНА ТАЛЫБОВА

Ночь груба

Памяти одного поэта и отчасти всех остальных

Дует норд (иль вест), тюлями плеща,
разметая сны.

Ночь сползет с плеча
на окурки звезд.

Белый лист клетчат,
и над тобою бьет мемуарный час.
Что ж, присядь за стол
да прилги (прилжи),
как с тобой не внарошку
любилась жизнь,
запалив костер в голубой крови.
И растут в ночи этажи любви,
и на тайных счетах нежность копится...
А к рассвету она заторопится:
надевает она в рукава снежок,
говорит впопыхах:

«Мне пора, дружок!..»
И целует в ночную щетину, и
исчезает ровно при счете «три».
Пробираясь пустынями и леском,
по Атлантике шлепает босиком.
Континенты бросаются ей вперерез,
восстает в ночи нежилой Эверест.
«Берегись!..» –

сипиши сквозь ангину вслед.
Только кто ты ей?..

Изломавши лёд,
изодрав чулки, ушибив ладонь,
она все спешит на чужой огонь,
режа грудью ночь...

А тебе теперь
остается лишь навсегда терпеть
боль в зубах вставных, иго ста диет,
да при встрече соседей веселый бред.
А из карт торчит городок с ноготок,
что всего-то и хватит
на восемь строк
да на месяц-другой ностальгии...

Но
с этих пор ты, какое б ни пил вино,
будет тыщи лет,
до скончанья дней
он дешевым колечком лежать на дне

всех бокалов твоих...
Допивай же, брат,
выключай за шнурок настенные бра.
Догреши грешок, достиши стишок
до того, как нас –
головой в мешок.
А в свете первых седин
позабыть спеши,
как, задохшись, тебя целовала жизнь –
стерва, дура,
Мария, нимфеточка...
(А листочек смеется,
в клеточку).

Birdman

полжизни ютаясь
в человеческом теле,
от прайдов и паствищ
устав в самом деле

и вдоволь уродцем
побыв среди прочих,
я вены однажды
прроверю на прочность

и доктор в смятенье
лепечет о «личном»,
и мечутся тени
по стеклам больнички

меня обступает
прекрасная небыль,
и я оступаюсь
и падаю в небо

презрев расстоянья,
ломая ключицы...
меня подбирают
пролетные птицы

уносят в становища,
кормят и лечат.
и я выживаю
крылатым и вечным

я все языки
забываю земные,
и мой алфавит –
этот клёкот отныне

мы буйным набегом
пустыни тревожим
и крепкими клювами
айсберги крошим

мы – дети Хичкока:
стальными крылами
мы глушим вайфаи
и гасим рекламы.

уносим в когтях
небоскребы добычей...
когда же затихнут
сородичи птичи

я вновь улетаю
порой предрассветной
туда, где слеза
на щеке твоей бледной

дрожит непросохшей
второе столетье –
и снова мне память
становится клетью

пернатою плотью
в окно твое биться
и именем прежним,
как криком, давиться

луна рассыпается
треснувшим нимбом,
и сонные дворники
смотрят лениво

как снова и снова
бросаюсь я с крыши –
но ты не услышишь,
но ты не услышишь...

Ненастный вечер
(Перечитывая классику)

Погода в это время года –
Не сахар и не мед:
То сыплет снежною иглою
С небес, то льет

Дождь безутешный всю неделю...
На сотни миль
Вокруг – лишившийся оттенков
Унылый мир.

Ненастье супится недобро
На путника, что вдаль бредет,
И ветер, словно нож, под ребра
Ему суёт.

Что гонит прочь его из дома
В глухой простор?
Как все в сюжете мне знакомо,
Мой Фенимор!..

Войны гражданской лихолетье:
Ни жить, ни умереть невмочь.
Безвременья слепые дети
Бредем сквозь ночь,

Мечтая о тепле и крове
(Раскрыт рояль, натерт паркет...)
О соловье на темной кроне
И о руке,

Протянутой навстречу ночи
Из тьмы времен.
Как этот хрупкий мир непрочен,
Как пошл он

В своих пороков повтореныи,
В обличьях зла.
Потерянное поколенье,
Не отразившись в зеркалах,

Пройдет и канет за туманом...
Товарищ мой, не суетись:
Зарекъ свою фата-моргану,
Взорви хард-диск.

И согласись, что Он – мудрее,
И доложись, что ты готов
К пути по тисовой аллее
Среди миров.

Пусть отрок, бледный и печальный,
И тонкий, как свеча,
В межгалактической читальне
В урочный час

В шеренге инкунабул мшистых
Приметит скромный переплет
И наши с Фенимором жизни
Вновь перечтет.

Происшествие

**День был, в общем, обыденный,
мир ворочался, серенький,
небольшой до обидного.
Развитое безвременье,**

**Не встречая препятствий,
за окном матерело.
Этим вечером пятничным
к нам соседка влетела.**

**Бормоча заполошно,
что видала «вот только»
небывалые сполохи
ближе к юго-востоку.**

**А на фоне карминном,
весь в джинсè,
словно в латах,
реял странный мужчина,
худой и крылатый.**

**Он дышал тяжело,
был кудрявым и рыжим,
и припав на крыло,
канул в ближние крыши.**

**Мы в пустое окно
поглазели, скучая.
Предлагали кино,
подливали ей чаю.**

**Чтоб о тех миражах
больше не было речи...
Говорили, чужак
был шпаной изувечен**

**В том дворе проходном
с давней славой недоброй.
Мы живем день за днем,
безнадежно, но бодро.**

**Небо супится к вечеру,
давит на плечи штангою.
Пахнет гнилью и вечностью...
И осталось от ангела**

**Кучка перьев изломанных
да соседки свидетельство
(Впрочем, женщина вздорная,
и словам ее верить ли).**

**Может, голубь заклёван был
беспощадной вороною,
или кошки дворовой он
стал добычей коронною.**

**Что же мы так стараемся
от вины откреститься?..
Наша эра кончается,
Словно текст на странице,**

**Ставши китчем и притчею.
Рамой утренней клацнет,
да мигнет электричество
в многоблочном палаццо.**

**Наши «Тэкл» и «Фарес»
стынут в знаках неоновых.
Возрастает, не парясь,
человечество новое.**

**Ну, а ангелы, ангелы
вновь пускаются в тяжкие
рейсы над океанами,
над долами и пашнями.**

**Реют призраки бледные
в небесах, разлинованных
проводами, ракетами
и дождями кислотными.**

**В цифровом нашем Риме,
щерясь в ночь блокпостами,
что мы сделаем с ними?..
Что Ты сделаешь с нами?..**

Nature Morte

(Из цикла «Драматические этюды о жизни и смерти»)

**Разводит ночь
священный свой огонь,
Луна над мирозданьем спину горбит.
И мыкается некто у окон,
Тоской налитый,
как бутыль, под горло.
Давно изгнав из дома зеркала,
Он время цедит мутным спитым чаем,
Но вновь грозится пустоте в углах,
Что завтра он игру начнет сначала.
Что он еще... И что его еще...
Он жарко грезит,
от бессонниц бледный,**

Сводя какой-то стародавний счет
С родней, эпохой,
женщиной, Вселенной...
Как ночь светла!..
 Как улицы пусты!
Час суицидов, Муз, и роз, и терний.
Но, увязавши пустоту в узлы,
Душа, как вор,
 рванулась прочь из тела.
Как спрыгнула с подножки на ходу...
Ну, вот и все: окончены все споры,
Стоят глаза – как проруби во льду
Пустынного лица...
 Nature Morte.

Монолог одинокого прохожего

Поправить ветра шарф,
шагнуть в ночной Сезам.
Прохожие спешат
к солидным очагам.

Ладоней не согреть
о равнодушье спин.
Разливы фонарей,
оазисы витрин.

Летят из тьмы на свет,
как мошки, времена.
Похоже – человек...
И кажется – одна...

Приросшая к скамье,
с перчаткою в зубах.
В мобильник рядом с ней
вселился буйный Бах.

И тень моя течет,
троится на ходу.
Нас обморошил черт:
в том городском саду

Нет выхода вообще...
Ларек как монолит.
И лишь бездомный щен
по Лиличке скулит.

Да местный Ихтиандр
глотает воздух ртом.
Но пересох фонтан,
и взорван вход в метро.

**Скелеты пальм во льду,
качели догорят...
Сейчас я подойду,
скрещу со взглядом взгляд.**

**– Нам, может, по пути?..
И даже, может быть...
Но некуда идти,
и некого спросить.**

**И некому шепнуть,
что душу съела ночь,
что хочется хлебнуть
и закусить луной.**

**И кануть, как ведро
в глухой колодец-двор,
Кошачьим королем
взойти на местный трон.**

**Глядеться в монитор
бессонного окна,
и не считать в упор,
как деньги, времена.**

**Очнуться от седин,
ползущих по щеке.
Понять, что ты один
на всем материке.**

**Сойти с ума –
взойти
обратно на него...
Дома, финальный титр,
надсадный «Скорой» вой.**

Элегия проходного двора

**Мы встречались с тобою тайком, за углом,
в веке пасмурном, пыльном,
сквозном, проходном,
что лежал на полу,
словно смятый рукав,
измеренья и время небрежно поправ.
Мы в него пробирались из разных веков
мимо чьих-то дверей,
и замков, и глазков,
мимо битых тазов и погнутых судеб...
Разбегались года, как круги на воде:
Вот и детство мое,
вот и старость твоя...
Отмахнувшись от дат,
словно от воронья,**

мы спешили с тобой,
 как по тонкому льду,
в тот слепой закуток в коммунальном аду,
где, сравнявшись годами хотя бы на миг,
мы делили, как хлеб,
 бытие на двоих.
Мы взрастали, юнели,
 взрослели вдвоем,
мы считали в дороге столбы за окном.
Бодро ладили дом, приглашали друзей,
заводили собак и рожали детей,
врачевали, учили, писали стихи,
дожидались друг друга
 из ссылок глухих...
С каждым днем становилась короче стезя,
мы мечтали, чтоб вместе войти в небеса,
не разняв перед вечностью
 сомкнутых рук,
завершая достойно
 земной этот круг.
...Но обрушилось время,
 сместиив полюса,
изорвав измерения, как паруса,
смыв с песков наш бумажный
 придуманный дом,
запечатав нас каждого в веке своем,
чтоб сквозь мутный янтарь
 наблюдать столько лет,
как знакомый двоится вдали силуэт.
И стучать кулаками, и биться о твердь,
и все ту же опять проживать круговерть,
что смыкает столетия, словно плоты,
лишь на миг над провалами черной воды.
Опрокинувши память в глухой этот двор,
утекающий в сумеречный коридор,
где трехмерное время оставило лаз
для землян неразумных,
 для беглых для нас.
Чтоб опять пробираться
 вдоль чьих-то судеб,
сквозь надышанный этот ковчег и вертеп,
где впотьмах притаились у шатких дверей,
словно остовы древних забытых зверей:
самокаты, коляски,
 тазы, костили...
Где-то там, на одной из окраин Земли,
где вершится опять, возводя миражи,
проходная, как двор,
 быстротечная жизнь...
И поет за окном дождевая вода:
«Навсегда, никогда.
Никогда. Навсегда».

Полуночный романс

Обними меня покрепче,
Потому что ночь черна.
Потому что, словно кречет,
Вьется хищная луна

Над жилищем нашим бедным,
Над растерянной землей...
Потому что конник бледный
В путь уже пустился свой.

Слышишь – скачет,
слышишь – дышит?
Тяжко уздой звенит,
Суеты людской не слышит,
Под копыта не глядит.

Обними меня скорее,
Ты, кто мне до смерти мил,
Потому что я старею
Каждый час и каждый миг.

Нас скормили на потребу
Ненасытным временам,
Тем, в которых сбиты скрепы,
Стрелки, даты, имена.

Но манером невозможным
Прорастая сквозь асфальт,
Обдирая с сердца кожу,
Мы словили главный фарт:

Оставаться человеком
На безлюдии земном.
За окном в полночном ветре
Что-то вновь строгает Ной.

Кто-то вновь бредет по водам,
Кто-то жарит ангелков.
Бодро роет рвы Свобода
Тем, кто ей служить готов.

Человек источен ржою...
Но, томясь в бессонном сне,
Обними хотя б душою,
Если тела больше нет.

И снова ночь тасует крыши,
Дождь в стекло уткнется лбом.
Мир молчит,
и только слышно,
Как вздохнет тихонько Бог,

Шевельнуть боясь поутру
Занемевшою рукой
Под моею женской, глупой,
Несчастливой головой.

Утренние мысли

Все бледней царицы-ночи
Грозная печать.
В передутренний урочный,
Заповедный час

Возвращаясь в тело, души
Входят сквозь стекло.
Тяжелы от снов подушки,
Тихо и темно

В человечьих тесных сотах,
Бродит лунный кот.
Незнакомец, милый, кто ты?
Незнакомка, кто?..

Ты, что теплишь беспокойный
Жреческий огонь,
Протянув мне заоконный
От свет, как ладонь,

Над космическою бездной,
Сквозь развалы тьмы...
Век двадцатый, век железный
Пережили мы,

Чтоб очнуться в новом веке,
В сонме новых бед.
Разлепляет солнце веки
На краю небес.

И как будто в зале тронном
Движутся рядком
Дворничихи и вороньи
В прайде городском.
Вновь под каблуками время
Хрустнет, словно наст.
С новым утром –
с милой, бренной,
С новой жизнью нас...

НАТИГ РАСУЛЗАДЕ

Загадочная смерть писателя Мириева

Рассказ

Цыганка нагадала, что если удастся ему дожить до двадцати двух лет, то будет жить дальше.

Столь неконкретное предсказание хваленой гадалки никак не могло удовлетворить мать мальчика.

– То есть – как дальше, как то есть – если удастся? – нетерпеливо стала спрашивать она, пытаясь вытянуть из гадалки как можно больше за установленный тариф.
– Он что, может не дожить до двадцати двух? Почему именно двадцать два? А если доживет, то дальше как? Переменится он или таким же останется?

Мальчику было четырнадцать, единственный сын, но уже в этом возрасте он вполне подходил под юридическое определение – криминальный элемент; родители по горло были сыты его недетскими проказами, отец трижды вытаскивал его из отделения милиции, где ему могли пришить серьезную статью за вооруженное нападение вместе с другими подростками, хулиганами и бездельниками. Был мальчик членом уличной бандитской шайки, курил и баловался наркотиками, как и все его товарищи, подворовывал вместе с приятелями; они часто дрались с другими уличными шайками, пуская в ход ножи и кастеты, отвоевывали пространства в этом неспокойном пригородном районе, где селились преимущественно беженцы, изгнанные из своих родных домов захватчиками из соседней страны, и рабочий люд, пролетарии. Главарю шайки было шестнадцать лет, и он уже успел отсидеть срок в колонии для малолетних преступников и среди своих одиннадцати членов шайки был, как говорится, в авторитете, держал их в узде, и его слушались, как старшего и более опытного товарища. Вот в такой шайке пребывал и наш паренек на горе своим родителям, матери, выплакавшей все слезы, но сам он был горд и весел, как человек, уже нашедший свое место в жизни.

И вот сердобольные соседки надоумили мать мальчика отвести парнишку к известной в их районе гадалке, считалось, что она удачно предсказывала будущее, из десяти раз восемь попадала в цель; многие из этих советовавших женщин испытывали результаты гадания на себе или своих близких и оставались довольны. Цыганка была не совсем цыганкой, просто за ней закрепилось это имя – Цыганка, она не возражала, считая, что это прозвище еще сильнее будет способствовать привлечению клиентуры, на доходы от которой она и жила, и неплохо жила, преуспевала, не забывая угождать и правоохранительным органам, ища порой (когда не в её пользу складывались обстоятельства) в них защиты и уповая. Она была наполовину цыганкой, по матери – азербайджанка, а отец её происходил из венгерских цыган.

Мальчик, как ни странно, не стал возражать, когда мать, уже втайне приготовившаяся к бурным спорам и по этому поводу не сомкнувшая глаз до самого утра, стала его уговаривать пойти с ней к её хорошей знакомой и поговорить о дальнейшей его, мальчика, судьбе. Мальчику самому вдруг сделалось интересно, и он послушно – что с ним случалось крайне редко – поехал с матерью к «тетеньке гадалке».

Но когда мать услышала от предсказательницы насчет двадцати двух лет, которых им с отцом оставалось ждать, терпеть и мучиться еще целых восемь лет, такое предсказание никак не могло её удовлетворить, и она пожалела об уплаченных вперед немалых деньгах.

– Еще восемь лет?! Целых восемь лет?! – вскричала она. – Но как эти восемь лет будут? Когда кончатся наши мучения?!

Мальчик, развалившись в роскошном кресле хозяйки, ухмылялся, не встревая в разговор, вел себя, как посторонний, но чувствовал себя вполне, как дома, и глаза его зорко шмыгали по комнате Цыганки, обставленной с кричащей роскошью.

Цыганка не отвечала, поглядывая на мальчика и что-то с таинственным видом шепча про себя.

– И почему именно до двадцати двух лет? – бесцеремонно вторглась мать в её показное, как она решила про себя, шептание, ни на минуту не забывая о потраченных зря деньгах.

Цыганка, прервав свой шепот, стала объяснять свою сложную систему цифр, в которой мать ничего не поняла, и в результате объявила:

– Вам с мужем надо будет тысячу семьсот двадцать два раза прочитать вслух эти цифры, – и протянула матери бумажку, где в столбик были записаны одиннадцать цифр.

Мать мальчика, взяв его за руку, как бы напоминая и себе, и ему, что он все-таки ребенок, несовершеннолетний, подняла с кресла и, тяжело вздохая, отправилась с сыном домой.

В ту же ночь, поближе к рассвету, когда нормальные люди особенно крепко спят, дом пятидесятилетней одинокой вдовы Цыганки был ограблен шайкой мальчишек, самый юркий и худой из которых пролез в форточку и открыл дверь квартиры товарищам, а сама она с кляпом во рту торопливо и неумело изнасилована главарем этой шайки. Ограбление вдову очень огорчило, но давно позабытое и приятное ощущение от изнасилования еще долго жило в её памяти, точнее – в памяти её роскошного, пышного, ухоженного тела, так что обращаться в милицию она по здравому размышлении не стала, тем более, что унесли мальчишки только то, что было на виду, основной капитал хозяинка держала не дома, закрома были далеко-о-о...

Мальчик, нанесший визит Цыганке со своей матерью, в ограблении не участвовал, отсоветовал более опытный и здравомыслящий вожак стаи, но долю свою от добычи получил. Звали мальчика Насиб, а кличка его в банде была Узун, что означало долговязый, потому как для своих четырнадцати лет он был не по возрасту высоким и худым, как жердь. Узун Насиб, так его называли приятели, а чаще – просто Узун.

За удачную наводку на квартиру вдовы Узун получил свою долю в виде альпинистской вазы, покрытой позолотой – верх безвкусицы, но которую очень удачно можно было сбыть знакомому барыге, падкому на все блестящее, как ворона, что и было сделано Узуном с большим успехом.

Нельзя было сказать, что отец мальчика был равнодушен к той беспокойной и рискованной жизни, что вел его единственный сын. Отец Узуна был человек суровый, всю жизнь работавший с железом и железом пропахший – он был жестянщиком в авторемонтной мастерской, немногословный, суровый мужчина сорока лет, привыкший, рано оставшись сиротой, чуть ли не с детских лет добывать себе хлеб своими руками. И когда впервые, год назад жена сообщила ему о тех опасных художествах, что вытворяет их сын, о его друзьях-хулиганах, о том, что он фактически бросил школу, что недавно пришел домой явно обкуренный, беспричинно хохоча, и как она, интуитивно ища, обнаружила в кармане его брюк большой нож-финку и несколько крупных купюр, отец решил поговорить с сыном, хотя заранее знал, что толку от такого разговора при его косноязычии и неумении убеждать будет мало. Тем не менее, следовало исполнить свой отцовский долг, и он начал разговор с сыном издалека: вспомнил свое детство, когда тоже чуть не связался с беспризорными мальчишками, но вовремя, набравшись ума, отшел от них, занялся делом, получил специальность, изучил свое ремесло, а многие из тех мальчишек, с кем он чуть не повелся, теперь, будучи его сверстниками, из тюрем не вылезают. Узун слушал невнимательно, делал

вид, что соглашается с отцом, от разговоров которого его клонило в сон, и все ждал, когда же папаша оставит его в покое. Первая беседа окончилась провалом, отец мальчика потерпел фиаско, даже не зная такого слова, и лишний раз убедился, что с его стороны состоялось элементарное сотрясание воздуха.

Через некоторое время, когда за Узуном явился участковый, предъявив ему обвинение в участии в массовой драке с поножовщиной, и увел мальчика к себе в участок, чтобы там с ним от души разобраться, мать Насиба, охваченная ужасом, позвонила отцу и сообщила о случившемся, тот приехал прямо к участковому уполномоченному и после короткого разговора, опять же, как всегда, неубедительного, потому как убеждать было не в чем, факт, как говорится, был налицо, но денежки из кармана отца, которые он зарабатывал для своей семьи нелегким трудом, денежки, перекочевавшие в карман участкового, моментально убедили того, что в данном инциденте Насиб не участвовал, и мальчик был отпущен, на всякий случай сопровождаемый последним бесполезным предупреждением, в очередной раз успешно пропущенным мальчиком мимо ушей.

– Он какой-то бесчувственный, – жаловалась Кёнуль, мать Насиба мужу. – Взгляд странный, как у глухонемого, спаси Аллах! Как со стенкой разговариваешь...

Она подолгу пристально следила за сыном, за его жестами, поступками, чем доводила его до бешенства, тогда он хлопал дверью и отлучался надолго, до поздней ночи, неизвестно где шатаясь.

– Что-то с ним произошло, – продолжала она изливать свое горе мужу, – никакого чувства, никакой любви, он какой-то... – она запнулась, ища подходящее слово, – какой-то деревянный...

Через два дня, когда Узун Насиб был задержан тем же участковым уполномоченным с наркотиком в кармане, и отцу мальчика опять пришлось отращиваться с работы и мчаться выручать сына, он, вернув мальчика, и, как обычно задобрав представителя закона, привел Насиба домой, не сказав ни слова, но весь кипя от злости, отослав жену к теще, дождался, когда она, прочитав и плача, покинет квартиру, запер дверь, привязал сына к спинке старой железной кровати и хорошенко отхлестал его ремнем, вкладывая в каждый удар свою бешеную досаду за то, что бог не наградил его умением убедительно говорить, как, например, его непосредственное начальство в мастерской, которое своим острым язычком могло уболтать кого угодно и правого сделать виноватым, что не раз с ним, бессловесным, на работе и случалось.

Узун Насиб оказался парнем стойким и даже не пикнул при экзекуции, но в то же время притворился, что старшее поколение его убедило, и отправился спать на животе, поскольку на спине он временно лежать не мог по известной причине.

На следующее утро Узун, проходя мимо отца к умывальнику, тихо, но чтобы родителю было слышно, небрежно бросил:

– Еще раз поднимешь на меня руку – подожгу дом.

Отец, завтракавший за столом перед работой, сначала даже не понял, что слова сына относятся к нему, так спокойно они были произнесены стороной, пострадавшей от порки накануне, но когда смысл слов дошел до его заторможенных мозгов, когда он, наконец, понял, ему захотелось заграбастать мальчика, взять его за горло и держать так, пока тот не перестанет дышать. Он еле сдержался, чтобы поступить именно так, но в то же время, хоть сознание его и было затуманено нахлынувшей яростью, он понял, что убедительно следует говорить вот так, как сейчас говорил его сын – коротко, действенно. И где он этому научился?..

Отца звали Вахид. Он понял, что если он не предпримет решительных мер, то сын просто перестанет с ним считаться, и в дальнейшем столковаться с ним будет невозможно. Вечером он советовался с женой, и к утру их совместное решение было принято. Вахид разбудил сына, подождал, пока тот оденется, и вышел с ним из дома, не сказав ничего. Они отправились на вокзал, сели на пригородную электричку и

вышли на платформу в селении в часе езды от города. В этом селе имелся интернат для сирот и таких отщепенцев, как его сын.

– Подожди здесь, – сказал Вахид в коридоре, не глядя в лицо сыну, и вошел в кабинет директора интерната. Минут через двадцать он вышел в сопровождении очень довольного директора и сказал Насибу: – Ты останешься здесь. Не вздумай возвращаться домой. Мы с твоей матерью решили, что нам не нужен такой сын.

Но через две недели он получил письмо от директора интерната, в котором родителей Насиба ставили в известность, что сын его, взломав сейф и похитив деньги и свои документы, ранив сторожа на территории интерната, бежал в неизвестном направлении, о чем со стороны руководства дома было сообщено в милицию и мальчик объявлен в розыск.

– Знаю, тебе это тяжело слышать, – сказал Вахид жене. – Но я долго думал, как поступить. Другого пути нет. Если заявится домой, надо сдать его милиции. Пусть сажают.

– Боже мой! – плача проговорила Кёнуль, мать Насиба. – Надо было его на работу устроить, а не в интернат... Неправильно мы поступили... Начал бы зарабатывать, может, понравилось бы... В школу он все равно не ходил.

– Я его устрою на работу, а он со своими подонками украдет там все, что плохо лежит, опозорит меня... – сказал Вахид. – Нет, пусть убирается ко всем чертям! И ты не плачь, было бы по кому...

– Как мне не плакать? Родное дитё... Однажды, – начала она рассказывать всхлипывая, то, что уже не раз Вахид слышал, но он виду не показал, внимательно слушал, понимая, что ей надо выговориться, а с кем она может еще так откровенно говорить? Только с ним... – Четыре годика ему было. Я купила красивую книжку с картинками, а времени почитать ему, как всегда, не было, работа, домашние дела, готовка, стирка, то да сё, и вот вижу: сидит он за столом с книжкой, перелистывает, смотрит картинки и горько плачет. Я опешила, что, говорю, плачешь, Насибушка, смотри, какая красивая книжка, а он мне, читать не умею, говорит, и заливается, плачет, так ему хотелось узнать, что в той книжке с красивыми картинками написано...

Вахид хоть и не показывал виду, но переживал за непутевого своего сына не меньше жены, и переживания и нервные срывы, что он постоянно подавлял в себе, не замедлили дать о себе знать: стало прихватывать сердце у него, никогда не болевшего ничем, кроме простуды.

В шайке были два беспризорных подростка, без крыши над головой, ночевавших, где придется, и Насиб присоединился к ним. Жизнь блатного беспредельщика так захватила его и так понравилась, что он не ощущал никакого горя, даже нисколько не опечалился, когда отец объявил ему, чтобы он убирался на все четыре стороны, наоборот, он обрадовался раскрывающей свои объятия перед ним – как ему казалось – полной свободе и самостоятельности. Теперь по ночам он и его два товарища ночевали по кочегаркам, ютились по знакомым малинам вместе с взрослыми ворами и наркоманами, играли с ними в карты, в домино, выпивали, курили, и Насиб очень скоро втянулся в такую жизнь, будто именно для такой жизни и был рожден. Он редко вспоминал мать, отца еще реже и вполне обходился без них, не нуждался в них, в их родительской заботе, мало того – по-настоящему почувствовал именно теперь, когда его выгнали из дома, вкус свободы, потому что домой все-таки нужно было возвращаться, и это порой угнетало его, связывало ему руки. Теперь лишенный родительской опеки, вернее – сам себя лишивший родительской опеки, он стал более суровым, готовым в любую минуту дать отпор каждому, кто захочет посягнуть на его желание делать все, что захочется, все, что взбредет ему в голову. Он сблизился с вожаком шайки, у которого тоже не было крыши над головой, круглым сиротой, и теперь они вдвоем решали, куда повести своих ребят завтра, где можно поживиться без риска попасть в лапы правоохранительных органов, или с кем надо выяснить отношения,

показать, кто здесь самый главный, самый крутой. Главарь шайки Мурад как-то поделился с Насибом радостной новостью.

– Ко мне тут недавно один лох прицепился, – начал рассказывать он внимательно слушавшему Насибу. – Короче, говорит, бабки надо выжать из одного фраера, бабки он ему должен, не отдает, проценты набежали, обещает, не отдает, вот, говорит, короче, если сможете вытянуть из него мои бабки, двадцать процентов ваши..

– Это сколько? – спросил Насиб.

– Долг двадцать тысяч в баксах, двадцать процентов – это сколько, вот и считай...

Насиб, который все-таки учился в школе и приобрел некоторые знания, подсчитав в уме, быстро сказал:

– Это четыре тысячи.

– В баксах, да?

– Ну да, двадцать процентов – четыре куска...

– Неплохой улов, – сказал Мурад. – Только вот хорошо бы ствол заиметь.

В дальнейшем к многокрасочной деятельности молодых бандитов прибавилось и это – довольно опасное – занятие: выбивание денег у должника за хорошую мзду; и однажды завязалась перестрелка на ночной улице, в которой Насиб был легко ранен.

К этому времени страна, в которой родился Насиб, революция, отдельные республики, входившие в состав огромной страны – в том числе и та, где жил Насиб, – стали независимыми государствами, милиция превратилась в полицию, умудрившись ничуть не измениться и продолжая работать по старинке, как привыкли, а воры и бандиты увеличили диапазон своей деятельности, и одно из новшеств в их «творчестве» было именно выполнение заказов по выбиванию долгов у неплатежеспособных или же попросту не желавших возвращать долги, бесчестных граждан новой республики.

– О! Целку тебе сломали! – шутили по поводу ранения Узуна матерые воры, с которыми он изредка, по необходимости пересекался и сотрудничал. – Поздравляем!

Было совершенно непонятно, как от честных, нормальных родителей, далеких от криминального мира, от преступности, могло родиться подобное чудовище. Отец мальчика Вахид всю свою сознательную жизнь добывал деньги и содержал семью на честно заработанное, никогда не брал чужого, ни будучи ребенком, ни потом, когда стал взрослым настоящим тружеником, старался даже никогда ни у кого не брать в долг и по возможности не давать в долг, что, он прекрасно знал, портило отношения между друзьями и близкими людьми, впрочем, излишков, из которых мог бы одолживать, не было, жили от заработка до заработка, мать Насиба долгие годы работала в детском саду поварихой и тоже, как и муж, была прямой и открытой, не любила зарабатывать кривыми путями. В кого же он такой?

В школе, когда мать мальчика вызвал директор, она, краснея и пряча глаза, сообщила, что он убежал из дома.

– А в милицию заявили? – строго спросил директор. Кёнуль расплакалась, помотала головой. – Как же так? – удивился директор. – Заявите обязательно. И мы со своей стороны тоже... подключимся, дадим сведения. Правда, сынок ваш далеко не подарок, и в школу он ходил, мягко говоря, нечасто, да и лучше бы вообще не ходил, проблем с ним было у нас выше головы, – директор, говоря это, почему-то провел ладонью по горлу, а не по голове, – но что делать – живой человек. Нельзя не принимать мер.

Мать ушла от него с тяжелым сердцем, хотя, как и ожидала, ничего нового не услышала, но она вдруг представила себе, что если бы её сынок был таким же, как все остальные, учился бы, да бог с ним, пусть и плохо, но окончил школу, получил аттестат, а потом хоть какую профессию, вот и отец тогда помог бы, как раньше хотел, стал бы специалистом, работал бы, честным трудом зарабатывал, а там пришла бы пора – женили бы его, внуки бы пошли... Боже, боже, единственный сын, больше не дал им Всевышний, и вот что из него вышло, за что караешь, о, Аллах, ка-

жется, ни я, ни Вахид никому зла не делали, ни на кого зла не держали, хоть и обиды всю жизнь сыпались на нас, обиды терпели, не отвечали злом на зло, так неужели же ты отнимешь у нас единственное дитя?..

Кёнуль даже не сообразила, что идет по улице, горько плача, не стирая с лица слез, и что прохожие оглядываются и странно смотрят на неё.

...В девять лет Насиб влюбился в девочку из своего класса. Он был самым высоким среди мальчиков, и девочке это нравилось, но странно выражалось ухаживание со стороны Насиба за предметом своей любви. Он грубо прогнал мальчика, который сидел с ней за одной партой, уселся рядом и принял молча поглаживать её по плечу и покусывать ей ухо – так он выражал свои чувства, не умея выражать их словом. Девочка перепугалась, пожаловалась учительнице, и та пересадила Насиба за дальнюю парту, но он снова и снова возвращался к девочке, рядом с которой место было теперь свободно, потому что с ней боялись сидеть даже ее подружки, зная, что Насиб не будет церемониться ни с кем, кто сидит с его пассией, а просто стащит их с парты. Он садился и снова молча покусывал ей ухо, она отстранялась, кричала, пожаловалась матери, и Насиба в конце концов перевели в параллельный класс, но снова и снова, как верный пес, выгнанный из дома, он возвращался и садился рядом с девочкой, изливая, как умел, свои чувства. Тогда, заметив уже явную странность в поведении Насиба, учителя посоветовали его матери перевести его в специальную школу для неадекватных детей, но мать мальчика не прислушалась к такому совету, перепугалась, поговорила с мужем, который был плохим советчиком в подобных делах, но не стала предпринимать никаких радикальных шагов.

Чем ниже опускался Насиб, чем больше он становился изгоем, тем больше казалось ему, что он приобретает авторитет среди ребят своей шайки.

И вот им заинтересовались воры в законе, что было, впрочем, неизбежно: им всегда требовались талантливые, исполнительные парнишки, которыми можно было бы манипулировать по своему усмотрению.

...Пора, однако, вернуться к самому началу, когда пятилетний мальчишка стал изучать окружающий мир и старался сознавать себя, как личность.

Тем летом отец, поднакопив денег, снял в селении Бузовны, недалеко от моря дачу, точнее – не всю дачу, а одну комнатку у хозяев, живших в этом доме круглый год; хотелось, чтобы малыш купался в море, поел бы великолепного винограда «шаны», которого нигде нельзя было найти, кроме как в абшеронских селах, чтобы окреп, загорел, и был бы не таким флегматичным и вялым, каким он казался родному отцу. Жили дружно с хозяевами, делились обедом, сидели за ужином за одним столом, когда мужчины возвращались с работы. Малыш научился плавать, отец, не ожидая, когда он соизволит сам учиться, отбросив всегдашнюю лень и вялость, просто кинул его в воду, однако зорко следил за ним и не отходил ни на шаг, мать закричала что-то сердито с берега, но беспомощное барахтанье в воде постепенно превратилось в неумелое пока плавание, и в дальнейшем, все больше выпрямляясь под наблюдением отца, мальчик привык, испуг от первого опыта уже не повторялся, и парнишке настолько понравилось плавать в море, что он хныкал, когда надо было возвращаться на дачу.

Однажды к хозяевам приехал провести свой отпуск гость, двоюродный брат хозяйки, это был мужчина тридцати пяти лет, и служил он в милиции. Время от времени он наведывался на работу, в районное отделение милиции, которое находилось в этом же селе, но большей частью лежал обычно на веранде, на раскладушке, много ел, чесал волосатую грудь с татуировкой Сталина, хралел во сне и днем, и ночью, был говорливым хвастуном и все порывался рассказывать Вахиду, отцу мальчика, как он ловил бандитов в соседнем селе, щедро разукрашивая крупицы были огромными пластами примитивной фантазии. Вахид невзлюбил его, но делать было нечего, ведь они фактически были в гостях, а значит, в какой-то степени и у этого болтливого милиционера, он старался по возможности держаться подальше от новоприбывшего

жильца, и тот, наконец-то, почувствовал неприязнь малознакомого квартиранта.

Однажды, когда маленький Насиб среди бела дня проходил по веранде в комнату, где они жили, милиционер, вдруг проснувшись, глупо хихикая, вытащил из кармана и погрозил ему пистолетом, табельным оружием, которое он не всегда сдавал в отделение, а забирал с собой, на что начальство смотрело сквозь пальцы. Насиб, увидев пистолет, остолбенел, перепугался так, что даже крикнуть не мог, отец был в городе, на работе, в комнате мать готовила на керосинке обед и ни о чем не догадывалась. А милиционер, будто шутя, не переставал грозить малышу пистолетом. У Насиба задрожали ноги, он весь обмяк, невольно струя горячей мочи полилась по ноге, и, дико закричав, он промчался мимо милиционера в свою комнату, к маме, но, добежав, в комнате рухнул на пол без сознания.

Хозяева, муж и жена, отчитали своего родственника, да так, что даже он при всей своей твердолобости понял, что задерживаться в гостях, хоть и у близких родственников, нежелательно. Он ушел, а мать Насиба с хозяйкой приведя в чувство мальчика, еще долго успокаивали его, хозяин дома, давно старавшийся над подарком малышу, как раз закончил мастерить его, и подчеркнуто-торжественно преподнося искусно выструганную саблю, сопутствовал свой дар короткой фразой:

– Вот тебе оружие! Кто тебя обидит – отвечай.

Примерно через год после этого события с Насибом стала происходить удивительная и не очень приятная метаморфоза – его характер полярно, резко изменился, он стал дерзким и драчливым, и умение постоять за себя приняло гипертрофированные формы: он не позволял себя обижать, напротив – сам был обидчиком в большинстве случаев на улице с соседскими ребятами, в драках с мальчишками с других улиц, и чем дальше, тем больше ужесточался характер мальчика. И когда ему исполнилось двенадцать лет, его мать обнаружила в кармане сына железный неумело сработанный кастет. С тех пор она жила в вечной тревоге за единственное дитя, старалась не упускать его из виду, несмотря на постоянную загруженность на работе, где, как и на любой работе, загружали именно тех, кто добросовестно трудился, заставляя таких работников стараться за двоих; и эта постоянная тревога, конечно, не прибавляла ей здоровья, и спустя три месяца после того, как Вахид выгнал сына из дома, у неё случился инфаркт, не очень характерный для женщин, и жизнь маленькой семьи стала еще тяжелее.

В семнадцать лет Узун Насиб уже находился в розыске, и его фото красовалось на всех милицейских (в то время) участках города среди фотографий отбросов общества – воров, насильников, квартирных грабителей и прочих мазуриков. В то время умерла его мать, умерла молодой, ей не было еще и сорока пяти лет, но, узнав эту скорбную весть, Насиб нимало не скорбел, а вспомнил мать, как некую силу, что с самого детства ограничивала его свободу вместе с отцом. Смутные, туманные воспоминания из детства пронеслись перед глазами, когда он укладывался спать в воровской малине в пригороде, куда привел его новый подельник, но никаких чувств они не пробудили в дремавшей юной его душе, он затоптал ногой окурок на земляном полу незнакомого сарая, тряхнул головой, словно отбрасывая всякие ненужные сентиментальные воспоминания, и лег спать, накрывшись новым, недавно украденным из богатой квартиры плащом – хорошая наводка была, повезло, и бабки приличные взяли, подумал он еще, прежде чем сон окончательно окутал его сознание.

Как то до сих пор Насибу удавалось ускользать из мозолистых лап закона (видимо, не совсем мозолистыми, как некогда были эти лапы, немного скользкими были эти лапы, неохотно ловили то, что ловить было не очень-то выгодно, отыгрываясь на хозяевах – в те годы их называли заведующими, но принципиальной разницы не было: они и были хозяевами – мелких магазинов, кафе и ресторанов, на многих подобных объектах, что нам и в голову не может прийти, что там можно чем-то поживиться; так что мелкие воришкы и хулиганы вроде Узун Насиба представителей

правоохранительных органов не очень интересовали, нет, интересовали, конечно, но не очень), и все-таки он чувствовал себя не очень уютно, часто менял место ночевки, даже если, по предположению подельников, в этом не было особой необходимости, но Насиб обладал особым чутьем, нюх у него был на опасности, и он прислушивался к своей интуиции, к своему острому чутью, и ни разу пока не попадался в те самые крепкие лапы закона.

Несмотря на осторожность в делах, он все же любил рисковать и не любил подолгу оставаться без дела. И самым громким и прибыльным было совсем недавнее: он с товарищем выследили, высмотрели, разузнав заранее об одинокой женщине, которая собиралась продать свою квартиру в центре города и уехать к сыну в Америку. Наводчик сообщил подельникам эту новость, заверив, что все узнал точно, железно, ему сообщил маклер, который занимался продажей квартиры пожилой вдовы. Они напали на след женщины, стали следить за ней, узнали, когда именно она продаст квартиру, и глубокой ночью, когда все психически нормальные люди, кроме квартирных воров, спят, открыв бесшумно дверь, прошли к ней в спальню, заткнули ей кляпом рот и приступили к делу. Женщина держала деньги дома, хоть маклер, почувствовав небольшие угрозы из совести и советовал ей положить в банк, но на руках был авиабилет на ближайший рейс, и она, никогда не обращавшаяся к услугам местных банков, не захотела создавать перед дорогой лишние хлопоты...

Узун Насиб с подельником, оба в черных масках, связав женщине руки и ноги разорванными кусками простины, приступили к ней с угрозами.

— Посмотри, что у меня в руке, — сказал с напускной хрипотцой в голосе Насиб, показывая ей финку. — Скажи, где деньги, если хочешь дожить до утра. Голову отрежу и отошлю твоему сыну в Америку, — произнеся эти слова, он еле сдержал напавшее на него очень некстати глупое хихиканье.

Вышли они из квартиры (на всякий случай ударив хозяйку кастетом по голове, чтобы она на время отключилась, не создавая лишних проблем) с хорошим кушем, таким, какого давно у них обоих не было, а точнее — никогда не было. Деньги поделили, но осторожный Насиб предупредил товарища:

— Пока не будем тратить, шиковать, понял? Опасно, нападут на след, век свободы не видать... Лучше уедем в район куда-нибудь подальше, отдохнем, а через месяц — другой вернемся...

Товарищ неохотно согласился, но решил наведаться домой и оставить больной матери и сестре немного из добычи. Насиб не стал переубеждать, сказано было им все, что нужно, но дикая ярость охватила его. Подрались, и в драке он случайно убил подельника. Это уже было не мелкое дело, и он понимал, что теперь за него примутся серьезно, схватят и — прости-прощай воля... Прямо здесь, возле агонизирующего, дергающегося тела своего товарища Насиб стал аккуратно считать и пересчитывать деньги; он примерно знал, какую сумму следовало ожидать, но впервые в руках держал такие огромные деньги, впервые видел воочию такое количество крупных купюр. Руки дрожали, когда он перекладывал толстые пачки в сумку, попутно соображая, как поступить на первом этапе, где спрятать, потому что носить с собой сумку, набитую деньгами, да еще будучи в розыске, да еще прибавив к своим проблемам этот труп под ногами, было неразумно, да попросту невозможно...

Здесь надо сказать, что страна, в которой он изволил жить, существовать, пребывать медленно соскальзывала в смутные, тревожные, кровавые девяностые годы прошлого XX века, и полиция, которая одна только по-настоящему волновала и тревожила мысли Насиба, потому как до политики, до напряженных отношений своей родины с соседней республикой, пытающейся захватить и отхватить часть — благословенную часть — его отечества, до вооруженных столкновений, до информационной войны, в которой его родина явно проигрывала, уступая лжи и клевете, тиражируемой на весь мир страной-захватчиком, до погибших своих соотечественников,

выгоняемых бандформированиями с родной земли – до всего этого Насибу не было дела, и ни малейшей заинтересованности он не испытывал ко всему, что было далеко от его воровских интересов.

Вообще-то полиции в эти дни было не до воришек и даже не до убийц, тем не менее, осторожный Насиб, спрятав в надежном месте свою добычу, предварительно забрав необходимую, по его расчетам, на первое время сумму, уехал в дальнее село, где никого не знал и где никто не знал его.

Тем временем в его родном городе разворачивались трагические события, были введены советские войска, уничтожавшие мирных граждан, и весь народ встал на ноги, безоружные бросались на танки, погибали в своих машинах и квартирах от шквального огня автоматов солдат, которых всю свою сознательную жизнь считали призванными защищать их от внешних врагов, и весь народ оплакивал погибших своих детей; 20 января девяностого года стал переломным моментом, переломным днем для многих и многих участников кровавых событий на своей Родине.

Насиб был далек от всего этого, как физически далек, так и мыслями. Ничто не шевельнулось в душе его, так же, как и в тот день, когда он узнал о смерти матери. Он был занят важным делом: аккуратно обернув саквояж с внушительной суммой в три больших целлофановых пакета, он, выкопав в заранее намеченном надежном месте глубокую яму, спрятал деньги, засыпал яму землей и затоптал сверху, так, чтобы ни один мастер по выкапыванию кладов не догадался, что здесь спрятано.

Но странное дело: когда он копал яму, вдруг перед глазами встала несколько размытая временем, как старые поблекшие фотографии, непонятная картина: ребенок лет трех-четырех лежит в кровати, кажется, у него температура, да, вот и градусник виден под мышкой, а молодая женщина читает ему что-то из книги, сказки, что ли... Но вот появляется рядом с ней мужчина, она передает ему книгу, и он продолжает чтение с того места, где она остановилась. Ребенок хмурится, видимо, у него жар, слушает невнимательно, порой начинает плакать...

Встяхнув головой, отгоняя ненужные и непонятные видения, Насиб завершил свое дело и, поминутно пугливо оглядываясь на тщательно утоптанный пятак земли, поспешно удалился...

Прошло пять лет, и все эти пять лет Насиб жил беспутно, воровал, дрался, тратил чужие деньги, вел ночную жизнь, потому что днем опасался выходить на свет божий... но однажды с ним случилось нечто невероятное, он изменился так, что сам себя не узнавал, часто задумывался о своем прошлом, чего с ним раньше не случалось, и начинал понимать, что с таким прошлым у него нет надежды на будущее...

Написав эти последние слова во фразе, Мириев задумался, и пока он думал неизвестно о чем, в голове под музыку модного шлягера вертелись написанные им пессимистические слова, чем-то напоминая мрачный прогноз: нет надежды на будущее, нет надежды на будущее... Да, веселого было мало, и он это понял сейчас, когда заметил, что новая его вещь, которую он так воодушевленно начал вчера вечером, идет по протоптанной и опасной дорожке его лучших книг, и теперь он хорошо сделает, если отложит, не будет продолжать писать... Против ожидания, это откровение огорчило его гораздо меньше, чем можно было бы ожидать. «Ничего, подождем, – подумал он, красуясь перед самим собой подчеркнутым терпением. – Нам не впервой... Бог подаст...»

И правда, уже не в первый раз случалось писателю Мириеву в процессе письма, в самом разгаре работы обнаруживать, что раньше, много лет назад на его страницах оживал очень похожий персонаж, что этот герой уже был в прошлой его – и надо отметить: очень удачной и успешной – книге. С тихим ужасом Мириев понял, что он повторяется, что невольно он повторяет свои давние, написанные десять, двадцать, сорок лет назад произведения, с той разницей, что (как он отчетливо помнил) десять,

двадцать, сорок лет назад сердце его отчаянно колотилось при работе, когда на него обрушивалось и накрывало его с головой, как в детстве морская волна на пляже, вдохновение, чего сейчас не наблюдалось. Он даже невольно пощупал пульс, чтобы проверить. Нет, прошлое не воскресить, и эти уколы счастья, когда сердце обливалось горячей волной радости от каждой находки в работе, от каждого оживляющего героя штришка, от скорости, с которой приходилось гнаться за мыслями, что одна за другой стремительно проносились в голове – только успевай записывать... Нет, всего этого не было. А было заранее рассчитанное в жизни главного героя, заранее придуманное, именно придуманное, как в сценариях должно быть, а не родившееся спонтанно, как должно быть в прозе: и вот именно в двадцать два года (как нагадала Цыганка) мальчик меняется, из отпетого бандита превращается... И, конечно же, поводом для подобной метаморфозы послужила бы как всегда – любовь. Он влюбляется. Но что с ним случается, когда он становится прямой противоположностью себе самому в прошлом, когда не может даже постоять за себя, дать отпор обидчикам? И это он, наживший себе множество врагов? Да... незавидное положение. А предмет любви, девушка, что она в нем нашла?.. Нет, все-таки что-то в этом есть, надо обкатать, обдумать, придумать что-то новое, непохожее на прежние произведения, – размышлял писатель Мириев, сидя в задумчивости перед компьютером, экран которого уже давно погас. И на этом темном экране неожиданно за спиной Мириева возник человек, которого писатель тут же узнал, несмотря на свой рассеянный, задумчивый взгляд. Мириев встрепенулся испуганно, резко обернулся навстречу незваному гостю.

– Что ты там накалякал про меня? – бесцеремонно и грубо спросил гость, не здороваясь, схватив Мириева за плечо. – До сих пор все шло неплохо, это была моя жизнь, и я сидел и помалкивал, но вот ты вздумал чуть ли не женить меня, придумал, что я влюбился и изменился... Писатель, бля... Где ты набрался такого идиотизма? Что за девчонку приплел? Я этих блядей трахаю пачками, когда захочу, и что, теперь одна изменит мою жизнь?! Только попробуй, ублюдок!..

– Да я еще не все продумал до конца, – стал оправдываться Мириев. – Это пока можно сказать болванка...

– Я тебе такую болванку покажу – не обрадуешься, век воли не видать, – сказал уже более спокойным тоном гость, бросил взгляд на монитор. – А что это такое?

– Это? Компьютер...

– А-а... Слышал. А на машинке уже не пишут?

– Нет. Это гораздо удобнее, – сказал Мириев. – Все дело в том, что ты живешь в прошлом веке, а сейчас двадцать первый век, две тысячи двадцать второй год...

– Фьююю! – присвистнул молодой человек.

– Да, и многое произошло, – не вдаваясь в подробности, продолжил Мириев, но вдаваться пришлось.

– А что именно произошло? – насторожившись спросил гость.

– Ну, из последних событий мы победили в сорокачетырехдневной войне и...

– Ну, и писал бы об этом, зачем было меня вытаскивать на свет божий?

– Затем, что мне интересны такие типажи, как ты, я хочу понять, что с ними происходит, когда они меняются, становятся другими людьми... Понял?

– А зачем мне меняться? Мне и так неплохо.

– А затем, что в каждом заложено и плохое, и хорошее начало, и мне хочется, чтобы хорошее победило. Ну, это так схематично я тебе объясняю...

– Вот я схематично и понимаю. Не надо меня менять, понял, мне двадцать два года, и мне нравится моя жизнь, понял?

– А это уж как получится, – ответил Мириев.

Робкий тон, взятый в начале разговора писателем, постепенно, по мере того, как задиристый тон гостя все больше смягчался, становился все более уверененным, окрепшим, испуг от внезапного непонятного появления нежданного гостя прошел

сразу, и теперь хозяин дома вел себя напористо, не давая вмешиваться ожившему, неизвестно как появившемуся здесь своему герою в процесс творчества, который и ему самому не очень-то был понятен.

– Выходит, ты пишешь о прошлом? – спросил гость. – О том, что ты видел, хорошо знаешь...

– Да. О том, что было, через что мы все прошли. И я в том числе...

– А о будущем не пробовал писать? – с явно слышимой издевкой в голосе спросил парень.

– Пробовал, – просто ответил писатель.

– Пиши о настоящем, – посоветовал гость с видом знатока.

– Да, легко сказать, – проговорил писатель. – Это самое сложное, что может быть в писательской профессии – ухватить текущую жизнь за хвост, запечатлеть, моментально раскрыть, пригвоздить... С ума сойдешь, как трудно... – и поднялся с кресла. – Пойдем, я покажу тебе город...

– Чего я там не видел, – заносчиво ответил гость, но голос его выдавал плохо скрываемую боязнь перед неизвестным. – Не надо мне... Я возвращаюсь к себе... а ты... ты смотри не напортачь чего в моей жизни...

– А разве плохо начиналось? Цыганка, эпизод из детства, что – можно сказать – перевернула психику мальчика, а следом еще один эпизод уже из жизни молодого человека, еще один поворот и... Женившись – будешь счастлив, не то что я, наберешься ума, не до старости же тебе вести такую распутную, такую опасную жизнь. Двадцать два – хороший возраст, чтобы начать быть счастливым, позабыв свое тяжелое прошлое... Да! Решено! – вскричал Мириев, радуясь счастливой мысли, озарившей его. – Ты женишься! Обязательно женишься!..

– Вот этого не надо! – горячо возразил молодой человек. – Не надо планировать мою жизнь, я сам как-нибудь разберусь, век свободы не видать... Ишь, как он распоряжается чужой жизнью! Надо же...

– И что? И дальше будешь вести существование изгоя, спать по кочегаркам, по воровским малинам, грабить квартиры, убивать подельников, а, Насиб...

– Это вышло случайно, – неохотно проговорил Насиб. – Я не хотел, ты же знаешь...

– Пошел вон, – произнес негромко, стараясь придать внушительность своему голосу и отворачиваясь от гостя, Мириев. – Мне работать надо...

– Но помни, – произнес угрожающе гость. – Я не оставлю тебя в покое, так что будь осторожен с тем, что пишешь.

И Мириев увидел на темном экране монитора, как фигура пришельца отделяется, отдаляется и растворяется в темном проеме двери.

Ночью Мириев никак не мог заснуть, встал под утро, выпил сорок капель корвалола, чтобы хоть остаток ночи поспать, но так и не уснул: все стояла перед глазами, угрожающее подняв руку с ножом-финкой, фигура неизвестно откуда явившегося молодого бандита... Но он не мог поверить, что сам создал его, что это плод его фантазии, плод его творчества, материализовавшись, явился непрошеным гостем, предъявляя своему создателю претензии; нет, этого не могло быть, просто кто-то вошел с улицы, благо, это не так было трудно сделать, квартира на первом этаже, дверь он часто забывает запереть на ночь, и каждый мог бы войти... но как же быть со всем остальным, с тем, что вошедший не просто прохожий с улицы, желавший чем-то поживиться у простофили хозяина с распахнутой навстречу всем неприятностям мира дверью? Как быть с тем, что поздний гость был в курсе книги, которую он, Мириев, пишет, был в курсе до мелочей?.. Или это была галлюцинация?..

Голова раскалывалась от вопросов, что он задавал себе, от докучливых, теперь уже бесполезных мыслей – случилось то, что случилось, и незачем было доказывать, как, почему и отчего... Но поспать так и не удалось.

Утром, принимая душ, он заметил на плече у себя яркие синяки от пальцев ночных гостя. «Вот тебе и галлюцинация», – подумал он, поспешно одеваясь.

Мириев полусонный, беспокоясь, что его опухшую физиономию на работе могут отнести на счет последствий ночной гулянки, поплелся на службу в издательство, где, как умел, работал.

Так и случилось: многим сослуживцам в тот день он дал повод для изрядно потрепанных шуток, а один клоун даже не поленился, сбежал в ларек под издательским домом и принес бутылку пива, полагая, что товарищ по работе должен опохмелиться, и тут как раз Мириева вызвал директор.

Только глянув на опухшее от бессонницы лицо и мутные глаза Мириева, проницательный и гордившийся своей проницательностью директор назидательно изрек:

– Что ж, теперь я понимаю, как вы могли пропустить в корректуре такие серьезные ошибки.

– Какие серьезные ошибки? – тихо, с виноватым видом спросил Мириев.

Виноватый вид подчиненного понравился директору, потому что это позволяло ему теперь с полным на то основанием поучать и измываться, и он еще раз изрек:

– Это немыслимо, безобразие, вы в слове «застрахуй» каждый раз последний слог переносите на следующую строчку! Вы это нарочно?

– И что тут такого ужасного? – спросил, осмелев Мириев. – Кому вообще нужна эта бумажная волокита, эта корректура, когда все на компьютере?..

– Мне нужна, мне! – прогремел директор. – Чтобы быть уверенным, что подобное безобразие не перекочует в книгу на радость нашим конкурентам. Скоро открывается Международная выставка-ярмарка, в которой мы тоже будем представлять наше издательство. Вы хотите, чтобы кто-то из читателей обнаружил подобные, я бы сказал – похабные ошибки в наших книгах. Идите и намотайте на ус, что я вам сказал.

Мириев вышел из кабинета главного в еще более подавленном настроении, чем когда входил. К тому же болела голова после бессонной ночи. Он еле досидел до конца рабочего дня и поплелся домой, где приготовил себе яичницу из двух яиц и без аппетита съел её, хотя с самого утра и маковой росинки не было во рту.

Вечером он сел писать, потому что со вчерашнего дня остановился, как опытный писатель, именно на таком эпизоде, с которого интересно было продолжить книгу, но, почувствовав утомление и испытав раздражение от разговора с директором, что вспомнилось именно сейчас, мешая работе, он выключил компьютер и улегся спать, рассчитывая, что чрезмерная усталость поможет ему компенсировать прошлую ночь и он хорошошенько выпишется на этот раз.

Он и правда, как только голова коснулась подушки, провалился в глубокий, как пропасть, сон и часа два спал, как убитый, но потом ему стало сниться что-то смутное, тревожное, он переворачивался с боку на бок, чтобы отогнать ужасное на-важдение, но не помогало, ужасное продолжало сниться: вот он идет ночью по знакомой улице, совершенно пустой, совершенно знакомой, совершенно темной, как вдруг дорогу ему препрятывает, неизвестно откуда взявшись, Насиб, герой его новой книги, и, угрожая ножом, гонится за Мириевым по улице, настигая и словно бы нарочно отставая, будто садистски продлевая удовольствие, наслаждаясь страхом задыхающегося от непривычно быстрого бега и ужаса Мириева, который явственно слышит стук своего сердца, что вот-вот выскочит из горла.

И эту ночь Мириев почти не спал, невольно подтверждая догадки догадливого и проницательного начальства о своей бесшабашной ночной жизни.

Вечером должна была прийти любовница Мириева, Нармина, она приходила по средам, так как в салоне красоты, где она работала, день отдыха у неё был четверг, и в четверг она могла спать до полудня – естественно, у Мириева, – отсыпаясь за все напряженные трудовые дни, в остальные дни недели они, даже можно сказать, не перезванивались: почти не было повода, а у неё не было к тому же и сво-

бодного времени, чтобы болтать с ним. А сегодня была как раз среда. Но Мириев очень устал после почти двух бессонных ночей, и все думал – может, позвонить и отменить свидание, но думал долго, смутно опасаясь чего-то, о чем не хотелось конкретно напоминать себе, еще не будучи твердо уверен: галлюцинация или напротив – твердая непостижимая реальность постигла его, опасаясь, что это, чем бы то ни было, может повториться, если он останется один. И пока он думал, обдумывал, размышлял, как поступить, она пришла, и теперь о том, чтобы отменить, уже не могло быть и речи – заключает. Она была пышка, аппетитная, сексуальная, белотелая пышка... вот мордашечку сменить, пожалуй, было бы неплохо, но... Но для одинокого Мириева и это было вполне приемлемо. Проснувшись в четверг поздно утром, она, естественно, не застав его дома, потому что он бывал в это время на работе и не мог быть сразу в двух местах, она на телефон наговаривала ему свое накопившееся за неделю ворчание, шебуршала, зудела, чтобы женился, что «посмотри на себя, кому ты нужен в твои шестьдесят лет...» Тут, слушая традиционное ворчание любимой, Мириев мысленно поправлял её – пятьдесят восемь... «...еще годик-два, и на тебя смотреть никто не захочет, а как постареешь, стакан воды некому будет...»

Ну, и так далее. Мириев вынужден был выслушивать все это ворчание на своем Вотсапе, чтобы она знала: прослушано.

Кстати (а может, и не очень кстати), но если кого интересуют внешние данные нашего приятеля, то вот они: пятьдесят восемь лет, рост – один метр пятьдесят семь сантиметров, вес – шестьдесят шесть с половиной килограммов, пучеглаз и лопоух, на щеке шрам от горячего утюга, которым крутая самодурка мать в детстве приложилась к непослушному чаду в целях воспитания; волосы на голове редкие (писатель, что с него возьмешь), на груди – густые, косматые, как у животного, одевается неряшливо, если за ним не приглядеть, а это у занятой по горло Нармины не всегда получалось. Она на семь лет младше него, и живут они вместе (если можно так сказать, но что-то внутренний голос кричит: можно, можно!) уже восемь с половиной лет.

Одним словом, была среда, и Нармина осталась, как обычно, у Мириева, а утром, когда он одевался тихо, чтобы не разбудить её и отправиться с богом на работу, она, открыв глаза, помолчав некоторое время и глядя, как он старается попасть ногой в штанину брюк, все-таки ненадолго отравила ему существование.

– Не секс, а мелкое совокупление, – пробормотала она, вновь засыпая и заворачиваясь в одеяло. – Как у насекомых.

– Я очень устал, – стал оправдываться он. – Я даже хотел позвонить тебе, отменить, две ночи не спал...

Одеяло молчало.

«Еще чего! – думал по дороге на работу обозленный репликой любовницы Мириев. – Он мне указывать будет, сопляк! Я его создал, и будет так, как я хочу, как я задумал. Женю гада! Пусть вкушает все прелести женатой жизни, пусть исправляется, станет счастлив! Женю, и никакие глупые галлюцинации меня не остановят. Пусть и он вкусит... как у насекомых... Да! Ничто мне не помешает! Женю его!»

В эту ночь, уже без Нармины в постели, Мириева вновь посетил ужасный сон: теперь он видел себя выходящим поздно ночью от друзей, где они собирались теплой компанией по воскресеньям играть в карты и играли до поздней ночи, видел, как он пробирается почему-то осторожно, на цыпочках по темной ночной улице и вдруг обнаруживает подбирающегося к нему – тоже на цыпочках – Насиба с огромным, словно театральным ножом в руке, он, охваченный ужасом, хочет бежать, но не может, ноги как магнитом притягивает асфальт, но не может в свою очередь и Насиб. Он видит, как тот с трудом отрывает ноги от мостовой, но тем не менее – догоняет... Мириев несколько раз за ночь просыпался в холодном поту, пил теплую воду, чтобы не простудить горло, и снова клал голову на мокрую подушку, но снилось опять то же самое, комическая и жуткая погоня посреди безлюдной ночной улицы.

Соседи по дому, товарищи на работе, просто знакомые и друзья, которых у Мириева было крайне мало, стали замечать за ним странноватое поведение. Не замечала только Нармина, потому что еще не наступила среда, а все странное поведение происходило между двумя средами. Он ходил полусонный, на работе был крайне заторможенный, часто вздрагивал как от оплеухи, когда его звали по имени, так что, приглядевшись внимательнее к нему, даже директор предложил Мириеву пока не выходить на работу, отдохнуть недельку дома за свой счет.

Один из очень редких друзей, а конкретно – единственный друг Мириева работал художником-оформителем в одном с ним издательстве. Он первый заметил, что с другом что-то неладное творится, то ли апатия, переходящая в депрессию, то ли уже сама депрессия, так не характерная для Мириева.

– Что с тобой происходит? – спросил друг Мириева. – Ты в последнее время какой-то... не такой.

Мириев на первый раз решил отмахнуться от его назойливых вопросов, не вдаваясь в подробности, но когда сон, один и тот же жуткий сон и на следующую ночь приснился, тогда Мириев признался другу в причине такого своего состояния.

– У меня есть хороший психотерапевт, – сказал друг. – Сходи к нему. Я позвоню. Он тебе поможет.

И Мириев пошел. Пошел, не откладывая, на следующий же день, не дожидаясь очередного повтора уже не раз виденного сна. Надоело, да и страшно. Того и гляди, среди ночи объявитя мерзавец с ножом в руке, зарежет, поди потом разбирая – галлюцинация это или реальность.

Психотерапевт принимал в своем офисе, правда, далеко от центра города, но офис был довольно приятный, обставленный разными дипломами и наградами, доказывающими, что надо платить, как скажет. Он был молод, лет под сорок, что Мириеву сразу не понравилось, он не доверял молодым врачам, особенно психотерапевтам, понимая, что медицина – самая темная из наук, а психиатрия – самый темный уголок этой темной науки, и молодые психотерапевты, еще не накопившие достаточного опыта работы, не внушали ему доверия.

Тем не менее, молодой психотерапевт был очень общителен, контакттен, мечтами даже обворожителен. Он ласково поговорил с Мириевым, все досконально вытянул из него и резюмировал:

– Вам следует отдохнуть. Подышать свежим воздухом. Лучше всего на природе, поезжайте на неделю в деревню, в горы, в лес...

Резюме не понравилось Мириеву, и мелькнула даже скандальная мыслишка – не платить. Но с кислым лицом, он все же отринул эту неприятную мысль и положил на стол крупную купюру, сумму гонорара он узнал у своего издательского друга.

Врач проследил взглядом, как Мириев шел к двери, не простившись с ним, и вдруг сказал так, будто его только что осенила гениальная догадка.

– А знаете, что мне сейчас пришло в голову? – спросил врач, лучезарно улыбаясь своей неожиданной, пронзительной мысли.

– Нет, – признался Мириев. – Я не знаю, что вам пришло в голову.

– Ладно, обойдемся без ехидства, – добродушно проговорил врач. – Ведь откровения не так часто посещают психиатров, не все мы Фрейды...

– Понимаю, – смягчаясь, произнес доброжелательно Мириев.

– Вот что я предлагаю: поезжайте в гости к своим друзьям, и ночью, уходя от них, прогуляйтесь взад-вперед по той улице, которую вы видите во сне... – он выждал паузу, ожидая, что в неё войдет Мириев.

И Мириев вошел.

– И что? – спросил он.

– И ничего, – сказал врач. – В том-то и дело, что ничего. Вы увидите, что ничего не происходит, вы спокойно прогуляетесь по улице и вернетесь домой...

– И что? – на этот раз уже вполне тупо спросил Мириев.

– И сон покинет вас. Вам перестанет сниться этот кошмар, – уверенно сказал врач и глянул на постепенно растягивающиеся в довольно улыбке губы пациента.

– Что и требовалось доказать! – на этот раз торжественно резюмировал он.

Это резюме понравилось Мириеву. Уходя, он вдруг вспомнил и сказал с порога:

– Да! Еще одна маленькая деталь, я её упустил...

– Говорите все! – сказал врач внушительно. – Любая маленькая деталь может создать большую проблему, если ею пренебречь.

– Когда я вышел от своих приятелей, я вдруг споткнулся в темноте и упал, и разбил часы, часы остановились ровно на двенадцати.

– Отличная деталь, – одобрил врач сказанное Мириевым. – Давайте будем соответствовать. Выйдите от своих приятелей ровно в двенадцать. Нельзя игнорировать мистику, в ней многое от реального.

– Хорошо, – сказал Мириев и, тепло попрощавшись с врачом, вышел из его офиса.

«И сегодня как раз воскресенье, – думал он, шагая домой по кривой, соскучившейся по дворницкой метле улице. – Пойду к Эмину и Сабине, посидим, поиграем в преферанс, кстати, их старший сын отлично играет, и одно удовольствие иметь такого партнера, одно плохо – как бы он не перерос в профессионала...»

Эти воскресные посиделки за картами в кругу милой интеллигентной семьи Мириев очень любил и с самого начала недели с нетерпением ждал и предвкушал, панируя и обдумывая, что бы такое оригинальное, кроме торта и бутылки хорошего виски или коньяка, можно было бы принести в гости, но фантазия его на этом и кончалась, не успев развиться и перейти в более изощренные формы. Супруги каждый раз ругали Мириева за ненужные траты, и каждый раз он игнорировал их добродушное ворчание. Сказать правду, еженедельная бутылка коньяка и дорогой торт от известной фирмы «Азза» производили ощущимую брешь в бюджете Мириева, но так как был он человек уже немолодой, да и любовницу имел такую, что зарабатывала гораздо больше него, то, можно сказать, особых трат в жизни Мириева, кроме квартплаты и коммунальных услуг, не было.

Эмин работал архитектором в частном проектном бюро, а Сабина была пединстратором, старший сын их учился на архитектурном факультете и, кажется, готовился переквалифицироваться в профессиональные картечники, судя по тому, что часто его мать, Сабина видела у него слишком внушительные суммы денег для его юношеского возраста, и уже проводились беседы с воспитательной целью между юношей и родителями. Эмин готовил великолепные коктейли, но никому не открывал рецепта приготовления и очень гордился тем, что только он один знает, как и что добавлять, смешивать, взбалтывать и прочее. Чтобы придать игре остроту, все участники с недавних пор решили играть по маленькой, на денежку, и как стремились, так и получалось – придали остроту.

Мириев был, как всегда, тепло принят и нежно обруган за пакет под мышкой. Сели играть. Как всегда, шутили, острели, запивая остроты фирменными коктейлями хозяина дома. Мириев в пятьдесят пятый раз шутливо попросил Эмина открыть ему способ приготовления такого чудесного коктейля, Эмин в пятьдесят пятый раз шутливо испугался и отказал, все шло, как всегда, но Мириев был неспокойен, рассеян, и вскоре его необычно неспокойное состояние было замечено, все обратили внимание на его бегающий взгляд, часто бросаемый на ручные часы, на досадные промахи в процессе игры; и, наконец, когда до полуночи оставалось пять минут, Мириев вдруг поспешно поднялся, невразумительно извинился, сославшись на неотложные дела, и пока все участники игры за столом, остолбенев, не пришли в себя от удивления (порой засиживались до рассвета, до первых петухов) и не обрушили на него справедливый гнев и негодование, выбежал из квартиры.

Выбегая из парадного подъезда, он споткнулся о кривой порожек двери и упал, но быстро поднялся, встремхнулся и вышел на темную, без фонарей в этом отдаленном от центра города квартале, улицу и, пройдя несколько шагов, потирая ушибленное запястье, вдруг обнаружил, что разбил часы, и стрелки, показывающие ровно полночь, теперь мертвые, не движутся, не шевелятся. Тогда он прибавил шагу, рассчитывая на следующем углу вызвать такси. И тут он услышал такие же торопливые шаги за спиной, явно преследующие его. Мириев побежал, но преследователь не отставал и, наконец, нагнал Мириева, настигнув его на том самом углу улицы, где Мириев задумал вызвать такси. Боясь обернуться и увидеть то, что он и предполагал увидеть, Мириев все же обернулся и чуть не уткнулся в перекошенное от злости лицо своего персонажа, Насиба, замахнувшегося на него ножом в руке. Он не успел крикнуть, как нож в руке Насиба вонзился в его грудь со стороны сердца, и горячая струя полилась под рубашкой.

Мириев вскрикнул и... проснулся в своей постели, с предательски обмоченной простыней.

«Черт бы тебя взял, ни на что ты не годен!» – подумал он в досаде, мысленно обращаясь к своему виновато съежившемуся пенису.

Пенис обиженно молчал.

«А ты тоже хорош, – подумал, в свою очередь, пенис. – Забыл, что мне пора на пенсию? Сколько можно на тебя вкалывать?!»

Но тут Мириев почувствовал нечто притаившееся за спиной у себя, резко обернулся и увидел Насиба.

– Оставь меня в покое! – крикнул Мириев вне себя от охватившего его гнева.

– Оставь меня!..

Насиб презрительно посмотрел на Мириева, заметил мокрую простыню, усмехнулся.

– Писсатель, – произнес он, скривив лицо, и сплюнул на пол возле постели Мириева. – Да, ты меня создал, ты сделал меня изгоям, и мне нравится им быть, и я не дам тебе изменить меня, изменить мою жизнь, я такой, каким и хочу остаться, и будь ты трижды автором, ты ничего не сможешь поделать...

– Да иди ты к черту! – воскликнул Мириев. – Живи, как хочешь, мне плевать на тебя! Но не забывай, что ты – часть меня, я твой создатель, и многие твои черты я заимствовал у себя и... пока только негативные, я отдавал тебе все самое худшее, самое низменное, подлое, жестокое, что жило во мне, а теперь пора...

– Нет, мне хватит и самого худшего, – прервал его Насиб. – И неужели ты не понимаешь, ты, писсатель, – пренебрежительно повторил он, – что у меня должны быть гарантии, что меня не арестуют по твоему наущению, не убьют в драке по твоей прихоти, не задавят машиной по твоему желанию, что я не сверну себе шею, упав с крыши после квартирной кражи, у меня должны быть гарантии... а их нет, век воли не видать! Сам понимаешь... Все в твоих руках... И это опасно. Пока ты жив и можешь что-то исправить, что-то нехорошее настроить про меня, я не могу быть спокоен, не могу нормально жить! – в ярости заорал Насиб.

– Погоди! – испуганно воскликнул Мириев. – Что ты хочешь сказать? Что ты задумал?! Эй, не делай этого, пожалеешь...

– Это вряд ли, – проговорил ночной гость.

Два дня Мириева не могли дождаться на работе, не могли дозвониться, и только на третий день, в среду, когда, как обычно, пришла Нармина и открыла дверь своим ключом...

СВЕТЛАНА БИРЮКОВА

Капризы осени

**Как часто осенью бывает:
Сорвется ветер, дождь польет.
И сердце в страхе замирает,
В тревоге кар небесных ждет.**

**Но вот все стихло, солнце блещет,
Прозрачный воздух ясен, чист.
На ближнем древе лист трепещет,
И сердце больше не болит.**

**Мы под покровом Солнца и Луны,
Нас окружают небо, звезды, море.
Они – друзья, защитники твои
В судьбе людской,
и в радости, и в горе.**

**К ним обращайся в горестные дни,
Они тебе защита и опора.
Под плеск волн или в лесной тени
Ты отдохнешь от городского вздора.**

**В тиши, вдали от суеты напрасной
Вновь заблестят надеждою глаза.
Распахнута земля, и небо ясно,
И вдаль манит морская бирюза.**

Товарищам по перу

**У всех есть Болдинская осень –
Не прозевай ее, лови.
Она мелькает среди сосен
Последней ласточкой любви.**

**Осенних листьев наберешь охапку,
В старинной вазе у окна
Они своею разномастной шапкой
Напоминают: будет и весна...**

Сон в осеннюю ночь

Отчего так скучно
И на сердце тошно?..
Ливень многозвучный
Барабанит мощно.

Улетела Муза,
Воспарила в небо,
Облако-медузу
Обогнула смело...

Вот наступит вечер,
Сяду у огня.
Чародейка-печка
Обольстит меня.

Сон нас укрывает
От мирских забот,
Душу исцеляет,
Козни прочь ведет.

Время откровений,
Чудо Божье – сон,
Тайных озарений
Вдохновитель он.

Ночь вплетает в строки
Музыку дождя,
И взмывает Муза,
Крылья обретя.

И летим мы рядом
В звездной тишине,
Скрещиваясь взглядом...
Можно всё во сне.

Совет

Есть от любви надежное лекарство:
гармония стиха и звуков царство.
Займитесь сочинением стихов,
они утихомирят крови зов.
Блажен, кому дается Божий дар,
с ним легче пережить любви пожар.
Стихи и музыка даруются нам свыше,
как аромат цветущей юной вишни,
как очищенье от земных грехов,
они нас пробуждают к жизни вновь

Осенний романс

Мне кажется, я влюблена,
И мысли к вам стремятся ежечасно.
Проходит ночь тревожная без сна,
И мучаюсь, что все это напрасно.

В душе разлад:
подъем и – снова спад,
И разум с чувствами в борьбе неравной,
И снова вопрошаю невпопад
Судьбу свою с ее нелегким нравом.

А за окошком листопад,
А за порогом дождь и ветер.
И вот уж столько дней подряд
Вы мне милее всех на свете...

Миниатюры

*

Век двадцать первый –
голые нервы,
денежки – евро,
женщины – стервы...

**

Человек устал от лжи,
с ней он борется всю жизнь.
Увы, она во всякий день
с ним неразлучна, словно тень.

Зимы метельные меха,
мороз и ветра завыванье.
Плеча внезапное касанье,
ее ладонь в его руках...

Ах, эта поступь Командора,
ах, эти твердые шаги!
Чеканный отзвук слова «ссора»,
как это странно –
мы враги...

Что вновь готовит нам судьба?
Не знаешь ты, не знаю я.
Что ждет нас –
мир или борьба?
Решает Высший Судия...

Шутливое посвящение

Его мужская сила
И тянет, и манит.
Отпустит шутку мило
И вас заговорит.
Общаться с ним опасно,
Притянет, как магнит,
Загадочна и страстна,
Душа его – гранит.
Беги, будь осторожна,
Коварен Дон Жуан!..
Ах, это невозможно,
«Процесс пошел» –
и поздно
Остановить роман!..

Прощальное

Гаснут в зале люстры,
И окончен бал.
Вещий Заратустра
Это предсказал.

И со сцены жизни
Мы уходим прочь –
Не продлили визы,
Непроглядна ночь.

Так и не познавши
Тайны бытия...
Но придет однажды
Будда иль Хайям.

Силой высших знаний
Расшифрует код:
Человек узнает,
Для чего живет.

ЗЕМФИРА ГАФАРОВА – 80

НАТАЛЬЯ ДАДАШЕВА

НЕУТОМИМЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬ, ПЕДАГОГ, ПРОСВЕТИТЕЛЬ

Известный исследователь азербайджанской музыки, талантливый музыкoved, видный педагог, просветитель, музыкально-общественный деятель, секретарь Союза композиторов, заслуженный деятель искусств, профессор Земфира Гасан гызы Гафарова в этом году отмечает свой солидный юбилей. Вот уже на протяжении полу века продолжается ее активная творческая и педагогическая деятельность, результатом которой стали интересные исследования, книги и монографии, многочисленные научно-популярные статьи о видных композиторах и исполнителях нашей страны. Сотни студентов, прошедших курс профессионального становления у Земфиры ханым, сегодня трудятся на различных участках музыкальной культуры республики, внося свой вклад в развитие музыкального искусства и образования.

Земфира Гасан гызы Ахвердиева-Гафарова родилась в 1942 году в семье видных представителей изобразительного искусства Азербайджана Гасана Ахвердиева и Гюллю Мустафаевой. С раннего детства находясь в художественной среде, в атмосфере любви ко всем видам искусства, будь то живопись, поэзия или музыка, она рано проявила свои музыкальные способности. Наряду с обучением в 134-й общеобразовательной школе, начальное музыкальное образование Земфира ханым получила во 2-й музыкальной школе, окончив которую, она поступила в Бакинское Музыкальное училище им. А. Зейналлы, а затем в Азербайджанскую Государственную консерваторию им. У. Гаджибейли (ныне Бакинская Музыкальная Академия), где училась увлеченно и с большой отдачей. Окончив с отличием в 1966 году историко-теоретический факультет консерватории и проявляя большой интерес к научной деятельности, Земфира Гафарова в 1968-1972 г.г. обучается в аспирантуре института Архитектуры и искусства НАНА. Именно в эти годы стал проявляться особый интерес ее к наследию корифея азербайджанской музыки Узеира Гаджибейли. В качестве объекта своей научной работы музыкoved избирает его бессмертную оперу «Кероглу», скрупулезному исследованию которой она посвятила многие годы.

В 1981 году на основе материалов будущей диссертации в издательстве «Языцы» была издана монография «Опера «Кероглу» Узеира Гаджибекова».

Отмечая значение этой книги, замечательный композитор, народный артист Азербайджана Тофик Кулиев в своем предисловии к изданию писал, что «несмотря на неоднократное обращение музыкovedов к высшему творческому достижению Узеира Гаджибейли – опере «Кероглу», до сих пор не было цельной монографии о ней...». И далее – «настоящая работа весомо пополняет музыкovedческую литературу об У. Гаджибейли и его оперной жемчужине «Кероглу». Таким образом, книга З. Гафаровой стала первым крупным исследованием, полностью посвященным этому знаковому произведению азербайджанской музыки.

Отличительной особенностью книги является тот факт, что наряду с характеристикой драматургических особенностей оперы, ее музыкального языка и формы, в монографии дается подробный разбор литературной основы – дистана о Кероглу и его сравнение с либретто оперы. И сегодня, когда о вершинном произведении У. Гаджибейли написано немало трудов, это солидное исследование привлекает своим всесторонним и тщательным анализом, является существенным вкладом в «Узеироведение».

Не случайно, что в 2017 году в связи с 80-летним юбилеем со дня первой постановки «Кероглу» на сцене театра, состоялось переиздание книги З. Гафаровой, представленной на этот раз в переводе на азербайджанский язык.

Зашитив диссертацию в Ташкенте в 1984 году и получив ученое звание кандидата искусствоведения, З.Гафарова достойно представляет азербайджанскую музыкальную науку как в республике, так и за ее пределами. Имя музыканта все чаще появляется на мероприятиях международного уровня, в программах солидных симпозиумов и конференций. Ее выступления по различным проблемам музыкального искусства республики проходили в Москве, Киеве, Тбилиси, Самарканде, Ташкенте, Душанбе и других городах.

Круг музыканческих интересов Земфиры Гафаровой не ограничивается произведениями Узеира Гаджибейли, он достаточно широк и обращен к творчеству современных азербайджанских композиторов и исполнителей. В 80-е годы в издательстве «Шур» вышли в свет две брошюры музыканта. Одна из них – «Тофик Бакиханов» – посвящена жизненному и творческому пути известного композитора. Здесь музыкант впервые знакомит читателей с биографией Т.А.Бакиханова, рассматривает его симфонические, камерно-инструментальные, сценические произведения, их образно-эмоциональное содержание, драматургические и стилевые особенности.

Другая брошюра – «Рамиз Мустафаев» – также в лаконичной форме представляет читателям картину разнообразного и многожанрового творчества знаменитого композитора, особенности его произведений, где историческая тематика тесно перекликается с современностью, где ясно ощущима связь с национальными традициями, фольклором, мугамом.

Характерно, что музыкант, раз обратившись к творчеству того или иного композитора, уже не выпускает его из поля зрения, пристально следит за его дальнейшими творческими достижениями. Так, много лет спустя, в 2009 году З. Гафарова издает «толстую» книгу, объемную монографию «Рамиз Мустафаев», подытожившую творческий путь композитора. В ней ранее известные сведения о композиторе дополнены и расширены, представлен анализ новых сочинений, а также дана подборка опубликованных в республиканской прессе статей о композиторе и воспоминания о нем.

О творчестве композитора Тофика Бакиханова Земфира ханым также опубликовала ряд изданий, каждое из которых дополняет предыдущее, вносит в него новые штрихи. Кроме того, ни одно мероприятие, посвященное творчеству прославленного композитора, старейшего представителя национальной композиторской школы, не обходится без участия З. Гафаровой. Ее доклад на конференции или вступительное слово к музыкальному вечеру являются неизменным компонентом творческого отчета Т. Бакиханова.

Результатом неустанного творческого процесса музыканта стало появление в конце 90-х годов еще двух монографий, одна из которых была посвящена композитору Шафиге Ахундовой – первой женщине Востока, написавшей оперу, другая – Гаджи Ханмамедову, создателю первого в истории азербайджанской музыки Концерта для тара и симфонического оркестра. Наряду с именами композиторов, творчество которых уже заняло свою определенную нишу в истории азербайджанской музыки, внимание З. Гафаровой обращено и к современным творцам музыки. Так, совсем недавно ею была написана брошюра о талантливом композиторе, заслуженном деятеле искусств Рауфе Алиеве, к сожалению, рано ушедшем из жизни.

В поле зрения З.Гафаровой находится и национальное исполнительское искусство, его видные и яркие представители. В начале 2000-х годов вышли из печати монографические издания, посвященные известному исполнителю на флейте, профессору Тельману Гаджиеву, а также замечательному певцу, обладателю редкого голоса и актерского таланта – Али Ахвердиеву.

Наряду с крупными формами музыковедческих исследований (книги, брошюры, монографии), в творчестве З. Гафаровой значительное место занимают малые жанры – многочисленные научно-популярные и просветительские статьи по проблемам азербайджанской музыкальной культуры. Многие из них вошли в ее книгу «Азербайджанское музыкальное искусство (1969-2008)» («Azərbaycan musiqi incəsənəti (1969-2008)»), изданную в 2008 году и представляющую собой сборник статей, очерков, рецензий, которые в разные годы публиковались на страницах газет и журналов. Здесь мы находим статьи о творчестве К. Караева, Ф. Амирова, Дж. Джангирова, Т. Кулиева, О. Зульфугарова, А. Меликова, И. Мамедова, Ф. Ализаде, о Бахраме Мансурове, Рамизе Кулиеве, Эльдаре Искендерове, Лейле Векиловой и др., а также о разнообразных концертах, оперных и балетных постановках тех лет.

С 1966 года, сразу после окончания консерватории Земфира Гафарова становится преподавателем Азербайджанской государственной консерватории им. У.Гаджибейли (ныне – Бакинская Музыкальная Академия), осуществляя свою деятельность на кафедре «История музыки», где она по сей день ведет курсы западно-европейской, русской и азербайджанской музыки.

На протяжении ряда лет З. Гафарова делилась своим значительным педагогическим опытом с турецкими коллегами, работая в Консерватории города Эдирне, где у нее осталось много благодарных студентов и друзей.

Около полувека Земфира Гафарова является членом Союза композиторов Азербайджана, в творческой жизни которого она принимала и принимает самое непосредственное участие.

Начиная с 70-х годов, одним из существенных направлений в ее работе является просветительская деятельность. Она часто выступает с лекциями о композиторах и других известных музыкантах на мероприятиях, проходящих в различных концертных залах, вузах и школах, на телевидении и радио, завоевав симпатии тысяч слушателей.

С 2007 года З. Гафарова является членом Правления, а с 2012 года – секретарем творческого Союза. Курируя секцию «Музыковедение и музыкальная критика», она координирует деятельность музыковедческого крыла Союза композиторов. При ее непосредственном участии осуществляются все проекты Союза композиторов по пропаганде и популяризации творчества современных творцов. Достаточно назвать продолжающийся по сей день долгосрочный проект по изданию брошюр о современных композиторах и музыковедах Азербайджана, в котором З. Гафарова является главным научным редактором, а также автором нескольких изданий. Она также является организатором многочисленных научных музыковедческих конференций, проводимых в Союзе композиторов. Своим авторитетом уважаемого ученого и при этом необычайной доброжелательностью и коммуникабельностью она консолидирует вокруг себя музыковедов разных возрастов, творческих взглядов и позиций.

Выступления на телевидении и радио, традиционное участие в значимых культурных мероприятиях, проводимых на различных площадках города, в заседаниях художественных советов, многочисленные интервью, вступительные слова к концертам – это и многое другое составляет суть и содержание каждого дня и всей жизни известного музыковеда.

В канун 80-летнего юбилея в Союзе композиторов Азербайджана состоялся творческий вечер Земфиры ханым и презентация ее новой книги «Seçilmiş məqalələr».

Торжественное мероприятие, проходившее в концертном зале им. У. Гаджибейли Союза композиторов, открыл заместитель министра культуры Азербайджана Вагиф Алиев. Он отметил, что Земфира Гафарова достойно встречает свой солидный юбилей, пройдя славный творческий путь и как музыковед-исследователь, и как замечательный педагог и музыкально-общественный деятель. От имени Министерства культуры республики он вручил юбиляру приветственный адрес.

Затем слово было предоставлено председателю Союза композиторов Азербайджана, Народной артистке, члену-корреспонденту НАНА, профессору Франгиз Ализаде. Горячо приветствуя юбиляра, она подчеркнула, что «*Земфира Гафарова, более полувека являясь членом Союза композиторов республики, всегда принимала самое активное участие в его деятельности. Будучи уже 12 лет секретарем Союза композиторов, она завоевала любовь и уважение своей принципиальной творческой позицией, доброжелательностью, вниманием к коллегам*». Франгиз Ализаде вручила юбиляру почетный адрес, а также учрежденную Союзом композиторов Медаль «*Узеир Гаджибейли*», которая присуждена ей за большие заслуги в исследовании и пропаганде творчества основоположника азербайджанской профессиональной музыки.

Многогранная деятельность З.Гафаровой была освещена в последующих выступлениях. Проректор БМА, заслуженный деятель искусств, профессор Гульназ Абдуллазаде, зачитав адрес от ректора Бакинской музыкальной академии, Народного артиста ССР и Азербайджана, профессора Фархада Бадалбейли, рассказала о научной деятельности З. Гафаровой, а заслуженный учитель, профессор Ульвия Иманова – о педагогической деятельности. Профессор, доктор искусствоведения, заслуженный деятель искусств Имruz Эфендиева посвятила свой доклад трудам ученого, посвященным композитору Рамизу Мустафаеву. Также выступили заслуженный работник культуры Сеадет Тахмиразызы, директор Музыкального колледжа Назим Кязимов, музыковед Наргиз Гуламова,

Прекрасным дополнением к выступлениям стала демонстрация слайд-шоу, содержащего многочисленные фотоматериалы, отражающие интересные моменты жизненного и творческого пути известного музыковеда.

Новую книгу Земфиры Гафаровой «*Seçilmiş təqalələr*», изданную в этом году при поддержке Союза композиторов Азербайджана в издательстве «Ренессанс-А», представляла музыковед Раи Аббасова. Составителем и редактором ее является доктор наук Бакинской Музыкальной Академии Наргиз Гуламова. Объемная книга, состоящая из трех больших разделов, включает в себя авторские статьи З.Гафаровой, статьи о ее жизни и деятельности, а также материалы научной конференции, состоявшейся в связи с 75-летием музыковеда.

Музыкальным приношением Земфире ханым были произведения азербайджанских композиторов, творчеству которых она посвятила свои исследования. Здесь прозвучали: «Импровизация» для скрипки и фортепиано Т. Бакиханова, Концерт №3 для тара и оркестра Г. Ханмамедова, песня «*Anam yadıma düşdü*» Р. Мустафаева, песня «*Həsrətindəyəm*» Ш.Ахундовой, а также романс-газель «*Sənsiz*», ария Гульчохры из оперетты «*Аршин мал алан*» и Увертюра из оперы «*Кероглу*» У. Гаджибейли. В их исполнении принимали участие народная артистка Ульвия Гаджибекова (фортепиано), народная артистка Гульянаг Мамедова (вокал), заслуженный артист Сахиб Пашазаде (тар), вокалисты Фяхри Кязим Ниджат и Аминат Ахмедова, скрипачка, президентский стипендиат Заррин Алиева и др.

Вечер, прошедший в теплой, сердечной обстановке, вела заслуженный деятель искусств, профессор Хаджар Бабаева.

В эти дни славного юбилея желаем дорогой Земфире ханум крепкого здоровья, душевной гармонии, плодотворного долголетия, неиссякаемой жизненной и творческой энергии.

НОВЫЕ ПЕРЕВОДЫ

НИЗАМИ АЛИОГЛУ

P A C C K A Z Y I

Перевод Ниджата МАМЕДОВА

День помилования

Садиг-киши устал метаться из угла в угол в своей маленькой, тесной комнушке. Настенные часы показывали половину второго ночи. Он снял верхнюю одежду и сел на край кровати, но ложиться не спешил. Поднял голову и посмотрел на фотографию своей покойной жены, висевшую на стене. Он привык смотреть на эту фотографию каждый вечер перед сном. На мгновение его удивило фото жены; недовольный, обиженный взгляд, который он видел на фотографии до вчерашнего дня, сегодня, казалось, изменился и смягчился. На лице его жены Соны появилась приятная улыбка, и она как будто хотела поговорить с мужем, расспросить его о житье-бытье. Садиг-киши долго не сводил глаз с фотографии, потом вскочил на ноги, протянул руку и указал на сумку у двери.

– Видишь! – он почти кричал. – Дети наши уже два дня как собрали мои вещи, но почему-то мне, взрослому мужчине, лезет в голову недоброе предчувствие. Скрывать не буду, Сона, мне немного страшно... Мне тебя так не хватает, так не хватает...

Садиг-киши наконец-таки решил избавиться от грыжи, которую таскал с собой изо дня в день больше пятнадцати лет и которая в последнее время причиняла ему невыносимую боль. Он побывал у врача и получил направление на операцию.

Но, несмотря на жалобы, он не очень-то и боялся операции; ему сделают обезболивающий укол, вскроют распухший участок кожи, проколют распухшую пленку, а затем зашьют рану. Во всяком случае, так думал Садиг-киши и не воспринимал эту операцию всерьез. Операция должна занять час-полтора – не более того. Тут и терпеть особо нечего. Другим-то вынимают сердце, отрезают почку, вскрывают желудок. По сравнению с такими сложнейшими операциями удаление грыжи – сущий пустяк. Конечно, пустяк. Это решится в мгновение ока, достаточно местной анестезии.

Другая сторона проблемы, причины, беспокоившие Садиг-киши, нагоняющие тоску, то они появились не попусту...

Пока была жива жена Сона, все беды мира были Садиг-киши нипочем. Когда тоска брала за сердце, становилось немоготу, он старался чем-нибудь занять себя, а когда не помогало и это, тихонечко пропускал сто пятьдесят-двести грамм водки (других напитков он не любил) и поправлялся, делал всё возможное, чтобы не уступить тоске. Нет, нельзя было сказать, что Садиг-киши думал только о себе, был грубым и высокомерным человеком. Вовсе нет. На самом деле он больше беспокоился о Соне, чем о себе, переживал за нее. Он недоумевал, как его бедная жена терпела все эти божьи испытания, как всё безропотно сносила. Сона всеми силами старалась не выдать своей боли, новольно-невольно боль пожирала ее изнутри, она увядала день ото дня, как нежный цветок с поврежденным корнем.

Подумайте сами, Бог даровал им двух сыновей, но не сделал счастливыми. Старший Вугар с младенчества психически болен; высокий и плотного телосложения, но лишенный рассудка. Поэтому нужен был человек, который следил бы за ним каждую минуту, следил за каждым движением, терпеливо сносил каждый его каприз. Вся члены семьи, включая Садиг-киши, ходили гурьбой за Вугаром.

И будто этого мало, младший сын Талех в свои 18 лет пал жертвой армянской пули в кровопролитных боях за Губадлы. Садиг и Сона целыми днями благодарили небеса, что после долгих поисков смогли отыскать разлагающийся труп сына и похоронить на поселковом кладбище – у себя на глазах (не каждой семье шеиха выпадала такая удача).

Короче... Конечно, Сона, как и каждый обычный человек, была не каменная. У нее были чуткое сердце и мыслящая голова. Никто не ведал о снежной буре, которая бушевала в душе этой женщины, выгляделшей такой спокойной и сдержанной... И этот рок, внезапно накрывший тенью злополучную семью, разразился бедой в зимний же день. Не зря ведь говорят: одна беда смывает другую.

Однажды вечером Садиг вернулся домой в хорошем настроении и не обратил особого внимания на жену, слегшую больной на кровати. Это был не первый раз, Сона, у которой в последнее время скакало давление, обложилась лекарствами.

Садиг неспешно снял пиджак, повесил на вешалку, затем подошел к жене и коснулся ее лба тыльной стороной ладони.

– Что с тобой, Сона, давление подскочило? Может, позвонить Валиде ханым, пускай придет и сделает тебе укол, – сказал Садиг.

Валида работала медсестрой в этом поселке и была очень дружелюбной женщиной; куда бы ее ни звали, она прибегала в любое время дня. Если кто-то лежал тяжелобольным, она до самого утра сидела у изголовья и, если необходимо, бежала вызвать участкового врача Насира. Умна она была или глупа – не разобрать, но в отличие от многих коллег никогда никому не называла цены за свои услуги. Деньги, которые ей давали, чуть ли не умоляя, брать она не хотела и пыталась вернуть тысячами способов.

– Валида пришла и ушла, – сказала отцу Фарах, массирующая мамины ноги. – Рано утром придет снова.

– Ну и хорошо... Иншаллах, всё обойдется, Сона, – сказал Садиг, но, когда захотел отойти, жена тихонько коснулась его руки. – Садиг, в этот раз не обойдется, – печально прошептала она и умолкла на несколько секунд. – Кажется, на этом всё... Умираю, Садиг, ей-богу, умираю.

– Хватит болтать, женщина! – прикрикнул Садиг, но тут же сбавил тон и сказал растроганно: – Как тебе не совестно, что это такое ты говоришь? Правда думаешь, что так легко умереть? Даже курица с отрезанной головой еще трепыхается пять-десять минут... Ей-богу, чушь несешь... Жена, как давно наш сосед Юнис-киши слег в постель, а? Он не встает уже больше двух лет, а ему-то за восемьдесят. Если умереть так легко, он давно бы умер... Если умереть от каждой хворобы так просто, в мире никого не останется...

Садиг долго ворчал, долго увещевал Сону, но без толку. Не говоря ни слова, она уставилась в потолок с обидой во взгляде, будто не слышала, о чем говорят. И когда Садиг обернулся и увидел слезинку в глазах жены, у него ёкнуло сердце, он тут же смолк.

Оказывается, Сона знала, что у нее на сердце. Садиг проявил нетерпение, не дал своей жене, с которой более тридцати лет спал в одной постели (десять лет можно скостить, потому что кое-что в их семейной жизни подошло к концу после того, как младший сын пал шеихом), в последние дни ее короткой жизни выговорить годами копившееся на сердце, те слова, что она всегда хотела сказать, но не могла произнести, те простые слова, которые, несмотря на всю простоту, были столь важны для Соны.

Они поженились, не видя лица друг друга, без любви, без каких-либо чувств, по совету родителей, но в скором времени полюбили друг друга и стали неразлучны. Но это возвышенное чувство жило не на их устах, а в чистых глазах, чистых сердцах и поступках. Они черпали силу друг от друга, дышали друг другом.

Еще давным-давно у Соны появилась мечта, она ни от кого этого не скрывала, говорила при подходящем случае: «Пусть я испущу последний вздох на руках у Садига!» Великий и милосердный Бог внял ее молитве.

Поздняя ли уже ночь? Может, вовсе не ночь. Стоящая на пороге Сона взирала на него полным любопытства взглядом и, казалось, улыбалась. Эта ее улыбка больше походила на сострадание к тому, на кого она смотрела.

– Ты меня не узнал? – обмолвилась наконец Сона.

– ...

– Слышала, ты соскучился по мне, вот я и пришла... Что с тобой, Садиг, ты такой разбитый и как будто немного состарился.

– Ты тоже сильно изменилась... Ей-богу, голос у тебя уже не тот.

– Да, возможно... Там нельзя не измениться.

– Ты как будто не одна, кто стоит за тобой?

– Наш сын Талех. Ведь мы там вместе. Мы встретились, как только я переселилась туда. Он очень скучал по нам. Бедный только-только пришел в себя.

– Почему стоите в дверях, подойдите-ка поближе.

– Нет-нет, Садигджан. Нехорошо нам сближаться. Потом разлучаться не захотим. Достаточно видеть друг друга на расстоянии.

– Соо-на...

– Что случилось, почему ты молчишь?

– Что мне сказать, по какому праву?

– Ты почему себя мучаешь?

– Ты прекрасно знаешь, ай, Сона... В последние дни я был к тебе равнодушен, обидел тебя.

– Не преувеличивай, Садигджан...

– Знаю, что виноват, не оправдывай меня.

– ...

– ...Признаешься или нет, знаю, что сильно обиделась... Но в то время я вовсе не хотел тебя обижать. Просто не мог поверить в твои слова о смерти. Столько лет прошло, а я до сих пор не могу в это поверить.

– Но я была права.

– К сожалению, да. Поэтому имеешь право обижаться.

– Я вовсе не обиделась.

– Вот тут ты неправа.

– Почему ты так думаешь?

– Потому что ты ушла насовсем... Даже не снишься мне уже три года.

– Правда... Но это не доказывает, что я вру. На самом деле я хотела оставить тебя в покое.

– Странные вещи говоришь. Не нужен мне такой покой! Оставила меня одного в четырёх стенах, это называешь покоем?! Я не пожелал бы такого покоя и врагу.

– Разве твой сын не с райской девушкой?

– Эхх, ай, Сона, что еще сказать?..

Сона обернулась назад:

– Сын мой, храбрец ненаглядный, не мог бы оставить нас на пару минут?

Тень, выглядывающая из-за спины Соны, растворилась в мгновение ока.

– Садигджан, можешь вспомнить, сколько лет мы с тобой прожили вместе?

– Больше тридцати лет.

– Если быть точнее, тридцать четыре года и два месяца... это не маленький срок.

- Это дальше, чем жизнь гения.
- Дай Бог тебе здоровья, ты абсолютно прав. Это может показаться тебе странным, но пусть и поздно, я должна сказать, что все эти годы, каждый день, каждый час я мечтала услышать от тебя ласковые слова, которые стали бы бальзамом для души.
- Например?
- ...
- Да-да, понял... Глупышка ты. Прожили целую жизнь, а ты меня так и не узнала. Честно говоря, когда я был в настроении, мне так хотелось нашептать тебе ласковых слов на ушко.
- И почему не сказал? Жалко было?
- Конечно, нет... Но ты бы засмеяла меня, сказала бы, что я с ума сошел, голову потерял, что на старости лет стал юнцом.
- Не знаю, может, поначалу... Но потом... Потом, конечно, привыкла бы к таким ласковым словам, мне бы они понравились, сердце билось бы в груди.
- Выходит, ты до сих пор не можешь меня простить?
- Уласи Боже! О чём ты говоришь? Кто я такая, чтобы прощать тебя. Моя мама говорила, что хороший муж – это земной Бог для своей жены. Таким ты и был в моих глазах. Ей-богу, правду говорю, ведь я прекрасно знала, что ты меня очень любишь.
- Откуда ты это знала?
- Это не сложно, даже в твоем ворчании сквозила любовь.
- Да ладно, хватит уже меня славословить.
- Садигджан, помнишь золотую цепочку, которую я потеряла? Ты тайком от меня копил деньги и купил ее мне в подарок на день рождения. Как я радовалась, Боже! Не было на земле никого счастливее меня. Но я потеряла ее спустя каких-то три месяца. Я не знала, что делать из-за страха. Думала, ты очень разозлишься, взволновалась. Через неделю, услышав эту историю, ты так расхохотался... Ты обнял меня, крепко расцеловал и сказал: Дурочка, все сокровища мира, золото и серебро не стоят и волоска с твоей головы, не надо расстраиваться из-за мелочей.
- Это давняя история, родная. Мы оба были очень молоды в ту пору.
- Да, мы были молоды.
- Должен признаться, что очень по тебе скучаю. – Он понизил голос и прошептал: – Знаешь, как и в нашей юности, мне хочется снова тебя крепко обнять и поцеловать.
- От меня лучше держаться подальше, потому что мертвые не целуются, Садигджан.

Садиг-киши проявил настойчивость и ступил вперед, но не успел сделать и

шага, как Сона растаяла на пороге.

– Счаст-ли-во, Садигджан!

Голос жены доносился издалека, будто из невидимых сфер.

Вскочивший с места Садиг-киши некоторое время с расширенными от удивления глазами осматривал каждый уголок в доме, не понимая, что произошло. Солнечные лучи в окне говорили о том, что он проспал дольше обычного.

Он повернулся лицом к двери и тихо позвал dochь:

– Фарах, dochка!

Вошла dochь, как будто только и ждала отцовского зова.

– Дай мне чаю и хлеба, я иду в больницу.

Словно не веря своим глазам, Фарах растерянно посмотрела на отца и пялясь покинула комнату.

Охота беркута

Он не успел даже пошевелиться: яркий свет полицейской машины, внезапно выехавшей из-за деревенских домов и бесшумно приблизившейся к нему вплотную, ослепил его; он не успел не только спрятаться, но и отбросить лопату в глубокую яму, темневшую в лунном свете. По сути тут сплошная пустошь, негде спрятаться.

– Только этого мерзавца и не хватало, – пробормотал мужчина с лопатой в руках.

Машина, приминая своими колесами кусты полыни на небольшом спуске, остановилась прямо возле ямы. Яркий свет слепил глаза. Он подумал: «Наверно, всё это время он выслеживал меня, спрятавшись за каменной оградой». Но не двинулся с места.

Не выключая фар, полицейский осторожно открыл дверцу и так же осторожно вышел из автомобиля, переводя взгляд с окаменевшего в свете фар мужчины с лопатой в руке на свежевырытую яму.

– Чего это ты делаешь, ай киши? – спросил он насмешливо.

– Да так... ничего особенного... – ответил мужчина.

Полицейский сделал шаг вперед, не сводя глаз с лопаты в руке мужчины, и с любопытством глянул в яму.

– Ничего особенного, как это так? Издеваешься, что ли?.. В такой поздний час копаешь яму просто так?! – он снова посмотрел на лопату в мужской руке. И сам мужчина, и лопата, которую он крепко держал в руках, выглядели внушительно. А с другой стороны, безлюдная пустошь. Вольно-невольно полицейский проявил осторожность. – А ну-ка, отойди чуток! – прикрикнул он дрожащим голосом на мужчину.

Застывший, как статуя, мужчина вдруг ожил, но вместо того, чтобы отступить, шагнул вперед, собираясь что-то сказать:

– Гусейналы муаллим...

– Не двигаться! – полицейский так резко отпрянул назад, что зацепился за куст полыни и чуть не покатился кубарем. Еле-еле сохранил равновесие. – Говорю тебе, отойди, а ты на меня прешь.

– Гусейналы муаллим...

– Отставить разговорчики! – снова перебил его полицейский. – Сначала отложи лопату и сделай три-четыре шага назад. – Тут ему на глаза попалась одноколесная тачка неподалеку. – Ну и ну, а зачем тебе тачка?

Мужчина, не в силах ответить, слглотнул и послушно отступил назад.

Полицейский присел в свете фар у края ямы, но, несмотря на всё внимание, ничего не разобрал и снова обратился к мужчине.

– Откровенно говоря, лично от тебя такой выходки я не ожидал. Я иначе к тебе относился... а жаль, очень жаль... Чего так вылупился, может, неправду говорю? Если ничем не замаран, почему не дрыхнешь в этот поздний час, как все остальные? Что привело тебя сюда ночью? Скажи, зачем копаешь яму в трехстах-четырехстах метрах от своего двора? Видать, тяжелая штука, раз притащил тачку... Чего молчишь? Может, в догонялки со мной играешь, да? – на всякий случай, он отодвинул еще чуть в сторону лопату ботинком. Он готов был решительно атаковать, как боксер, получивший преимущество на ринге. – Ну, скажи, что выкапываешь?!

– Не выкапываю, – мужчина снова слглотнул, но спокойно продолжил, – закапываю.

– Закапываешь? – смерил полицейский мужчину удивленным взглядом. – И что закапываешь, эй?

– Гусейналы муаллим, – взмолился робко ступивший на полшага вперед мужчина, – не могу сказать...

– Издеваешься, что ли? – спросил полицейский и повысил голос: – А ну, что ты тут закапываешь?! – предельно официально возвестил полицейский.

Мужчина не издал ни звука, растерянно моргая, он посматривал вниз-вверх.

– Я тебя спрашиваю, что ты тут закапываешь?! – чуть ли не крикнул полицейский, не в силах сдержать гнева.

– Я ответил, что не могу сказать, – шёпотом ответил мужчина, не глядя на полицейского.

– Что ты цепляешься за это слово? «Не могу да не могу...» От преступника такое можно вытянуть, что мало не покажется... – Но полицейский был вынужден перейти на мягкий тон. – Давай, не будешь мучить ни себя, ни меня. Тебя в деревне очень уважают – ты участник войны. Лет пять днем и ночью сражался с армянами в окопах. – Тут полицейский заметил, что подозреваемый насмешливо кривит губы. – Конечно, если придется, я тоже, как сын, как дитя родины, брошу всё и всех и отправлюсь на фронт.

– Да неужели, – расхохотался мужчина.

– Эй, не забывай, с кем разговариваешь, над кем смеешься! Не ты один воевал на фронте. Так много наших сыновей полегло, что... А ты вернулся живым-здоровым. Большое спасибо за прошлое, а за сегодняшний день будь добр ответить. Другой на твоем месте смеяться бы не стал, проливал бы слезы... Скажи, что ты тут закапываешь?!

Подозреваемый, ни на йоту не ослабивший выдержки, ответил так же сдержанно:

– Гусейналы муаллим, не скажу, даже если грохнешь меня. Стыдно сказать.

– Сын человеческий, – растерянно сказал полицейский, – пойми, что я плешиевой своей головой отвечаю за безопасность этой деревни. – Он снял фуражку и шлепнул себя по лысине.

– Это я знаю, – улыбнулся мужчина.

– Чего ты знаешь, эй, недалекость мою? – вытаращил глаза полицейский.

– Нет, знаю, что ты отвечаешь за деревню.

– Ну, очень хорошо, что ты это знаешь. Ты лучше меня знаешь, что сейчас повсюду – крадут скотину. А сам из-за пустяка время мое отнимаешь.

– Я тебя не задерживаю. Если спешишь, иди.

И без того выпущенные глаза полицейского почти вылезли из орбит.

– Вокруг пальца меня обводишь!.. Куда мне идти, не зная, что ты тут зарыл? Может, золотишко решил припрятать, а?

– Хватит меня смешить, – громко расхохотался подозреваемый. – Слава богу, сейчас демократия, деньги никто не прячет. Думаешь, я настолько глуп, что, получив целое состояние – целую телегу, – решил закопать его подальше от глаз? Ха-ха-ха, Гусейналы муаллим...

От злости лицо полицейского как-то странно скривилось. Он выставил свои пухлые пальцы перед лицом мужчины:

– Что ты этим хочешь сказать?! Может, я тупой?! Не пытайся меня обмануть! Предупреждаю, если не ответишь на мой вопрос, мне придется вызывать опергруппу! Но тогда будет слишком поздно. Не смогу тебе помочь при всем желании.

– Какая еще опергруппа, Гусейналы муаллим, зачем она тебе? Здесь ведь нечего решать... Оставь меня в покое, и дело с концом... Сделай вид, что ничего не видел. Не выставляй меня на посмешище.

Полицейский покачал головой, не сводя глаз с мужчины, и довольно улыбнулся.

– Теперь другую музичку заводишь... Помнишь, как в прошлом году из-за пяти паршивых овец извел меня всего? Ровно четыре раза ходил на прием к моему начальнику. Мне чуть погоны не сорвали. Ты без стыда и совести принялся заверять, что я знаю обо всех кражах в деревне.

– А разве знал? Я говорил просто так, наудачу.

– Ничего, ничего... Значит, до сих пор стоишь при своих словах, да? Вот теперь-то все узнают, кто прав, кто виноват... Узнают, братец, узнают, – достал он из-за пояса рацию. – Последний раз спрашиваю, что ты тут закопал?! Если не скажешь, будь проклят мой отец, переверну всё вверх дном. – Заметив ухмылку на губах подозреваемого, он разошелся пуще прежнего. – Эй, с тобой говорю, не веришь?!

– Почему ж не верить, верю. Только одного не разберу, как ты собираешься перевернуть все вверх дном, моей лопатой?

У полицейского нервно дернулись губы::

– Отставить шуточки!.. Какой же ты проныра, шутки шутишь в такой серьезной ситуации?

– Товарищ лейтенант, – сказал на полном серьезе мужчина. – Пожалуйста, следите за своими словами! Не теряйте субординации!

– Уму-разуму меня учишь?.. Давай-давай, учи... Но знай, что смеется тот, кто смеется последним. Как видно, последним будешь плакать ты. Виноват не я, братец, виноват ты. – Он нажал кнопку на радио. – Орел... Орел, ответь Беркуту!

На вызов ответили сразу, как будто только этого и ждали.

– Орел слушает!.. Орел слушает...

Мужчина быстро схватил полицейского за руку, державшую радио.

– Гусейналы муаллим, родной, к чему вся эта шумиха?

Эта мольба разошлась бальзамом по сердцу служителя властей.

– Эй, отпусти радио, отпусти... Ей-богу, уже поздно, надо вызывать оперативную группу... Ты что, оказываешь сопротивление офицеру полиции?! Ей-богу, это долго тебе обойдется.

– Какое еще сопротивление, Гусейналы муаллим? Я имею в виду...

Следующий звонок по радио заставил мужчину замолчать.

– Беркут, что с тобой случилось?!.. Ответь на вызов, Беркут!..

– Ну, что скажешь? – обратился к мужчине полицейский. – Даешь мне ответ или вызвать сюда группу, чтоб мало тебе не показалось?

– Меня даже кровопийцы армяне не смогли сломать, – сказал недовольно мужчина. – А какой-нибудь прохиндей тем более... Раз не можешь уладить вопрос лично со мной, воля твоя, зови, кого хочешь. Кроме Бога, никого не боюсь.

– Беркут!.. Беркут, ответь! – снова прошипела радиация.

Полицейский нервным движением повернул выключатель на радио.

– Дожил до этого возраста, но такого упретого, как ты, еще не встречал. – Он задумался и перешел на мягкий тон. – Родной мой, брат мой, раз ты закопал не пушку, не ружье, нечего ведь бояться. Скажи-ка...

– Откуда знаешь, – перебил его мужчина. – Может, и впрямь танк я закопал, БТР. – Увидев, что полицейский недобро на него смотрит, он стал сыпать соль на рану. – Сам знаешь, времена тяжелые, каждый делает все возможное, чтобы справиться с бедностью. Еще и двух лет не прошло, как я вернулся с фронта. Ты слыхал, наверное, я был командиром роты, имел большие возможности...

Полицейскому тоже пришлось изменить тактику.

– Ты настоящий мужчина, ей-богу! Ты мне по душе... Давай договоримся так, если из этой ямы вылезет танк или БТР, будь я проклят, если слова лишнего тебе скажу. Но если там что-то другое... То на меня не обижайся... Я упрячу тебя подальше.

– Ха-ха... – дернулись губы у подозреваемого. – Вот этого ты не сможешь, Гусейналы муаллим. Не проклинай себя на ровном месте.

– Почему ты бьешь себя в грудь? Может, за тобой стоит какая-нибудь шишка, а нам невдомек?

– Я сказал, что ты не сможешь. Потому что за то, что я закопал, никакая статья не полагается.

Полицейский понимал, что коса нашла на камень, и потому вольно-невольно терпел. Если б мог, он давно бы скрутил этого мужчину и столкнул в эту покрытую тайной яму, замарал бы кровью этот рот, смеющий перечить ему. Но у него не хватило бы сил, чтобы скрутить хотя б одну руку этого крепыша. Более того, он знал настырность этого человека, несколько лет воевавшего на передовой, когда в прошлом году украли овец. Мужчина не сдавался, пока ему не заплатили за пять тощих овец. Полицейскому выпал шанс расквитаться, но он опасался нагнетать ситуацию, вместе с тем его доводило до бешенства откровенное насмехательство подозреваемого.

– Интересно, очень интересно... Дорогой мой, раз эта штуковина не опасна, скажи, что это, и мы отстанем от тебя...

– Нельзя сказать.

– Аллаху Акбар!.. Какой же ты зануда.

Мужчина понимал, как мучается полицейский, который с прошлого года затаил на него обиду. Он хорошо знал: достаточно малейшей улики, чтобы полицейский набросился на него, как ядовитая змея. Тем не менее, он продолжил спокойно и уверенно:

– Что плохого в терпеливости? – он осторожно коснулся спины полицейского.

– Хорошо бы и тебе проявить такую сдержанность. Выходишь из себя по пустякам. Что скажут люди?

– Ты что, крутой, что ли? – исподлобья зыркнул на него полицейский. – Долго будешь меня вокруг пальца обводить?

Мужчина тоже наклонился, ткнул острым носом чуть ли не в глаза полицейскому и бросил тому прямо в лицо:

– Допустим, крутой, тебе-то что! – крикнул он. – И даже круче крутого, тебе-то что?! Ты можешь быть крутым, а я нет?!

– Ты мне это говоришь?

– Да, тебе, и хорошо делаю. А как крутые поступают, не так, что ли? Тут никого, кроме нас двоих, нет, клянусь могилой твоего бати...

– Не хорони загодя моего отца!

– Ай киши, значит, ты и вправду не знаешь, кто в этой деревне что вытворяет?..
Знаешь ведь...

– Да откуда мне знать... Хватит вешать на меня собак...

– Не путайся, Гусейналы муаллим. Ты знаешь их всех, как свои пять пальцев. Без твоего ведома ни одна собака не залает. Твой бессовестный начальник, порог которого я обивал в прошлом году, тоже в этом замешан... Мы не так уж глупы, знай... Вы сами разве не блатуete?!

– Знаешь, что за такие слова могут вытворить с тобой? – заплетающимся языком проговорил полицейский. Он попытался напустить страху. – Запрячут за решетку без суда и следствия.

– Опять пугаешь меня тюрьмой? На что, кроме этого, вы еще способны? От правого слова бежите, как ошпаренные.

– Хватит клеветать! – снова разошелся полицейский.

За деревенскими домами послышался тревожный вой сирены. Полицейский тут же включил радио. Его вызывали на связь.

– Беркут, Беркут, ответь Орлу!

– Орел, вас слышу!

– Почему ты так долго молчишь?! Устали тебя ждать... Где ты? Всё в порядке?

– Я возле железнодорожного переезда внизу деревни. Я поймал подозрительного жителя.

– Жди, едем.

Мужчина шевельнулся, желая что-то сказать. Полицейский быстро достал оружие, направил на него и приказал:

– Стоять смирно, не шевелиться!.. Ей-богу, пристрелю, как собаку! – затем он покачал головой и добавил полным фальшивого сожаления тоном. – Теперь и я беспылен тебе помочь. Сам виноват. Мне не хотелось доводить всё до этой точки.

– Ну, что я могу сказать, Гусейналы муаллим, будь здоров. Ей-богу, даже господин порой зависит от раба.

– Рабу не пристало распускать языки.

УАЗ, мчащийся на полной скорости вдоль сельских домов, затормозил прямо возле них. В ту же секунду сошли шестеро сотрудников полиции и взяли их в кольцо. Капитан с внушительным животом опустил кончиком пальца дуло, наведенное участковым на подозреваемого.

– Не подчиняется? – спросил капитан.

– Так и есть, товарищ капитан, – расстроенно ответил лейтенант.

– В чем дело, лейтенант? – спросил капитан и, не дожидаясь ответа, обратился к деревенскому жителю: – Значит, не слушаемся. Эхх, как же изменились люди... Как только закрываешь глаза, вытворяют несусветные вещи... Ну, колись, чё за фигня?

– Ничего, – ответил мужчина, не поднимая головы.

Полицейские переглянулись. Капитан усмехнулся:

– Хочешь сказать, что участковый вывел тебя из дома, привел сюда и направил на тебя пистолет, да?

Мужчина промолчал.

– Товарищ капитан, – не сдержался лейтенант, – видите, как он себя ведет? Битый час водит меня за нос, – лейтенант указал на яму. – Не хочет сказать что тут закопал.

– Здесь закопал? – капитан тоже нагнулся и заглянул в яму, но ничего не разобрал. – И что он тут зарыл? – обратился он к лейтенанту.

– Если бы он сказал, не говорит ведь... Знает только твердит «не могу сказать». Капитан проворчал.

– Боже мой!.. Как мы мучаемся! Что за участь?.. – внезапно у него ожесточилось лицо, и он обратился к мужчине: – Не говоришь?! И что нам теперь делать, а, что делать?!

– Не знаю, – так же сдержанно сказал мужчина. – Вам лучше знать....

Не в силах совладать с собой, капитан вцепился обеими руками за шиворот подозреваемого:

– Что это значит?! «Вам лучше знать». Тебе нравится шутки с нами шутить в этот поздний час?! Давай, говори, что зарыл?!

Мужчина выдернул ворот из хватки капитана.

– Извини, товарищ капитан, не могу сказать, – сказал он и улыбнулся будто назло.

– Он сумасшедший, ребята, – сказал лейтенант, обращаясь ко всем присутствующим.

Один из полицейских дал совет.

– Дадим ему лопату, пускай сам откопает, что закопал.

– Отлично, прекрасно! – обрадовался капитан. – Где лопата? Несите сюда!

Лейтенант быстро подобрал лопату и протянул мужчине. А тот даже краем глаза не взглянул.

– Не по мне эта работенка.

Лейтенант многозначительно взглянул на капитана, то есть, видишь, чего я напрелся от этого упротого прохиндея.

– Ты чего несешь? – снова взыграла кровь у капитана. – Как так? Ты будешь закапывать, а мы откапывать?

– А зачем вам выкапывать? Пускай лежит, где лежит. Если б оно того стоило, я сам выкопал бы.

Лейтенант снова не выдержал:

– Видите, товарищ капитан. В своем ли он уме?

– Ничего-ничего! Пускай пока кайфует. Он еще наберется у нас уму-разуму.

Но, снявши голову, по волосам не плачут.

– Да, товарищ капитан, – встярал лейтенант. – Другую песню заведет, упрашивать будет...

– Ну, это уж не по нашей части, – перебил его капитан. Сами выкопаем, – хлопнул он по плечу лейтенанта. – Давай, приступай, копай, – обратился он к младшему по чину.

Лицо у лейтенанта непонятно скривилось, он попробовал что-то сказать, но слова застряли в горле. Он неохотно спустился в яму и начал выбрасывать из нее по-датливую землю. После пяти-шести взмахов он почувствовал, как лопата вонзилась во что-то мягкое. Он отбросил лопату и продолжил работать руками. И тут... резко отпрянул в сторону. Капитан, заметивший в свете фар побледневшее лицо лейтенанта, невольно вздрогнул.

– Что случилось? Змея укусила? – спросил капитан.

– Мо-я руу-ка коо-снулась чегоо-то воолоо-сааа-тоо-го и мягг-кого, – сказал лейтенант запинающимся голосом.

– Волосатый... мягкий? – гневно повторил капитан и обращатился к посмеивающемуся подозреваемому: – Не скажешь, что это за волосатое?..

Хохот мужчины заставил капитана смолкнуть.

– Ха-ха-ха! Боже, не могу не смеяться. Какое вам дело, что я закопал? Мне надо перед вами отчитываться за закопанную собаку?

– Чего-чего? – одновременно проговорили трое-четверо полицейских.

– Днем дикие собаки напали и задушили моего пса, – продолжил мужчина. – Когда я подоспел, мой пес уже изыхал. Я подумал, может, удастся спасти. Взял его на руки и принес во двор. Но он не выжил. При свете дня хоронить его постеснялся – сами знаете, какие у нас жители, – так что решил хоронить ночью.

Кроме лейтенанта, все покатились со смеху.

– Да, – сказал, придя в себя, капитан, – говоришь, с тобой случилось то же, что и с собакой Алиага Вахида? Соседи и родичи придут дать утешение? – тут он резко перешел на официальный тон. – Стыд и срам, слушай, стыд и срам. Взрослый мужик, из-за дохлой собаки всех переполошил.

– Не я, а Беркут.

Все взглянули на лейтенанта, нервно покусывающего губы.

– Большой охоты Беркуту не светит, – не переставал шутить капитан.

Лейтенант не подал виду.

– Кому навредил Беркут? – он положил руку на плечо хозяина собаки. – Как можно оставить человека в беде...

Снова все расхохотались. Лейтенант украдкой покосился на хозяина собаки и тихо сказал:

– Мы с тобой потом разберемся.

Полицейские забрались в свои машины и вернулись тем же путем. Хозяин собаки снова взял в руки лопату и начал закапывать яму в лунном свете. Он так привык к этому псу, что чувствовал в сердце мучительную пустоту. Сможет ли он найти нового друга, удастся ли новому псу заменить эту смышеную дворнягу, которую он подобрал задолго до начала войны? Только об этом он и думал, продолжая работать лопатой.

МИРМЕХТИ АГАОГЛУ

R A C C A Z Y

Перевод Ниджата МАМЕДОВА

85-й день

*Аллах увеличивает или ограничивает удел
тому из Своих рабов, кому пожелает.
Сура «Паук», аят 62*

Их было двое. Тяжело дыша, они взирались на гору, останавливаясь передохнуть время от времени. Один переживал за другого: оглядывался то назад, то вперед, то вправо, то влево. Их тонкие продолговатые тени покачивались в лунном свете, как молодые пальмы на ветру. Тени пропали за скалами, чуть спустя показались вновь. С каждым шагом наверх всё отчетливей проглядывали их лица. Они дошли до скалы, напоминающей вытянутую драконью шею, неспешно повернули и растворились во мраке пещеры.

– Сантьяго, оставь ты это дело, – Манолин потер жвалами. – Все знают, что добычи там не водится. Там и дохлого комара в твои сети не попадется. Знай.

– Я сплету там свою паутину. Если суждено Богом, Он пошлет мне добычу и у входа в пещеру. А если Им не суждено, то...

Старый Сантьяго не договорил, выпрямился, осмотрелся, напрягая тельце, и ушел, не прощаясь с Манолином.

В свое время паука Сантьяго знали на горе Севр как умелого охотника. Он никогда не возвращался с пустыми руками. Самая крупная и вкусная добыча всегда доставалась ему. Стоило ему сплести сети, как в нее попадались комары, мухи, шмели, пчелы, бабочки, сверчки. Все пауки с горы Севр завидовали ему. Родители отправляли своих чад к нему за усвоением навыков. Стоило Сантьяго поймать добычу, как он становился объектом внимания всех пауков с горы Севр, и особенно самок.

Но славные деньки остались позади. Годы состарили паука, чем больше становилось зарубцевавшихся ран на теле, тем больше неудачных дней. Вдобавок он совсем устал от жизни. Выглядел обессиленным, глубокие морщины покрывали шею. Коричневатого цвета щеки пошли пятнами. Пятна шли вдоль щек и доходили до самой груди. Каждый раз, сражаясь с угодившей в сети добычей, выпуская в нее свой яд, он получал раны в челюсть, жвала, лапки, все тело усеяли шрамы. Эти старые боевые раны напоминали покрытые трещинами безводные пустыни вокруг горы Севр.

В последний раз он ровно 84 дня сплетал сеть то тут, то там на горе, выжидал добычу, но не смог поймать даже блохи. Хорошо хоть рядом был этот молодой пронырливый Манолин. Без него Сантьяго давно бы помер с голода. Молодой паук очень привязался к Сантьяго. Тот учил тогда еще маленького, почти прозрачного Манолина закидывать, крепить сеть, выжидать, управлять паутиной задними лапками, определять направление ветра. Сеть Манолина выходила белой, как дым, легкой и непрочной. Однажды Сантьяго сравнил паутину Манолина с голубиным пером, но, подумав, добавил: «Нет, твоя сеть нежнее даже голубиного пуха. Достаточно легкого дуновения ветерка, человеческого дыхания, чтобы порвать ее».

Со временем Манолин перенял от учителя тайны плетения паутины. Теперь на горе Севр все признавали его умелым охотником. Недавно в сети Манолина попался сверчок. Он рассказывал об этом чуть ли не в сотый раз: «...Вдруг паутина сильно качнулась. Поначалу мне показалось, подул сильный самум и порвал один конец сети. Но тут я увидел, что прямо посреди сети баражается крупный сверчок, взволнованно трепеща длинными крыльышками. Бояться не стоило. Я тут же начал латать пробоину, не то никак не подобрался бы к добыче. Достаточно взмаха его крыльышка, чтобы я покатился кубарем. Тут сверчок попытался ударить меня лапкой, я успел уклониться, и эта секира пролетела над моей головой. Я улучил момент и кинулся ему на спину, вонзил жвала в хитин и выпустил весь свой яд...»

Сантьяго покатывался от хохота, едва заслышав этот рассказ своего ученика. Отсмеявшись, он выпрямлялся и чесал брюхо, потирал передними лапками. Вспоминал молодость.

Все на горе знали, что Манолин перенял это умение от старого паука.

Но настали времена, когда прославленный охотник стал возвращаться с пустыми руками и подавленным. Он сплетал паутину на самых разных горных участках, весьма обильных на добычу. Как так: даже неумехам удавалось сытно поесть, а он возвращался, не солено хлебавши? Да и ученик стал опережать учителя. Вот почему над ним смеялись все горные пауки. Все считали, что Сантьяго постарел.

Но Сантьяго не собирался сдаваться. Пусть, пусть не 84 дня, а все 184! На сей раз он отправится в самое пустынное место – он сплетет сеть у входа в пещеру. Бог, посылающий удел, пошлет его и там. Именно!

Манолин поначалу хотел пойти с ним, но стариk не согласился. Все эти дни Сантьяго кормился добычей, которую приносил молодой паук. Он больше не мог и не хотел кормиться за чужой счет.

Дойдя до входа в пещеру, стариk не поверил глазам; у входа свили гнездо два голубя. Испугался. Захотел повернуть обратно. Он – легкая добыча для их твердых клювов. Но, помня о насмешках сородичей, передумал. Незаметно пробрался вдоль гнезда и нашел подходящее место на верхней части входа. До рассвета оставалось мало. Скоро жуки выберутся из норок в поисках пищи. Следовало спешить. Паук приподнял тельце, пробуя поймать направление ветра, и обошел камни, к которым собирался прикрепить свою сеть. Подогнул брюшко и прилепил нить к камню, затем посмотрел вниз, раскрыл передние лапки и ринулся вниз.

...Стариk поднял голову и изумился от увиденного. Он сплел гигантскую сеть, полностью закрывшую вход в пещеру. Он так ушел в дело, что работал не переставая, и в итоге вышла такая вот огромная паутина. Глядя со стороны на дело своих рук Сантьяго подумал: «Жаль, Манолин не пошел со мной, он изумился бы, увидев мою работу, мою паутину».

Паук проверил лапкой натяжение: «Прочная, даже человека может поймать».

Стариk прошел в центр паутины, сделал еще один круг, проверяя всё в последний раз, укрепил то тут, то там пару нитей, добавил дополнительных нитей в центр. Вот и всё! Паутина готова. Теперь Сантьяго не отйдет ни на шаг, выжидая, если придется, целыми днями.

Стариk спустился и спрятался в щели между камнями. Его не заметят и голуби. Отчего-то всё это время голуби ни разу не посмотрели в его сторону. «Это хорошо, это к добру», – прошептал он.

Он внимательно ловил каждую, даже крохотную вибрацию сигнальной нити. Покамест рядом с паутиной не пролетело ни мухи, ни жука. Кругом царили странное безмолвие, покой. Если бы голубиное воркование, можно было бы подумать, что на всем белом свете нет никого, кроме Сантьяго.

На склоне холма показалась группа всадников. Их голоса доносились до самой возвышенности, но разобрать слов не получалось. Было утро, всадников можно было увидеть издали. Один из них спешился, нагнулся и прошелся ладонью по земле, затем посмотрел наверх и указал на пещеру.

Всадники поскакали наверх, к пещере, и тут старый паук переполошился. По всей видимости, они хотели войти в пещеру. Но тогда ведь порвется паутина. Ему снова не везло? Он столько трудился, а тут... Эх!

Всадники доскакали до пещеры и спешились.
Голуби в страхе курлыкали.

– Что такое? Вход в пещеру затянут паутиной? – сказал тот, у кого на голове возвышался черный тюрбан.

– Да и голуби свили тут гнездо, вот и яйца, – сказал конный.

– Ты же говорил, что следы ведут в пещеру? – сказал первый.

– Ведут. Мое чутье не обманывает меня, – сказал низкорослый, черный, как уголь, худой мужчина.

Мужчина с тюрбаном вышел из себя:

– Не видишь эту паутину? Если они вошли сюда, то за это короткое время не было бы ни паутины, ни гнезда.

– Я же проверил, следы свежие. Я старый следопыт, чутье никогда меня не обманывало. Тут что-то не так, – голос второго выдавал смущение.

– Всё так. Они провели нас, чтобы мы искали их здесь, в пещере, а сами в другом месте, – сказал конный.

– Следы свежие, значит, они где-то поблизости. Пусть кто-то взберется на вершину. Мы должны выйти на путь, ведущий к Медине, и догнать их. Они недалеко. – Человек в черном тюрбане почти вплотную подошел ко входу в пещеру, но смотреть внутрь не стал, обернулся и проорал: – По коням!

Тут что-то плюхнулось ему на шею. Он вздрогнул и шлепнул рукой по шее: «Черт возьми!!! Что еще такое?!» Затем посмотрел, что же у него в руке. В крепко сжатой ладони человека в тюрбане извивалась крупная ящерица, на голове и возле рта которой выступала кровь. Мужчина крепче сжал ладонь и швырнул ящерицу в сторону входа.

– Проклятье! – чертыхнулся он, вложил ступню в стремя и в мгновение ока сел на коня.

Паутина сильно качнулась. Нити почти срывались. Сантьяго не стал дожидаться того, чтобы всадники ускакали подальше. Он тут же вышел из укрытия, приблизился к добыче, выжидал момента.

Зеленоватая огромная ящерица сучила лапками, билась, стараясь выбраться из липкой сети, размахивала хвостом, как мечом. Сантьяго пока не решался приблизиться, но попусту не стоял. Он обходил сеть и латал пробоины. А ящерица билась, стараясь прорвать паутину хвостом и коготками. Старый паук заработал быстрее, поднялся вверх, спрыгнул на спину ящерицы и вонзил жвалы в спину ослабевшей добычи. По мере того, как яд разливался по телу ящерицы, паука обволакивал похожий на слабость покой.

Всадники в мгновение ока спустились с горы. Остановившись на склоне, они о чем-то говорили. К ним присоединился и тот, кто высматривал беглецов с вершины. О чем-то переговорив, они поскакали в северном направлении. А черный, как уголь, мужчина сделал несколько кругов, смотря в сторону пещеры, наконец повернул коня и помчался к остальным.

Ящерица перестала биться. Отравив ее, паук соскочил с ее спины, не отводя взгляда. Он приблизился и пару раз потрогал ее жвалами, начал обходить кругами. Да, крупная добыча. Ему ни разу не выпадала такая. Значит, о нем еще долго будут говорить на горе Севр. Манолин обрадуется: «85 – счастливое число!» Был бы тот сейчас рядом, помог бы.

Сантъяго зацепился за сеть задними лапками, так и повис. Он устал. Хотелось передохнуть. «Я же говорил, раз Бог даст – даст везде!» – думал он, победивший воин, и тут заметил какую-то тень. Внимательней посмотрел.

Мужчина в глубине пещеры, сев на колени и воздев руки, тихо читал молитву:

«Ихдина ссыроаталь-мустакым, сырватол-лязйина ан'амта 'аляйхим, гайриль-магдуби 'аляйхим уа ляд-долин. Амин». (Веди нас прямым путем, путем тех, кого Ты облагодетельствовал, не тех, на кого пал гнев, и не заблудших. Аминь. Сура Аль Фатиха.)

Гора Севр находится в пяти километрах к югу от Мекки. Эта гора состоит из множества вершин, и здесь имеется много больших и маленьких пещер. В приведенном аяте речь идет как раз об одной из этих пещер, в которой прятался Посланник Аллаха (мир ему и благословение Всевышнего!). А рядом с ним в это время находился только один его друг, который испытывал сильное беспокойство из-за того, что враги могли их догнать и обнаружить.

Ноев плотник

- Тише, тише, – крикнул вдруг сын.
- Что стряслось? – спросил Одноглазый Мемесо, отправляя в рот последний кусочек с тарелки.
- Не слышите? – встрепенулся Элемай.
- Сбрендил, что ли? Элемай? Чего мы не слышим? – сказал отец, потирая руками.
- Мама, тише, – обратился он к матери, которая помешивала еду в кастрюле.
- Мать прервала работу и взглянула на него. Сестра убрала руки со стола, выжидая, что еще скажет брат.
- Не слышите разве? Там вдали грохочет небо. Кажется, подошло время, о котором говорил Ной. – Великий Потоп.
- Ной и тебя обдурил. Ну и пусть грохочет, –sarcastично сказал Одноглазый.
- Нет, на этот раз грохочет иначе. Приближается время, о котором говорил Ной. Он говорил, скоро будет шторм – Великий Потоп.
- Хватит чушь нести. Ты пугаешь и мать, и сестру. Им боязно. Ты быстро подпадаешь под чужое влияние. Я долгие годы работал у Ноя, строил его проклятый ковчег. Но никогда не верил в его Бога, а ты, пару раз услышав его проповеди, тут же отринул наших богов. Нечестивец, ступай в сарай, накорми скотину.
- Я уже накормила, – отозвалась мать, – еле-еле завела их в сарай, они, знай, мычали и блеяли.

– Я не иду путем Ноя. Просто знаю, что он говорит правду. – Элемай не собирался уступать.

– Этот Ной и накликал на нас беду, – раздраженно сказал отец.

– В чем он виноват?

– Не говори так, Ной ничего плохого нам не сделал. Ты столько лет работал у него, каждый месяц он исправно платил тебе, – поддержала мать сына.

– А ты молчи! Ты много не знаешь. Если бы не я, Ною не удалось бы поднять ни одного бревна на постройку ковчега. А теперь из-за него я не могу найти древесины. Вокруг не осталось ни дерева, ни пня. А клиенты ждут работы. Вся древесина ушла на ковчег. Тоже мне: начнется шторм, мир погибнет в потопе.

– Хватит ругать Ноя. Ты сам, работая у него, рассказывал нам о его чудесах. Как быстро забыл? – молвила жена.

– Я не отрицаю, что он чудотворец. И даже больше, чем мы предполагаем. Но еще и большой на голову. Скоро, совсем скоро он перед всеми опозорится.

– Отец, животные стекаются к его кораблю. Что ты на это скажешь? – обернулся к отцу Элемай, стоявший все это время у окна.

– Я ведь сказал, он чудотворец. Но это не значит, что мы должны отказываться от своих богов и присягнуть его единому Богу. Судите сами. Дочка, дай мне хворост.

Хеежа, всё это время сидевшая за столом и следившая за разговором, взяла из кучи у очага хворостинку и протянула отцу.

– Глядите, дочка, и ты смотри. Вот Бог Ноя. Дочка, дай мне еще штук пять.

Дочка встала. Взяла из кучи охапку хвороста и протянула отцу. Мемесо взял у дочери охапку и крепко скжалил в ладони:

– Глядите, эта охапка – наши боги. А теперь скажите, кто сильнее: одна-единственная хворостинка или целая охапка?

– Не то ты говоришь, отец. Мы тоже должны взять призыву Ноя и сесть на корабль. В этом путь спасения, иначе мы погибнем со всеми, кто останется за бортом, – сказал Элемай, взволнованно жестикулируя.

– Молчать, щенок. Я навидался таких лжепророков. Помню, был мал, ходил подмастерьем у своего отца, учился плотницкому делу. Тогда я еще не потерял глаз. В ту пору на юге объявился один пророк. Он обещал своим последователям рай. Мы, мальчишки, бегали за ним, издевались, бросали камни, ругали. И что в итоге? Однажды ночью он напоил ядом всех своих сторонников, а потом выпил и сам. Или же пророк Сум, который вместе с последователями бросился в пропасть. Это ведь недавняя история. В год рождения Хеежи случилось.

– Поверь ты одному из тех пророков, не потерял бы глаз, – вставила жена.

– Напрасно ты ставишь Ноя с ними в один ряд, – не переставал спорить Элемай. – Ной – взаправдашний пророк. Разве животные, стекающиеся к его кораблю, не есть свидетельство того, что он избран? Там есть животные, которых мы ни разу не видали. Даже не знаем, как они называются. Они пришли из дальних стран, с запада, востока. Что ты скажешь обо всех этих животных, птицах, змеях, ящерицах, насекомых?

– Отец, отец, знаешь, почему брат заступается за Ноя? – наконец-то сказала Хееже. Ей шел восьмой год, но она была смешленой девочкой.

– Почему? – спросил Одноглазый Мемесо.

– Брат влюблен...

– Молчи, Хеежа, иди вымой посуду, – подняла руку мать, будто готовясь шлепнуть дочь по губам.

– Сестра...

– Отстаньте от нее. Давай, дочка, говори.

– Брат влюблен в дочь Ноя. Я сама видела, как они обнимались. Помнишь, я приходила к тебе с едой...

– Вон из дому, ябеда, – схватила мать хворостину.
В этот момент совсем рядом, над крышей снова загрохотало.
– Это мычание и вой животных с корабля. Мерзавец, зачем тебе все эти твари?
– сказал вполголоса Мемесо. Не успел он договорить, как загрохотало еще раз. От страха Хеежа подбежала к матери. Элемай выглянул в окно.

Неожиданно нависла тишина. Словно вся земля опустела, не осталось ни одного живого существа. Никто не дышал, ни у кого не билось сердце. Землю окутalo безмолвие, как в первый день творения.

Туп... туп-туруп... Туп...

– Началось, – сказал опечаленно сын.

– Что началось? – спросил Мемесо.

– Великий Потоп.

– Не глупи.

– Не слышите? Дождь...

Тупп... туруп... туп. Капли стучали по крыше дома, нагоняя ужас. Будто шел вовсе не дождь, а град из камней.

– Да, дождь. Обычный дождь. Такой же дождь, как всегда, дар небес... Ну, хватит, займитесь делом. А ты, парень, ступай за мной. Жена, нас не ждите, ложитесь спать, мы придем поздно.

Отец с сыном почти вышли за черту города, ступить становилось всё тяжелее. Дождь лил, как из ведра. Вся одежда промокла до ниточки, ноги увязали в грязи. Промокшая одежда отяжелела, мешала идти. Надо было подобрать подол, чтобы хоть как-то передвигаться.

Земля иногда пузырилась и лопалась, из этого лопнувшего пузыря била фонтаном вода. Что это? Одноглазый Мемесо ни разу не видел такого ливня. Этот дождь лил не только с неба, но и бил из земли.

Подобравшись к ковчегу Ноя, они нашли укромное местечко и спрятались. Сын не переставал задавать вопросы, пытался понять план отца. Но его вопросы оставались безответными.

Царил густой, как смола, мрак. Ничего не разобрать, кроме тусклого огня факелов по бокам ковчега. В свете молний показывался на миг ковчег, огромный, как дракон. Ной стоял у огромных ворот ковчега и отдавал приказы, поторопливая людей и животных. В небе, не переставая горланить, летали разные птицы. Стоял нагоняющий ужас вселенский шум и гам, в котором сливались рев животных и людской крик.

Группа людей перегораживала путь желающим спастись на ковчеге, отговаривала их, а когда уговоры оставались бессильны, пускала в ход кулаки, забрасывала ковчег камнями.

Сестра говорила правду. Элемай был влюблен в младшую дочь Ноя. Юноше приходилось скрывать от отца свою любовь. Мемесо знал Ноя как хорошего человека, но он никогда не отринул бы своих богов, присягая вере Ноя. Вот почему Элемай боялся. В противном случае, он сейчас находился бы на ковчеге, рядом с возлюбленной.

– Послушай-ка, – толкнул локтем задумавшегося сына Мемесо.

– Почему мы здесь?

– Свататься пришли. Дурень! Сам видишь, я не могу работать, древесина вся вышла, – тонули в шуме его слова. Мемесо приставил рот к уху сына и проревел: – Тебе заново всё надо объяснять? Мы с Ноем вырубили весь лес ради этого ковчега. Поблизости не осталось ни одного деревца. Нам нужен осел, чтобы таскать древесину из удаленных лесов.

- И что теперь делать?
- Ной взял каждой твари по паре, чтобы они плодились после потопа. Значит, там есть и осел. Надо пробраться на ковчег и украсть одного.
- Но ведь там их всего пара. Как они расплодятся, если мы украдем одного?
- А вот это уже не наше дело. Раз Бог Ноя всесилен, он создаст еще.
- Отец, мы поступаем неправильно. Ведь Ной...
- Заткнись, Ной совсем сдурел. А ты ему веришь.
- Ной...
- Молчать! Послушай. У меня уже горло болит. Ной тебя знает. Надо спешить. Встань в ряд беглецов. Ной посчитает, что ты тоже обратился в его веру.
- Я не могу обманывать Ноя.
- Послушай. Ной примет тебя в свой ковчег. Держи вот это, – Одноглазый Мемесо протянул сыну канат, который взял с собой. – Как только войдешь в ковчег, найди стойло с ослами. Выведи ослика на палубу, обвязи канатом и спусти, я подхвачу отсюда.
- Отец, я не могу этого сделать.
- Сможешь. Я подхвачу ослика. Потом сам спустишься по канату.
- Я не могу этого сделать, отец. Мы не послушались Ноя, но хоть вредить-то ему не станем. Этого не простят даже наши боги.
- Наши боги, Бог Ноя... А как прикажешь кормить семью? Наши боги посыпают нам пропитание? Мать твоя снова беременна. Кто ее накормит?! А я как буду работать?! Вот увидишь, эти ливни снесут крыши многих домов, понадобятся новые кровли. Стекутся клиенты. Ты станешь таскать на телеге древесину из леса, а я их обстругаю. А потом купим еще одного осла. А если захочешь, то и Ноеву дочь ... – осекся Одноглазый Мемесо.
- Отец, потоп...
- Какой еще потоп, это дождь, самый обычный.
- Тут из-под ног Одноглазого Мемесо ударила фонтаном вода, грязь залила ему всё лицо, закрыв и один оставшийся глаз.
- Разве это дождь? – расхохотался сын.
- Да, ты прав, – поднял голову Мемесо, умываясь под небесными струями. – Честно говоря, я ни разу не видел такого ливня. Ничего, мы еще узнаем, как провел нас этот обманщик. Или же после ливня наши жрецы поведают всем, в чем тут дело. Видать, надо было вовремя покончить с Ноем, вот боги наши и разгневались.
- В этот момент послышался громкий скрип. Закрывались огромные ворота ковчега.
- Элемай, поторапливайся! Ворота закрываются.
- Нет, отец, я не могу этого сделать. Надо привести сюда мать и сестру, укромится все в ковчеге.
- Не дури!
- Я попрошу Ноя подождать. А ты беги за матерью и сестрой.
- Только этого не хватало: возвращаться, не солено хлебавши. Люди нас освистают. Скажут, какой же глупец этот Одноглазый Мемесо.
- Нет, отец, Ной говорит, потоп уничтожит всех оставшихся за бортом ковчега. Выживут только присягнувшие единому Богу, уверовавшие. Давай заберемся в ковчег.
- Быстро, беги на корабль и забери осла!
- Нет, отец!
- Щенок, делай, что говорю, – схватил сына за грудки Одноглазый Мемесо. – Будешь делать, что я сказал! – ударил он сына концом каната.
- Не буду, хоть убей. Мы и так погибнем, вода уже по колено.
- И вправду, вода прибывала, доходя до колен. В эту минуту со скрипом полностью закрылись двери ковчега.

- Вот и всё, – сказал удрученно сын.
- Вставай, шельмец, топай за мной.

Одноглазый Мемесо размахнул канатом. Железный крюк не закреплялся на борту и падал стремглав вниз, как орел на добычу. Наконец-то ему удалось. Мемесо потянул пару раз, проверяя, прочно ли тот закрепился. Оказалось, прочно.

– Слушай сюда, я забираюсь на борт. Жди меня тут. Я найду осла, обвязжу канатом и спущу тебе. Сразу развязки. Следом спущусь я сам. Будь внимателен, никому на глаза не показывайся. Понял?!

- Понял, – сказал угрюмо сын.

Они стояли у кормы. Корма по сравнению с носовой частью была очень высокой. Вдруг Одноглазый Мемесо вспомнил, как Ной говорил, что разместит на корме стойло с травоядными.

Мемесо стал подниматься по канату, ему мешала отяжелевшая от ливня одежда. Да и канат весь промок. Скользили руки. Хорошо, что при постройке они не стали стругать все доски, теперь можно было опираться ногами на все эти выступы. Мемесо прислонился к борту перевести дух. Изнутри доносился рев, в котором не получалось разобрать отдельных голосов. Он оглянулся вниз. Сын, как призрак, на мгновение показывался и исчезал в свете молний. Элемай забрался на большую скалу, чтобы не утонуть. Мемесо продолжал подниматься. Почти выбившись из сил, добрался до поручней. Закинул левую руку, собрался закинуть правую, поднял плечи и... И тут случился сильный толчок. Мемесо кубарем покатился на палубу...

Очнувшись, Мемесо ощущал тупую боль в голове. Потянулся рукой к ушибу. Голова была в крови. Он посмотрел вверх. Всё еще лил дождь. Тучи заволокли небо. Мемесо хотел встать, но потерял равновесие из-за качки. Кое-как встал и, держась за поручни, пошел к палубе. Палуба пустовала. Мычание коров, лошадиное ржание, вороний грай и голоса многих других не знакомых ему животных терзали слух, оглушая и без того затуманенную голову.

Нетвердым шагом он поднялся на палубу. Кругом раскинулась синь. Ковчег покачивался, как лялька на волнах. Капли дождя пронзали иглами поверхность этой сини. За бортом в воде плотным ковром плавали тела животных, стариков, женщин и детей, обломки снесенных домов. Мемесо осел, обхватил колени и разрыдался. Ной говорил правду: сын, жена, дочь... их больше нет...

Вдруг он ощутил теплое прикосновение к ране на голове. Его охватила радость, в мгновение ока растворились холод и ужас, охватившие всё его существо. Ему показалось, что всё это сон, а теперь он проснулся и находится у себя дома. Жена обнимает и гладит его по голове. Он улыбнулся и поднял голову: промокший под дождем черный ослик зализывал рану Мемесо.

Японский карп

Она показала мне кисти рук за девять дней до того, как случилось это событие.

Она завернула, как фокусник, рукава футболки, на которой красным принтом была изображена улыбающаяся девушка, и улыбнулась точь-в-точь, как эта девушка с принта.

Это была настоящая чешуя. Ее руки от запястий до самых локтей полностью покрывала красная рыбья чешуя. Это напоминало плавающих в бассейне красных японских карпов.

– Можешь потрогать, не бойся, – тихо сказала она.

Я не решился. Я ни разу не видел такого. Я испытывал легкую брезгливость, хотя старался не подавать вида. Боялся заразиться.

– Не бойся, – настояла она, – прикоснись. У нас на работе все пробуют, тем толстым женщинам кажется, что мне ниспослан дар. Честно говоря, я в такое не верю. Всё это чепуха. Сам знаешь.

Я протянул указательный палец и осторожно провел им по чешуйкам. Поверхность кожи напоминала вышивку блестками, покрылась пупырышками будто от удара крапивой. У меня возникло ощущение, что я и вправду прикасаюсь к крупному нахыванскому сазану. Редкие волосинки между красными пупырышками напоминали зеленые травинки на горных склонах. Внутренняя сторона рук была более темной, в некоторых частях тянулись черные полосы. Этот несмываемый водой с мылом след оставила сковородка.

– Обожгла сковородка. Не обращай внимания, мне не больно. А что мне еще надо? Наконец, моя мечта осуществилась.

Мы беседовали какое-то время. В основном она рассказывала о разных достойных внимания ситуациях на работе, а еще сплетничала о соседях.

Азер снова поссорился со своей невестой. Мы к этому уже привыкли: в начале каждого месяца он ссорился со своей невестой, которая работала в салоне красоты в нашем дворе. Их размолвка была целым представлением. Девушка выходила из салона и бросала кольцо в лицо Азера, а спустя два дня Азер бродил вокруг да около, как побитая дворняжка...

Отличное шоу, и это еще цветочки, а какие будут ягодки после того как они поженятся!

Затем она стала перемывать косточки Экрему – соседу по площадке. Вчера его жена закатила скандал, ее крик слышался на том конце двора.

Экрем гулял с одной девушкой с верхнего квартала, гораздо моложе себя. Девушка часто появлялась во дворе, заходила к подругам, играла с маленьким сыном Экрема, который только-только начал ходить. Говорят, этим-то и воспользовался Экрем и завязал с ней отношения.

Когда она увлеченно собиралась перейти к следующей сплетне, я ее перебил.

– Отец звонил?

Она промолчала. Я тоже молчал, ожидая, чтоб она сама завела речь.

Ее отец сидел в тюрьме в России. Его посадили за наркоторговлю. Раньше каждый месяц он высыпал семье деньги. После ареста он перестал высыпать деньги, но иногда звонил, узнавал, как дела. Сначала старшая сестра, а потом и сама она бросили школу. Сестра работала продавщицей в продуктовом магазине, отправляясь рано утром, возвращалась часов в десять-одиннадцать ночи. А сама она устроилась работать в кондитерскую, готовила ракат-лукум. Готовила сладости, но приходилось ей на работе совсем несладко. Весь день проводила в пекле, по ее словам, невыносимей всего было летом, когда приходилось стоять у печи. Все руки обожгла, ведь приходилось ставить и доставать из печи раскаленные сковородки с ракат-лукумом. Казалось, эти черные следы от раскаленных сковородок, на самом деле запечатленные на ее плоти, – знаки судьбы.

Когда она показала мне красные блестки на коже, я подумал, что это следы от ожогов.

– Нет. Почему он не звонит, как думаешь? С ним ничего плохого не сделают в тюрьме? Ты ведь мужчина, знаешь, какие там опасности.

– Я надзиратель?

– Что?

– Да ничего. Наверно, у него пока нет возможности позвонить. Всё-таки чужая страна. Не волнуйся, ничего страшного не случится.

– За все эти годы ничего похожего не случалось. Мама говорит, если не позвонит и на этой неделе, выйду на передачу «Жди меня».

Я не понял, в шутку она говорит или всерьез. РастиТЬ трех дочерей непросто. Их мать почти сходила с ума от тоски по мужу, от нехватки денег. Все во дворе знали, но не подавали вида. А старшая сестра – красавица и модница – думала лишь о себе, тратила весь небольшой заработок на откровенные наряды, чтобы нравиться парням. Именно поэтому вечером во дворе выстраивалась целая армия желающих сойтись с ней.

А когда возвращалась моя собеседница, во дворе ошивались только собаки. Иногда ее встречал я.

Не получалось поверить, что они от одной матери – столь не похожи были они со старшей сестрой. И лицом, и одеждой они отличались друг от друга. Моя собеседница не обращала особого внимания на свой внешний вид. Почти весь груз семьи ложился на ее плечи, весь ее заработок уходил на мать и сестру, а старшая заботилась о себе сама.

Мы помолчали. На сей раз я прошелся по ее руке уверенней. Мы оба посмотрели на темно-красный шрам, оставленный моими пальцами. Увидев, что я больше не презгую, она улыбнулась.

– Может, это от жара в пекарне? Сопрело, нет?

– Нет.

– Скажи шефу, чтобы позаботился о твоем лечении. Это считается производственной травмой.

– Чтоб ему провалиться. Он даже выплачивает неисправно, – рассмеялась она, – два месяца как зарплаты нет.

Я знал, что она отдыхает со мной от работы, потому не стал углубляться.

Моя рука продолжала охранять «ее украшения».

– Вот бы эти чешуйки оказались настоящими золотыми монетами... Мы бы могли тратить вдоволь, разбогатели бы, – сказал я, продолжая гладить ее по руке.

– Нет-нет, не говори так. Я превращусь в рыбку, маленькую золотую рыбку. Потом уплыву в моря, примусь танцевать среди водорослей в глубинах Хазара.

– Ты целый деньостояла у печи?

– А что?

– У тебя мозги расплавились от жара.

– Перестань, – обиженно сказала она, отняв руку. – Пусть чешуя покроет всё мое тело, сам увидишь, я уплыву вдаль.

– Не надо никуда упывать, надо, чтобы эти чешуйки превратились в золотые монеты. Потратишь на семью, вызволишь отца из тюрьмы и мне чуток дашь, дело себе найду. Надоело болтаться попусту.

Меня нисколько не беспокоило, что наша беседа принимает фантасмагорические черты, раз она хотела сказку, пусть будет сказка.

– Давай договоримся. Я превращусь в рыбку, соберу для тебя жемчужины со дна Хазара и дам их тебе, когда ты придешь на бульвар проведать меня, ты их прошашь и разбогатеешь.

– В Хазаре жемчуг не водится.

– Ммм... – задумалась она. – Достану тебе сокровищ с затонувших кораблей.

– Вилами на воде писано... Вряд ли, – сказал я, напуская на себя обиженный вид. – Лучше синица в руках, чем журавль в небе. Достаточно, чтоб эти красные блестки на твоих руках превратились в монеты.

– Нет. Обжегшись на молоке – на воду дуют. У меня тоже есть мечты! Жду того дня, когда чешуйки покроют меня всю. Превращусь в рыбку и стану плавать в морях.

Она сомкнула ладони над головой и маняще покачала туловищем. Я испугался, что вот-вот, прямо сейчас она уплывет восвояси.

– Эх, – только и смог я сказать, услышав об этой детской мечте, и этим «эх» подчеркнул, что сказка подошла к концу.

Эфсане выросла у меня на глазах. В детстве она была угловатой, некрасивой девочкой. В ту пору никто не обращал на Эфсане внимания. Да и сейчас немногие обращали. Никто не заметил, как она подросла, когда расцвела, не переставая готовить рахат-лукум у огромной печи и отправляясь по заданному маршруту «работа – дом».

Несмотря на разницу в возрасте, мы ладили. Порой мне казалось, что я понимаю ее страдания лучше, чем сама она, не говоря уже о семье. Поэтому она, несмотря на свой небольшой рост, виделась мне вылитым из тяжелого труда огромным памятником.

Мы и до этого не раз говорили на странные темы, но о ее желании превратиться в рыбу я слышал впервые.

Я не видел ее девять дней. Я знал, когда она возвращается с работы, она в этот час сходила с автобуса, и мы встречались у нашего дома. Нет-нет, с того самого дня мы всё-таки виделись один раз. Я спросил, как у нее с руками. Она сказала, что краснота дошла до плеч. Да и на животе появилась красная сыпь. Оглянулась по сторонам, убедилась, что никто не видит, и задрала футболку. Вокруг пупка красовались бесчисленные блестки, словно планеты вокруг солнца. Я протянул руку и погладил тыльной стороной ладони нежные, мелкие блестки.

– Что ты делаешь? Увидят ведь, – прошептала она, опустив подол футболки. И тут же сменила тему, сказала, что отец еще не звонил.

– Мама выйдет на передачу «Жди меня»? Решились?

– Пускай пройдет и эта неделя.

По ее тону я понял, что они приняли окончательное решение.

Продолжая беседовать, мы дошли до дерева, под кронами которого всегда стояли. Обычно отсюда она шла домой одна. Поинтересовалась, нашел я работу или нет.

– Я подал CV в одну аудиторскую фирму.

– Ну и, берут? Что сказали?

– Сказали, сами позвоним.

– Как всегда. Что делать будешь?

– Ждать.

В тот самый день мы закончили беседу на этих словах.

Я тихо постучался в их дверь, еле различимую во мраке. Сначала за дверью послышались шаги. Через несколько секунд включился плафон над моей головой, а под конец открылась и дверь. Мать Эфсане была одета во всегдашний цветастый халат-безрукавку.

– Я беспокоюсь об Эфсане. Вернулась с работы?

– Эфсане больше не работает.

Эти слова в вечерней духоте показались мне льдинками.

– Ушла? Я не замечал ее во дворе.

– Разве она не говорила? – опять льдинки в голосе. Она обернулась и посмотрела в глубь квартиры. Будто кого-то или что-то там оставила. Я знал, что – телевизор. Наверно, я оторвал ее от любимого сериала.

– Чего не говорила?

– Чешуйки покрыли все ее тело; красные чешуйки на руках, спине, животе, ногах. Она не могла даже одеться, всё говорила: «Мама, горю, полейте меня водой».

– Почему не сходили к врачу? Я ведь велел ей.

– Я боялась, что врач направит ее в больницу. А чтобы лежать в больнице, нужны деньги. Так?

– Мы, соседи, собрались бы вместе и что-нибудь придумали, – я даже сам себе не верил, но должен был сказать слова утешения.

– Хватит, ей-богу. Она и сама была бы против. Вчера ночью чешуйки полностью покрыли ее тело. И даже, извини меня, вот здесь, – сказала она, приблизив руку к животу. – Мы уже были готовы. Еле-еле успели добраться до бульвара. Там и пустили ее в море.

Я вспомнил, что вчера видел мать и сестер Эфсане. Они откуда-то возвращались поздней ночью. Меня охватили сомнения.

Я собрался уходить, но тут она сказала:

– Эфсане сказала, что собирает для тебя много жемчуга. А, вот еще, сказала, если соскучится, пускай приходит на бульвар и позовет, где б я ни была, приплыву за считанные минуты. Ведь в воде звук распространяется быстрее.

Я не понял, матери или самой Эфсане принадлежит это последнее соображение о природе звука.

– Вышли на передачу «Жди меня»?

– Неее...

– Почему?

– Муж объявился.

– Все в порядке?

– Дааа, – закивала она головой.

Я мог бы спросить что-то еще, но ничего на ум не приходило. Меня печалило, что я больше ее не увижу.

Я повернулся и ушел, но тут мое сердце вздрогнуло:

– Не иди в этот час, рыбы спят.

Я обернулся. Эфсане стояла подле матери и улыбалась, как маленький японский карп. Ее лоб, щеки, челюсть, шея, плечи, грудь, руки, тонкие ножки, которые не скрывало целиком платье, – всё было покрыто красными блестками. Хотелось обнять ее, но я постеснялся матери. Эфсане уловила мои мысли. Взяла меня под руку и потянула к себе:

– Твоя мечта исполнилась. Сегодня я сходила к врачу, он сказал, что у меня золотуха, японская золотуха.

Мы оба рассмеялись.

Я верил, что нашел свое золотце.

МАМЕД АЛИ САФАРОВ

МАТЬ И СМЕРТЬ

ПОВЕСТЬ

I. Скажи, кто твой друг

Вы совершили путь от червя к человеку,
Но многое в вас ещё осталось от червя.
Некогда были вы обезьяной,
и даже теперь ещё человек больше
обезьяна, чем иная из обезьян.

Фридрих Ницше,
«Так говорил Заратустра»

Редьярд Киплинг, великий сын Британии, родившийся в Индии, до пяти лет плохо владел английским языком. Няня говорила с мальчиком на хинди. Возможно, такой необычный путь формирования его личности помог английскому писателю написать шедевр – «Книгу джунглей». Пушкин тоже вначале выучился говорить по-французски.

Маугли, победитель тигра, человек, воспитанный волками, – история о нём даёт шанс попытаться ответить на два интересных вопроса: «Кто мы?» и «Откуда мы?» В этом сказочном сюжете нет вымысла. Всё было так или почти так на самом деле, но, возможно, не в Индии. А неизвестно, где и когда-то давно. На это намекает сам Киплинг в начале своего произведения.

– Ну, когда же волчица может похвастаться, что среди её волчат есть человеческий детёныш? – говорит волчица Ракша.

– Я слыхал, что это бывало и раньше, но только не в нашей стае и не в моё время, – сказал Отец Волк.

Память об этих событиях живёт в каждом из нас, поэтому повесть о Маугли находит такой отклик у читателя. Истинность сказочного сюжета – вот что, бесспорно, завораживает читателя. Киплинг рассказал настоящую, а не выдуманную историю одного из самых интересных событий в истории нашей планеты, а возможно, всей вселенной – превращения примата, родственника Бандар-лога в мыслящее существо.

Волчица то приоткрывала глаза, то снова закрывала их. Она лежала, обхватив передними лапами свою голову, помутившуюся от блаженства. Волчата иногда причиняли ей боль, кусая сосцы, и она вздрогивала, однако наслаждение от кормления молоком было сильнее боли. Запах крови и свежего мяса звал её встать и присоединиться к пиршеству семьи. Волки с хрустом и урчанием терзали оленью туши неподалеку. Но желание насытить волчат своим молоком перебарывало голод.

Её любимец, странный, не похожий на остальных детёнышей, большеголовый и лишённый шерсти, не сосал молоко, он был сыт. Приёмы своим крохотными, нежными лапками ловил в её шерсти невидимых мучителей. И с тихим, аппетитным щёлканьем давил наполненных кровью паразитов тупыми зубками. Ни с чем не сравнимое удовольствие.

Насытившись, волчата стали отваливаться и засыпать. Тогда волчица, осторожно поднявшись, присоединилась к пирующим.

В той сфере, где не явно для нынешних людей, непрерывно и звонко звучат истиные имена существ и предметов, её имя было Ола.

Волки, у которых есть имена, знают их.

С правой стороны от входа в пещеру, вдоль стены, теснились двуногие существа, терпеливо ожидая разрешения принять участие в пиршестве. Пространство слева от входа было просторным, пещера расширялась сразу после входа, именно в эту сторону. Здесь жили волки. Посередине занимаемого волками пространства была свободная от валунов площадка, на ней звери обычно поедали свою добычу. На трапезной площадке было чисто, доев за волками, двуногие убирали кости.

Когда Ола подошла к оленьей туше, Рир, её муж, зарычал. Волки, не прекрасная рвать мясо, всё же поспешили посторониться и дать место хозяйке.

Самое вкусное мясо, нетронутое, ждало Олу, страх перед Риром сильнее волчьей жадности. Волчица только схватила свой кусок, как раздался пронзительный детский крик и следом отчаянный писк. Ола метнулась назад, к ложу. Голый детёныш пронзительно вопил, перепуганные волчата беспомощно барахтались, силясь подняться и тут же падая, но виновник переполоха уже перестал пищать и затих. Тушка жирной крысы повисла, голые лапки вытянулись вдоль туловища. Маленький, свирепый кот крепко держал своими зубами её холку.

Эти пискливые серые тени, обычно питающиеся объедками, всегда норовят полакомиться нежным живым мясцом беззащитных детёнышей. В пещере волчица не могла ловить крыс, так проворно снующих среди завалов камней. Другое дело в поле, на просторе им от неё не уйти. А в пещере нужны охотники поменьше и попроворнее, чем волчица.

У этих охотников – пушистых и ловких – несносный характер, они очень неприятно пахнут и издают дикие, несообразные и тревожащие душу звуки, с преобладающим безысходным «МЕЕУ».

Но без кошачьего соседства нельзя уберечь от крыс потомство в удобной и уютной пещере.

И сейчас маленький зверёк с гордым вызовом посматривал на волчицу, не выпуская добычу из зубов. Ола приблизилась, и он яростно зашипел на неё, выгнув гибкую свою спину и сверкая зелёными глазами. Трудно сносить такую наглость, но что с ним сделаешь, ведь он только что спас детёныш. Ола презрительно и брезгливо фыркнула и обошла пушистое существо.

На щеке у безволосого малыша кровоточила ранка от укуса серой твари, приём мыш продолжал горько плакать. Ола принялась вылизывать рану.

К каменному ложу с детёнышами подошла двуногая, та, что год назад родила близнецов. Один из них стал пасынком волчицы. Ола не любила двуногую мать своего приёмышя, лишь по необходимости она иногда разрешала ей кормить малыша. Волчица злобно заворчала, но существо не уходило. Ола метнулась к ней, делая вид, что намеревается схватить за горло. Двуногая вскрикнула в ужасе и закрыла лицо руками, но не побежала. Олу тронула материнская смелость, и она отошла от соперницы.

В то время, когда у волчицы родились её первые волчата, двуногая родила двойню, один из братьев приполз к щенкам и стал вместе с ними сосать молоко. Оле понравилось его кормить, и она не отпустила пасынка от себя. Волчата из первого выводка уже выросли, а двуногий малыш был по-прежнему беспомощен. Дети двуногих взрослеют долго. Волчице хотелось заботиться об этом беспомощном существе.

Ола с нежностью продолжила зализывать рану своего любимца, изредка, для порядка, порыкивая на стоящую рядом его мать. Двуногая не решалась прикоснуться к младенцу, но и не уходила.

Волчица легла набок и умастилась на своё ложе, волчата, хоть и сытые, нашли её сосцы. Двуногая постояла ещё немного рядом, с завистью глядя на корм-

ление, потом присоединилась к своим, доедающим после волков остатки добычи.

Мяса на оленьих костях после волчьих зубов оставалось немного, двуногие рвали друг у друга из рук куски получше. Часто между ними возникали драки за еду, обычно двое или трое набрасывались на одного и забирали его пищу. Обиженный убегал в тёмную глубь пещеры далеко, туда, куда никто никогда не заходит по своей воле, где царит полная тьма.

Потом, оголодав, изгнаник робко появлялся из мрака. Стая обычно встречала его злобным бормотанием, в него кидали камни. Но иногда изгои не возвращались. Волки с высокомерным безразличием относятся к дракам соседей.

В отличие от хозяев пещеры, стая двуногих жила без правил и законов, каждый из них был сам по себе. Сильные самцы несколько не заботились о самках и детёнышах и в голодное время могли даже съесть своё потомство.

Со стороны входа в пещеру веяло холодом, засыпая, волчата и голый детёныш теснее жались к тёплому телу Олы. Страшный рёв саблезубого тигра донёсся издалека, наполняя мир ужасом, но волчата лишь теснее жались к матери, ведь она защитит от всего в этом мире.

Уже три раза, с тех пор, как Ола появилась на свет, жара переходила в прохладу, затем возникали грязь и слякоть, потом, в одну ночь, слякоть превращалась в ослепительную белизну.

Теперь, кажется, это должно произойти опять. Снова похолодало, ветви деревьев оголились, и ночи стали длинными.

Вместе с Олой и Риром в пещере жили ещё четверо молодых волков и один старый, его звали Гур. Старый всё реже и реже ходил на охоту, он оставался в пещере, присматривал за волчатами и за двуногими.

Во время охоты многие из них предпочитали спрятаться в пещере и подождать, пока собратья принесут добычу, загнанную волками. Охотиться двуногие не могли, зато умели копать ловчие ямы и носить убитых зверей. Даже тяжёлые туши быков и медведей могли перетаскивать, но их надо было заставлять это делать. Сколько в этой пещере жило двуногих, нельзя было сказать потому, что часто некоторые из них пропадали куда-то, другие, наоборот, появлялись. Никто не обращал на это внимания.

Предчувствие не обмануло Олу, наутро склон холма сверкал белизной. В то утро все волки вышли из пещеры и встали неподвижно, поражённые сверканием пространства.

Белый ковёр скрыл все неприглядные детали осеннего пейзажа: жухлую серую траву, грязную опавшую листву, кучу костей, насыпанную двуногими уборщиками в яме рядом с пещерой.

Теперь всё сверкало такой удивительной чистотой, что хотелось смотреть и смотреть. И охотиться будет легче, всё белое пространство испещрено цепочками следов. Выпавший ночью снег не толькокрасил до неизнаваемости пейзаж, ещё он очистил воздух от ненужных испарений – прелой листвы, травы, сырой земли. Эти неприятные запахи стали почти неразличимы. Свежий, морозный воздух был полон интересными и нужными сообщениями – о добыче и опасности. Дышать и нюхать стало захватывающе интересно. Вот когда снега станет много, сугробы затруднят охоту.

Но волки не могли думать о том, что будет потом. Им не терпелось на охоту сейчас.

Им хотелось гнаться за добычей, настигать, рвать и терзать, есть свежее мясо. Охотиться волку также необходимо, как дышать.

Ола не спеша затрусила по склону вниз, молодняк за ней. Рир бежал последним.

Двуногие тоже вышли из пещеры. Некоторые, взяв с собой заострённые палки и широкие кости для копания, пошли за волками, но большинство попытались вер-

нуться. Они бы и вернулись, если бы не старый Гур. Оскалив жёлтые клыки, он зарычал так злобно, что вся напуганная стая двуногих, сбившись в кучу, последовала за волками. Ола должна была выбрать след, остальные волки с подветренной стороны быстро обходили добычу и начинали гнать её туда, где двуногие, сохраняя полное молчание, поспешно рыли яму, потом закидывали её сверху ветвями и прятались. После того, как олень, бык или мамонт проваливался в ловушку, помощники волков добивали попавшегося камнями.

Шесть волков – очень мало для этой охоты. Крупную дичь не загнать таким числом. Ола понимала, как нужно беречь своих. Поэтому она, метнувшись было несколько раз по манящему, увлекательному бычьему следу, оба раза сумела остановить себя.

Бычье мясо в эту пору вкуснее всего на свете, но кто-то из её маленькой стаи может налететь на рога.

Ола побежала дальше, нюхая следы, послушные волки – за ней.

Легко отличить запах опасного кабана от запаха свиньи и поросят, а вдобавок на снегу отчётливо виден размер копыт.

Свинья с порослями. Волчица слегка слону, и в её животе громко заурчало, так силён был запах. Только что прошли. Ола понеслась прыжками, обходя добычу, волки за ней, двуногие побежали в обход с другой стороны, пытаясь угадать лучшее место для засады. Они на бегу нагибались, запасаясь камнями.

Схватка была стремительна, свинья отважно бросилась на волков, но Рир с прыжка вонзил клыки ей в холку и перебил позвонки. Свинья ещё дергалась, когда набросились остальные. Поросыта пустились врассыпную, и двум из них даже удалось убежать. Но недалеко, двуногие забили их камнями. Теперь две стаи пировали неподалеку друг от друга. Волки грызли добычу, двуногие острыми камнями разрывали мясо.

Летом после такого пиршества все легли бы спать, где-то неподалеку, но сейчас дул холодный ветер, и хотелось побыстрее в пещеру. Двуногие собрали остатки мяса, волки окружили их со всех сторон, сытые охотники и груженые носильщиками двинулись в обратный путь.

В пещере и те, и другие крепко уснули и спали до ночи.

Едва только лунный свет проник в пещеру, волки поднялись и вышли наружу. Было очень светло для ночного времени, снег из белого стал голубым. Пространство перед пещерой изменилось, наполнившись сумеречным, обманчивым светом. Дерево, росшее в отдалении, прямо напротив входа в пещеру, после того, как с него опали листва, казалось умершим. Теперь снег придал объём скелетным очертаниям мёртвых ветвей, его вес изогнул самые тонкие из них, и дерево будто вновь ожило, но странной, холодной, чёрно-белой жизнью.

Контуры пейзажа едва угадывались, весь вид лишь отдалённо напоминал дневную картину.

Рассевшись, волки начали свою песнь. Ола привела пасынка, малыш уже уверенно стоял на ножках. Другие волчата остались в пещере, они ещё не умели ходить. Гимн луне объединял волков, вой на луну был их молитвой и их песней. Волки сидели кружком и выли, поднимая морды, волчонок, у которого не было шерсти, не мог сидеть на снегу голым телом, он стоял рядом с Олой, держась рукой за шерсть на её боку. Вначале малыш стоял тихо, но потом попробовал присоединить свой голос к пению стаи. Он завыл вначале неуверенно, но одобряющий взгляд самого важного на свете существа, Олы, придал уверенности, и малыш присоединил свой голосок к хору волчьих голосов. Он не запомнил ту ночь, когда стал волком. Слишком мал он был тогда.

Двуногие в пещере не спали, робко жались друг к другу, волчья песнь всегда устрашала их и нагоняла тоску.

Концерт продолжался долго, Луна уже прошла половину своего пути, когда волки неспешно вернулись в пещеру и улеглись. Площадка перед пещерой опустела. Остался лишь круг, обозначенный семью тёмными углублениями в подтаявшем под волчьими телами снегу. И рядом с одной из проталин – две крошечные ямки, там, где стоял двуногий волчонок.

Упавший утром лёгкий снежок припорошил следы.

Теперь волки охотились каждый день, мяса было много, и оно не портилось на холодах. Волки и двуногие растолстели.

Но однажды случилась метель, ветер дул, не ослабевая, день и ночь, под его тревожную песнь в пещере все спали непробудным сном.

Когда стихло, пушистого снега оказалось столько, что волки проваливались и не могли идти.

Несколько дней звери провели в пещере.

Однако голод не проходит сам по себе, лунной ночью они вышли за добычей. Солнце и ветер за это время сделали своё дело, снег уже покрылся настом, ходить по нему стало немного легче. Но охота перестала быть забавой, добычи было мало. Воздух пах морозом, и ветер не приносил радостных запахов охоты. Усталые и голодные, волки вышли на луну, жалуясь ночному божеству на свои мучения.

Если звери ослабнут, они не смогут охотиться и умрут.

Это случилось со старым Гуром. Он перестал подниматься и лежал безразличный ко всему на свете уже несколько дней.

Поднялся, пошатываясь, лишь когда волки собрались для концерта на площадке перед пещерой. В ту ночь Гур пел сильнее и печальнее всех, а когда концерт закончился, он пошёл прочь, ни разу не обернувшись. Шесть волков и малыш, замолкнув, смотрели, как уходит старый волк.

Двуногие мучились от голода ещё сильнее своих хозяев, Гура не стало, и некому было гнать их на охоту. Волки изредка всё же находили себе пропитание, этим же неоткуда было его взять. Теперь они не могли участвовать в волчьей охоте, в замёрзшей земле яму-ловушку не выкопаешь, да и волки всё равно не погнали бы крупного зверя по снегу – любое животное с более длинными ногами легко ушло бы от своих увязающих в снегу преследователей.

Добыча стала скучной, и несколько раз молодые волки дрались между собой из-за неё. Одному посчастливилось схватить спавшую сову, а другой бросился вырывать у счастливчика птицу. Рир поделил предмет их спора ровно пополам – между собой и Овой.

В другой раз схватились из-за зайца, дрались уже все четверо и в пылу боя даже осмеливались рычать на Рира.

Один заяц для шести голодных волков – это ничего.

В пещеру они возвращались злые, время от времени останавливаясь и скалясь друг на друга.

Двуногие сидели, сбившись в кучу, пытаясь согреться, каждый стремился окаться посередине, их дети громко плакали. Рир вскочил на спину сидевшему с краю. Тот успел только отчаянно завопить, остальные волки мгновенно разорвали тело на части и растащили их. Звери с урчанием ели мясо, двуногие жалобно кричали в ужасе. Малыш забился между камнями, его колотила дрожь.

Наевшись, Ола подошла и полизала пасынка, чтобы успокоить. Ощущив запах крови из её пасти, малыш заплакал, но привычные волчьи ласки четвероногой мачехи быстро успокоили его, он перестал дрожать.

Так прошло первое посвящение в избранные – волчьей слюной, смешанной с родной кровью.

Потом будет выдумано много подобных обрядов: нанесение ран и татуировок, купание, обрезание крайней плоти. Но первой и по-настоящему действительной инициацией было окропление волчьей слюной и кровью двуногого существа.

Он не стал ещё человеком после этого посвящения, но точно, что перестал уже быть волчьим подобием, передвигающимся на двух ногах. Запах крови, подобной той, что текла и в его теле, исходивший из пасти волчицы, отложился навсегда. Он знал совсем немного вещей, и главной вещью среди этого немножества было то, что он – другой. Это запомнилось навсегда.

Тысячи сходных историй происходили во времена, когда волки и предки современных хозяев мира жили вместе в пещерах. Волчица – идеальная мать, второй такой нет в природе, и всякий детёныш, к запаху которого она успела привыкнуть, прежде, чем он стал её пищей, воспринимается ею как требующий молока и защиты. Ну, и как следствие, ласки. Много появлялось тогда двуногих волков.

Это они уничтожили неандертальцев, австралопитеков и других, не известных нам гоминид, имевших несчастье конкурировать с предками теперешних людей. Ужасная память о безжалостных убийцах себе подобных сохранилась до наших дней. Об оборотнях написаны книги и сняты фильмы.

Почему-то все эти произведения крайне примитивны. Вдруг, в лунную ночь, в человеке просыпается волк, и он отправляется на охоту. И ничего о подлинной драме оборотня, человека-волка.

О смертельной тоске половинчатого существа, о его презрении к подобным себе и ненависти к тем, кто, снизойдя, принял его в свою стаю. Действительно, трудно передать всё это:

Родной запах матери-волчицы, её заботу, силу и тепло, её способность защищать от любого врага.

А те, на которых ты похож, родные по крови, но такие беспомощные и жалкие. Не способные постигнуть простой и суровый Закон Стai. Суетливые, робкие пожиратели остатков чужих пиров.

Оборотни убивали их не столько, чтобы удовлетворить голод, сколько для того, чтобы стать волком больше, чем волк по рождению. Это был путь и искус оборотня. Убить похожего, потому что нельзя убить сходство. В этом причина беспримерной внутривидовой агрессии *homo sapiens*, до сих пор вызывающей изумление и ввергающей человечество в войны.

Но человеком мог стать только тот, кто возвысился одновременно и над теми, от кого произошёл, и над четвероногими охотниками, принявшиими его на равных. Возможно, такое случилось всего один раз. Может, несколько, но всё равно случалось это не часто.

А оборотни сыграли свою эволюционную роль, уничтожив все сходные с нами виды. Учёные ломают голову, силясь понять, как так вышло, что из множества гоминид выжил только один вид. Ведь этого же не могло быть, подобных примеров в природе нет. И не было бы, не будь оборотней, истребителей себе подобных, людей-волков.

Тайна исчезновения промежуточного звена – мрачная тайна из истории людей. Но есть и светлая тайна, о том, как воспитанный волками детёныш приматов возвысился, избежав участи оборотня.

Рир погиб на охоте ранней весной, тогда волки напали на медведя, спавшего в пещере. Перед тем, как стая растерзала едва проснувшегося зверя, он успел ударить мохнатой лапой первого, напавшего на него. Рир погиб, и главной в стае стала Ола.

После этого молодая волчица больше не допустила к себе ни одного волка, и у неё не родились волчата. Всю отпущенную ей заботу и нежность вдова посвятила своему, так медленно растущему голому приёмышу. Потом она была вознаграждена,

он успел вырасти, Ола увидела его взрослым. Малыш всё время проводил с волками, да он и сам относил себя к их числу. О различиях и сходстве он не задумывался по той простой причине, что не мог думать. Запах родной крови из пасти матери-волчицы, казалось, забылся.

Вооружившись тяжёлой дубиной, он участвовал в их охоте на равных – высматривал добычу и загонял её.

С самых первых своих дней малыш получал молоко от двух матерей, куда больше, чем остальные детёныши двуногих, поэтому и рос быстрее них.

А когда подрос, он вместе с волками ел лучшее мясо.

Каждодневный регулярный бег с тяжёлым оружием, во время охоты гоном, сделал его настоящим атлетом, мощные длинные ноги его были тонки в коленях и щиколотках, грудная клетка расширилась, и теперь он был на целую голову выше любого двуногого. А они боялись волчьего воспитанника не меньше, чем любого из волков, он же, как мог, избегал их. Только его брат-близнец несколько раз пытался пойти с ним вместе на охоту, но волчий воспитанник бил его и прогонял.

Волчья стая разрослась, в пещере жило много волков, и они терпели чужака только из-за Олы. Присущее этим зверям недоверие, главное чувство волков, часто питало их едкую насмешливость.

Звери не унижали малыша, пасынка Хозяйки, не гнали его от себя, но не упускали случая подшутить над ним.

Особенно старался один молодой волк, смелый и находчивый.

От роду ему было всего два года, но он уже имел имя.

Этот настоящий волк преследовал двуногого чужака, ставшего бровень с серыми охотниками. Поджидал момент, когда усталый и сытый, тот погружается в сон, легонько кусал его за щиколотку или за руку и тут же, отбежав в сторону, сворачивался и притворялся спящим. После такого долго не уснёшь. Или находил закопанные чужаком куски мяса и разбрасывал по пещере. Волки, отдыхавшие в величественных позах, наблюдая за подобными проказами, лениво-одобрительно шевелили хвостами.

Видимо, это одобрение стаи было основной причиной издевательств над приёмышем. Вроде шутка, и ничего страшного, но жизнь двуногого волка постепенно становилась невыносимой. Ола старела, а больше заступиться за него было некому. Однажды весёлый преследователь, заигравшись, вырвал у своей постоянной жертвы кусок добычи и бросился бежать, оглядываясь, как бы приглашая догнать его. Это было слишком, после такого оставалось только два пути – или вернуться в стаю двуногих, или наказать обидчика.

Стая наблюдала за происходящим, сохраняя напускное равнодушие. На самом деле внимание волков было приковано к шутнику и его жертве.

Пасынок волчицы вскочил с камнем в руках, размахнулся, кинул и попал волку в голову. От удара тот упал и тут же поднялся, пошатываясь. Стая могла бы проигнорировать схватку двуногого с четвероногим. Но волки не могут кидать камни, это удел париев, они забивают камнями добычу, и им позволено, сколько угодно, швырять их друг в друга, когда ссорятся. Кинуть камень в волка – это вызов всей стае!

Звери один за другим начали вставать. Отчаянный двуногий волк, полный злобы, громко выкрикнул имя своего врага – Яр!

Звучание имени оглушило неудачливого шутника не меньше, чем удар камнем. Он шатнулся из стороны в сторону, а потом сел, низко опустив голову, тихо заскулил, жалобно, покорно, просяще протянул лапу навстречу назвавшему его имя. Волки знают свои имена, но не могут их произносить. Двуногим тоже лучше этого не делать, ведь того, кто посмеет называть имя волка, немедленно разорвёт на клочки оставшаяся стая.

Волки всколыхнулись – и бросились бы на своего побратима, заставившего униться их родного брата, если бы старая волчица не поднялась на свои слабые ноги и не подошла бы к нему. Её малыш стоял, прижавшись спиной к стене пещеры, рычащие звери, оскалившись, с прижатыми от ярости ушами, с горящими глазами, на-двигались на него. Только один из них, весёлый шутник Яр униженно сидел в стороне, не в силах прийти в себя. Вмешательство Олы на несколько мгновений отодвинуло расправу. Двуногий волк и худая, с клочковатой шерстью волчица стояли рядом. Это были спасительные мгновения. Брат двуногого волка схватил удобную и тяжёлую дубину, с которой тот обычно охотился, и бросил ему оружие. Дубина пролетела над головами зверей, и сын Олы поймал её. Теперь он был вооружён. Волки знали эту дубину и её действие. Она убила множество оленей и кабанов. У дубины было своё имя – Буп. А его брат, схватив другую палку, в несколько прыжков оказался рядом. Близнецы были очень похожи, но вскормленный волчицей превосходил ростом и мощью. И у него был шрам на щеке от укуса крысы. Теперь разъярённой стае противостояли двое вооружённых дубинами двуногих и стоявшая между ними старая волчица.

Даже если бы волки напали обычным своим манером, сразу с двух сторон, двое первых неминуемо пали бы с разбитыми черепами. Звери остановились.

Вдохновлённый неожиданной помощью, двуногий волк шагнул вперёд и вновь замахнулся на подступившую совсем близко стаю.

Волки отступили в замешательстве, желавших получить удар дубиной не было. Их приёмыш громко крикнул, в восторге от того, как у него получается произносить запретное, роковое, раскатистое «Р», присутствующее во многих волчьих именах.

– Рик! – и волк с этим именем сел, опустил голову, поднял и протянул лапу.

– Рем! Рам! Фен! – выкрикивал двуногий, и злобно оскаленные звери, один за другим, вдруг заскулили и пряча взгляд, покорно садились на камни.

Так он усмирил всю стаю, только несколько совсем молодых волков, у которых ещё не было имён, продолжали щетиниться и рычать. Но они ни за что бы не напали на этих страшных братьев с дубинами в руках.

А остальные двуногие, что говорить о них? Их восхищение было таким сильным, что прошло больше миллиона лет, а до сих пор символом власти у их потомков является подобие той дубинки, которой размахивал волчий приёмыш в пещере. Жезлы, скрипетры – всё это подобия доброй дубинки по имени Буп.

Покорные и испуганные – волки сидели, не смея двинуться, от стыда избегая смотреть друг на друга.

Победитель расхаживал среди них, очень довольный собой и всем произошедшем.

Одна молодая двуногая самка подбежала к победителю и хотела его поцеловать, но он оттолкнул её.

Оттолкнуть-то оттолкнул, но в момент соприкосновения его руки с её телом дыхание у него перехватило и захотелось отталкивать ещё. Или приблизить, лишь бы коснуться.

Яр чувствовал себя виноватым перед стаей и во время следующей охоты едва не погиб, пытаясь искупить свою вину.

Бык, завидев выскочивших из кустов волков, первым бросился на них. Этот черный бык был больше любого другого быка. Он желал не спасаться, а убивать. И запах ярости и отваги шёл от быка, будто он ел не траву, а мясо. Плохая добыча. Волки встали, готовые разбежаться, кто куда. Только Яр, движимый чувством вины перед стаей, попытался вспрыгнуть быку на загривок. Бык стремительно повернулся на месте, и там, где была холка, оказались два страшных рога. Яру повезло, голова быка была так огромна, что волк поместился между рогами, удар лбом перевернул его и подбросил высоко.

Взвизгнув, волк вверх лапами взлетел под самые облака и рухнул на землю.

Вид поверженного, но недобитого врага заставил быка забыть главное правило боя против стаи – видеть сразу всех. Слишком уж он хотел убивать. Широко и прочно расставив ноги, он изогнул шею назад, целясь одним бешеным глазом и одним острым рогом в бок распростёртого врага. В этот миг двуногий волк бросился вперёд, прыгнул высоко и с криком «Бууп» обрушил дубину на изогнутую шею. Он не удергался на ногах и упал лицом вниз, дубина от удара о бычий хребет вылетела из его рук и взлетела вверх.

Передние ноги быка подломились, он упал на колени. Долго простоял так, с подкатившимися вверх, помутневшими глазами. Двуногий волк успел вскочить на ноги, лишь потом бык тяжело рухнул на бок. Волки тотчас набросились и стали рвать куски пожирней. Двуногий волк, поколебавшись мгновение, поспешил к Яру, тот лежал и тихо скулил от боли. Рука коснулась волчьей головы и погладила её. Когда волки уже заканчивали пиршество, прибежали двуногие – доедать. Остатки туши понесли в пещеру. Волчий приёмыш заставил их также поднять и нести Яра.

Была весна, раненый волк был очень молод, и он выжил. Его спаситель приносил ему пищу и воду – в пустом бычьем черепе. Прежде других причин раненый зверь гибнет от жажды. Но двуногий волк носил Яру воду, и они стали друзьями.

Теперь после удачной охоты Яр бросался к своему другу, становился на задние лапы, а передние клал ему на плечи. И двуногие, осмелевшие настолько, что могли громко смеяться в присутствии хозяев, хохотали, так интересно и весело было им видеть стоящего на задних лапах волка. Особенное веселье вызывали попытки волка издавать звуки, подобные тем, что используют двуногие копатели и носильщики. Поставив передние лапы на плечи своего друга, он начинал издавать странные, не волчьи, звуки, в них протяжные и мелодичные чередовались с отрывистыми, твёрдыми. Будто камни катятся по склону горы – то ровно и мягко, то подскакивая на неровностях. Веселились все: и охотники, выражая веселье скрытым движением хвостов и снисходительно-одобрительными взглядами, и носильщики – звучным смехом. Сбивчивое бормотание волка – это кого угодно насыщает.

Они повзрослели в ту весну вместе, разница в одиннадцать лет делала их ровесниками. Время заводить своих детёнышей наступило для них одновременно. Для Яра всё было просто, но не для его двуногого друга. Взять волчицу в жёны он не мог, взять себе подобную мешали его волчьи высокомерие и презрение к своей породе. Та, что хотела его поцеловать, снилась ему, но он избегал её, как мог. После того, как он спас Яра, волки покорились ему. Вдобавок он был сыном Олы. А главное, он мог называть их имена. Двуногий волк никогда не пользовался этим после того случая в пещере, но все это помнили. У него самого до сих пор не было имени, так, словно он обычный молодой волк или даже двуногий копатель ям и носильщик добычи. Выбрав самку из числа двуногих париев, он рисковал навсегда остаться безымянным, как все двуногие. А он хотел стать вожаком стаи.

Хотел или не хотел, природа диктует свои законы, не спрашивая ничьего желания. Женой волчьего пасынка стала молодая двуногая самка. Но жить они стали по волчьему закону. И, когда после обильного пира в пещере другой молодой двуногий самец схватил её за руку и потащил в глубь пещеры, волчий пасынок ударил его ладонью по щеке. Голова от удара подвернулась, ручеёк крови побежал из уголка рта, и соперник упал замертво. Молоко волчицы даёт волчью силу.

Брат волчьего приёмыша, наконец, начал охотиться вместе с волками, его уже никто не прогонял, и, хотя он и не мог бегать так же быстро, как четвероногие звери, зато умел метко кидать камни.

Ола теперь редко ходила на охоту, как когда-то старый Гур, она оставалась в пещере, охраняя чужих волчат и выгоняя нерадивых двуногих на охоту. Благодаря пасынку ей по-прежнему, даже зимой, доставались лучшие куски добычи, но зубы

волчицы потеряли остроту, и мясо не доставляло больше наслаждения. Теперь она предпочитала лежать в уединении, и в её волчьей душе медленно плыли воспоминания: Рир, волчата, охота. Так хорошо было вспоминать всё это. И она ласково смотрела на пасынка своими помутневшими глазами. Он был роднее тех, кого волчица произвела на свет сама.

Иногда, когда заканчивалось свежее мясо, но волки не хотели идти охотиться, пасынок отправлялся один, чтобы принести мягкое, тёплое, кровавое мясо для Олы. Порой его брат и жена сопровождали его, а часто и Яр со своей женой присоединялись.

Однажды они пошли на охоту в четвером – два друга и их жёны. Близнец поленился и остался в пещере. Во время охоты их застала гроза.

Небо лопалось с сухим треском, будто за облаками сокрушались стволы огромных деревьев. Огненные трещины раскалывали и подсвечивали черные тучи, на долю мига придавая объём и вес небесной мгле. Капли дождя были огромны, вода, стекая по склону, сразу образовывала мутные ручейки, увлекавшие за собой землю и камушки. Они не боялись грозы, но двуногому волку было интересно, почему, если вверху сверкает огонь, оттуда льётся вода. Вода и огонь несовместимы, он уже видел, как тушит дождь степной пожар. И треск, откуда такой сухой треск, мокре не будет ломаться с таким звуком. Увлеченный, он и не заметил, что его самка бежит прятаться от дождя в пещеру. На самом деле гроза и дождь напугали её не больше, чем его, но вид темного входа в пещеру увлек, захотелось оказаться там вместе с ним. Массивная палица, которую она несла, мешала, но бросить её было нельзя. Собственно из-за готовности самки таскать это оружие он и пошёл сегодня на охоту. Сколько ни ласкалась она к нему накануне, всё было бесполезно, он вообще не собирался идти охотиться. Мясо ещё было. А она хотела уйти с ним из пещеры, оставаться вдвоём, и поэтому, схватив тяжёлую палицу, показала, что будет сама её носить. Бул – серьёзное оружие. Без него – никуда, но носить очень уж неудобно. Женщина несла палицу, а у него с собой было лёгкое оружие – заострённая палка, он долго шлифовал её конец камнем, чтобы придать остроту. Иногда он останавливался передохнуть и, отложив шершавый камень, которым точил дерево, пробовал пальцем остроту и одобрительно произносил: «Ох». Эти звуки были именем оружия.

Сделано оно было из ветки колючего кустарника, найденной на степном по-жарище. Чёрная, чуть обугливавшаяся в тонком конце палка длиной была в его рост, толщиной – в запястье, почти ровная, но волнистая из-за узловатых сучков. Узлы придавали острой палке несокрушимую прочность.

Охота не была удачной. Движимые азартом, люди зашли на запретную территорию, там обитал саблезубый тигр Мах. Волки, ощущая запах смерти, несколько раз отставали, жалобно скуля и щетинясь, волчица даже покусывала двуногого волка и его жену за ноги, предупреждая друзей о смертельной опасности, но те, словно одержимые, шли всё дальше и дальше, в глубь запретной территории, будто не чувствуя страшного запаха её хозяина. И волки, послушные Закону Стai и Закону Дружбы, нехотя трусили вслед двуногим, преодолевая страх. Тут начался дождь.

Двуногая самка побежала к чужой пещере. Похотливая, но напряжённая улыбка застыла на её лице, бежать по скользким и острым камням с тяжёлой дубиной в руках не очень приятно. Зато потом...

Двуногий волк отвлёкся от неба и увидел свою самку, бегущую к темному входу. Если бы не гроза, а главное, не её возбуждение, и она бы, конечно, заметила множество костей кабанов и быков, разбросанных тут и там. Но ей слишком хотелось побыстрее заманить в сухой полумрак своего самца. Убегала, чтоб увлечь за собой.

– Ой, ой, – кричал он, силясь остановить бегущую, но где там!

Самка уже скрылась в темноте пещеры.

Запах тигра здесь был так силён, что она встала, охваченная страхом, прежде,

чем зверь появился из мрака. Его очертания ещё не обозначились в темноте, а двуногая пронзительно взвизгнула: «Арь». Крик ужаса, донёсшийся из тёмной глубины, остановил собравшегося было бежать прочь её мужа. Мгновение поколебавшись, он бросился к входу в подземелье. Навстречу смерти. Волчица села и заскулила. Как же группы жёны двуногих! Яр, ощетинившись, стоял рядом с волчицей.

Тигр неспешно сделал несколько шагов и сладко потянулся – не каждый день еда сама приходит к нему, так зачем же спешить. Он был самовлюблен, как все звери этой породы, и что бы ни делал, всегда любовался собой, будто со стороны.

Густые, тяжелые волосы на голове первобытной кокетки ожили и шевелились. Снова крик ужаса потряс свод тигриной пещеры: «АААрь».

В саблезубом было столько моши, что горький ужас охватывал любое существо, оказавшееся рядом с ним. Даже безразличные ко всему на свете мамонты убегали, как зайцы, едва почувствовав его запах.

Появление рядом с первой второй фигуры заинтересовало тигра, он чуть быстрее двинулся к жертвам. Двуногий волк схватил подругу за руку и крикнул: «Гай» – беги. И замахнулся копьём, угрожая едва обозначившейся во мраке живой громаде. Против тигра с клыками длиной в половину локтя и весом, как пять человек, это было жалкой попыткой.

Бросив палицу, самка побежала. И её самец с копьём в руке пытался перегородить тигру дорогу к выходу. Но рёв зверя, отражённый и усиленный каменными сводами, сдул его, как былинку, выбросил вслед за самкой наружу.

Вход в пещеру Маха прятался в лабиринте причудливых, островерхих скал, венчавших невысокую и не очень крутую гору. Внизу простиравлась широкая зелёная долина, текла река, на берегах её паслись разные животные, в камышах жили свиньи.

Дождь почти закончился, в разрывах низко летящих туч появился яркий свет солнца, этот свет наполнял собой клубы пара, быстро поднимавшегося от не успевших охладиться, блестящих валунов, лежавших тут и там на поросших травой склонах горы. Лёгкий белый пар возносился к обрывкам черных облаков, несшихся по небу.

Двуногие, что было духу, мчались по склону вниз напрямую, тигриная тропа извивалась между валунами, а они бежали, не разбирая дороги, иногда падали, кувыркались, вскакивали и снова бежали. Два суэтливых, проворных существа, убегающих от смерти. А впереди них, прижав уши и поджав хвосты, неслись волки. Саблезубая смерть, напротив, двигалась плавно и неспешно, мягкими пружинистыми прыжками, как всегда, немного красуясь. Но насколько же Мах был быстрее убегавших от него! Двуногий волк оглянулся и увидел зверя совсем рядом, в одном прыжке от себя. «Гай», – крикнул он самке что было силы и поднял копьё навстречу тигру. Погибнуть, чтобы дать своей слабой подруге возможность убежать.

Но она упала. И, в отчаянии схватившись за голову, жалобно взвыла: «Арь». Камни были скользкие, Мах тоже потерял равновесие, его пружинистый бег-полёт над склоном завершился неудачным прыжком, он чуть-чуть не достал добычу, вынуждено приостановившись на долю мига для повторного прыжка. Накануне его охота была неудачной, голод и злость заставили тигра напасть на носорога по имени Даж. Во время битвы с Дажем Мах повредил переднюю лапу.

Но сейчас ему противостояло всего лишь маленькое двуногое существо, с заострённой палкой в руке.

Огненного цвета шкура тигра разукрашена черными пятнами, эта чернота, как чернота вороньего крыла, отдавала сине-зелёным блеском. Светлые глаза сверкали яростью. Длинный, пушистый хвост хлестал по поджарым бокам. Голова зверя, массивная, будто изваянная из тяжёлого камня, низко опущена к самой земле. Он взревел, и из-под его морды разлетелись мелкие камушки, а во влажной, плотной почве склона холма осталась ямка в том месте, к которому зверь склонил свою пасть.

Двуногий волк не дрогнул, хотя рёв Маха иногда останавливал биение сердца его жертвы.

От исхода этого сражения на склоне холма зависели не только три жизни. Возможно, с момента творения этот неравный поединок был самым важным и драматическим событием во всей Вселенной.

От его исхода зависело, сумеют ли двуногие преобразить свой мир, стать хозяевами в нём или навсегда останутся подсобниками для серых хищников. Останутся ли они париями, живущими в пещерах за счёт волчьей щедрости, или покроют всю Землю своими поселениями, а затем и построят изумительные города.

Станут ли они познавать мир, в котором живут, и искать пути к тому, кто его создал.

Принесёт ли женщина тлеющую головню в пещеру и разведёт ли костёр, прислонит ли ребёнок свою перепачканную в крови добычи ладошку к стене пещеры и проведёт ли по ней волнистую линию, пытаясь повторить очертания антилопы.

Превратится ли человеческое подражание вою волков в звуки музыки.

Научатся ли люди считать то, что невозможно измерить – время и станут ли составлять календари.

А потом, будет ли въедливый стариk приставать со своими каверзными вопросами к горожанам, оставляя их в недоумении и вызывая зависть своим необычным умением думать, и, движимые этой завистью к старику, заставят ли они его выпить яд.

Беглый принц, сидящий в набедренной повязке под раскидистым деревом в жаркой стране, поймёт ли, что жизнь – это страдание и что путь к его преодолению – не смерть, а победа над желаниями.

Прибывают ли люди к кресту того, кто скажет, чтобы они любили друг друга.

И ещё один принц, одетый в чёрное, на берегу холодного моря, одолеваемый теми же мыслями, что и его предшественник, сидевший под деревом две тысячи лет назад, задастся ли главным вопросом действия: «Быть или не быть».

Поплынут ли по морям корабли, и полетят ли самолеты.

Всё зависело от этой схватки.

Прежде, чем мягкие лапы тигра с выпущенными страшными когтями успели надёжно схватиться за мокрый склон и напружиниться для последнего прыжка, волчий воспитанник успел обернуться и с протяжным криком «Ооох» вонзить своё оружие в грудь зверя. Узловатое извилистое копьё пробило шкуру и, уверенно рассекая пучки могучих мышц, ударяясь о кости и скользя по ним, продолжило свой путь в теле тигра, торопливо ища его сердце. Лапа с выпущенными когтями, занесённая для удара, бессильно упала, и снова рёв потряс весь мир. А мир тогда был очень мал – плоская земля, посередине которой течет речка, маленькое солнышко, ходящее прямо над облаками, согревающее холмы и реку. Вот и весь мир.

Волчий пасынок убил тигра. Падая, мёртвый зверь тяжело ударил его, не успевшего увернуться, и он кубарем покатился вниз, больно ударяясь о камни. Оглушённый на миг, он пришел в себя и вдохнул запах сырой земли, на которой лежал. Это было первым ощущением в новой, человеческой жизни. Потом он открыл глаза. Женщина помогла ему подняться, вместе они подошли к убитому тигру.

Зверь остыпал, глаза потускнели и, остекленев, уже ничего не выражали. Но шкура его по-прежнему горела яркими красками, в раскрытой пасти сверкали в пузырях розовой пены огромные белые клыки. Нелепо торчал из груди конец сучковатой палки.

Женщина хотела многое сказать мужу, но слов у неё было так мало, она лишь горячо бормотала разные звуки, подыскивая пригодные по звучанию для выражения чувств. Отчаявшись, бросила эту затею, попыталась движениями своего тела передать происходящее в душе. Танец был выразительнее слов, с его помощью она

сумела показать всё, что хотела, при этом несколько раз, во время танца, приблизившись, женщина лизнула лицо мужчины. Он не удержался и тоже пустился в пляс. Движения женщины становились всё выразительнее, взгляд всё лукавее и привлекательнее. Волки в полном восторге прыгали вокруг своих друзей, грозно рыча и свирепо скаясь, они порывисто, но очень осторожно и почтительно кусали их за ноги и за руки. А как иначе выразишь радость, восхищение и преданность? Потом Яр сел и, подняв морду к небу, стал прерывисто, радостно выть. Волчица и уставшие люди присоединились к нему, этот квартет долго оглашал окрестности своим странным, громким и чудесным пением. Танцы и пение закончились тем, чем они обычно заканчиваются на протяжении многих и многих тысячелетий. Женщина получила то, ради чего столь безрассудно устремилась в пещеру тигра. Волки при этом сидели в сторонке с совершенно отсутствующим видом. Вежливо высунув языки, волк и волчица внимательно всматривались вдаль. Всматривались не с целью что-то там увидеть, а скорее, чтобы показать свою тактичность и утончённую изысканность волчьего нрава.

В пещере женщина пыталась рассказать о пережитом ужасе, об отваге мужа. Переполненная чувствами, женщина торопливо произносила разные звуки, пыталась повторить рёв Маха, боевой клич её спасителя, свои вопли о помощи. Схватившись руками за голову, она вновь и вновь звала: «Арь». Этот крик женщины, зовущей на помощь, стал именем её спасителя и защитника, человека, вскормленного молоком волчицы Олы.

Потом оно перешло и к его сыновьям, хотя каждый из них получил в добавок своё собственное имя. Дети его детей отправились странствовать по миру, и теперь каждый мужчина, защищающий свою женщину и знающий своих детей, звался двумя именами: своим собственным и этим, объединявшим всех потомков волчьего пасынка. Но всё это случилось намного позднее, и не случилось бы никогда, если бы Арь, волчий пасынок, отважный и серьезный, как его мачеха, не убил бы властелина мира и не занял бы его место в мировой иерархии того времени.

В ту ночь они ушли из пещеры, чтобы снова остаться вдвоём. И опять соединились в одно целое, как днём, после танцев и пения с волками. Распавшись, они не стали безразличны друг другу, как это бывает у зверей. Притихшие, остались лежать рядом.

К тому времени Ветер окончательно разогнал Облака, и Женщина с Мужчиной долго лежали рядом, поглощённые созерцанием самого удивительного зрелища из всех доступных людям. Звёзды светили во тьме, туманно мерцал Млечный Путь. В его мерцании угадывался тайный ритм, как во вьющейся среди дубов тропинке угадывается движение сотен ног, проложивших её. И туманные извилины небесного пути звали и манили так же, как зовёт и манит тропинка в роще. Потом одна яркая Звезда сорвалась и упала куда-то вниз. Женщина толкнула Мужчину, указав на небо, и он погладил её.

Когда прохлада разбудила их, небо уже посветлело и звёзды погасли. Лишь в том краю, где тёмно-синее небо становилось сиренево-розовым, ярко горела живая, одинокая звезда. Арь и его жена поднялись и пошли. Уже у входа в пещеру он обернулся, чтобы ещё раз посмотреть на живую звезду, но и она уже погасла. Из-за горизонта поднимался ослепительный диск.

Ола большую часть времени проводила во сне. Когда старая волчица просыпалась, она начинала искать возле себя маленького приёмыши, что когда-то давно, долго, целых два года, жил рядом с ней, не отходя ни на шаг. Потом она видела его наяву, уже ставшего взрослым, и успокаивалась, переставала искать.

Волки никогда не умирают от старости. Жизнь волка настолько полна опасности, что стоит ему ослабеть хоть немного, как смерть тут же настигает.

Но забота пасынка продлила дни Олы, и она тихо умерла однажды ночью, когда её малыш был на охоте.

Волчица плоско лежала на боку, аккуратно и длинно вытянув лапы. Её пасынок сразу понял, что она мертва. Ведь Ола всегда поднималась навстречу, когда он возвращался.

Арь сбросил с плеч оленью тушу и подошёл к волчице. Она уже окоченела. Юноша сел рядом, и поток всего, что было забыто, вдруг ожил и подхватил его. Это были образы туманные, отрывочные. Неясные картинки, запахи, звуки. Вот молодая волчица с гордо поднятой головой ждёт его, маленького, бегущего что есть силы ей навстречу. Вот она на охоте, её страшный оскал, когда она бросается на добычу, и заботливое, очень серьёзное выражение узко поставленных глаз, когда она смотрит на волчат. Движение потока воспоминаний вдруг вызвало какое-то странное, ответное внутреннее движение, оно возникло на мгновение, исчезло, потом возникло вновь – очень тревожное, очень навязчивое и необоримое. Что же произошло, какое изменение вдруг навсегда разлучило его с матерью? Это было первым вопросом, обращённым к самому себе. И эта попытка понять смерть была первой мыслью нового властелина мира. Звери могут задавать вопросы друг другу и отвечать на них, но ни один из них не задаёт вопросов самому себе.

Арь заплакал, слёзы катились по лицу и падали на остывшее тело мачехи. Ему было страшно и оттого, что умерла его мать, и оттого, что творилось в нём. Он пытался понять, что же случилось, что произошло в мире, что Олы не стало.

Способность думать напугала его так же, как напугала бы любого из нас неожиданно обретённая способность летать.

Первой человеческой мыслью была мысль о смерти. Потом люди научились думать и о жизни и много чего придумывали на эту тему. Но вот на самую главную тему раздумий – на тему о смерти – не удалось придумать ничего значимого. Больше всего распространилась самая нелепая и глупая мысль, будто смерти нет вовсе. И несколько беспомощных фантазий. Ад, Аид, Парадиз, Джаннэт – всё это весьма убого.

Арь плакал и повторял жалобное сочетание звуков: «Мэ-ме».

Прошли сотни тысячелетий, но и сейчас сходными звуками обозначены два главных слова во множестве языков: «Мама» – та, которая подарила жизнь, и «Мара» – та, что забирает её. Рычащее в имени смерти «Р» связано с представлением о невыразимой трудности и трагичности расставания с жизнью.

Некоторые потомки первого человека научились думать связанно и постоянно, другие овладели этим навыком частично. Но о чём бы в тот или иной миг ни думал человек, в конечном итоге он всегда думает о смерти. Даже если ему кажется, что мысли его полны радости. Достаточно проследить их ход, чтобы увидеть, в чём первооснова. А хищный, охотничий восторг существования и панический, травоядный ужас бытия лежат в основе творчества. Но всё это было потом.

Арь, проплакав до утра у трупа мачехи, заснул рядом. Пробудившись, когда солнце стояло высоко, он пошёл прочь из пещеры, где остался лежать труп волчицы. Память о подземном пространстве, в котором осталось мёртвое тело самого близкого на свете существа, породил тысячи легенд о подземном царстве мёртвых. Люди так склонны верить в это потому, что в глубинной памяти каждого из нас есть воспоминание об оставшемся в брошенной пещере неподвижном, остывшем теле.

Арь ушел и увлёк с собой свою подругу. Она, зная, что скоро родит ребёнка, захватила с собой мяукающего зверька для защиты от крыс. Яр и его волчица пошли с ними. Последним шёл брат – близнец предводителя.

Так они шли от одной пещеры к другой. Кот ленился идти сам и притворно спал, устроившись, на манер воротника, на плечах женщины. А на шее у неё висело тяжёлое украшение – два клыка убитого мужем тигра. Никогда после ни у одной красавицы не будет столь драгоценного колье.

Долго эта маленькая стая искала себе новое жилище. Найдя пещеру, они вначале пускали в неё пущистого охотника и ждали. Вскоре он, очень недовольный, выскакивал обратно, раздражённо мяукая. Войдя в пещеру, кот различал во тьме слабо светящиеся контуры не видимых и не слышимых для остальных зверей существ, что так опасны в соседстве. Эти невидимки пьют молоко кормящих матерей, насылают порчу на детей и мешают в охоте. Едва увидев светящиеся, всевидящие глаза кота, существа начинали менять свои облики, пытаясь выдать себя за обитателей зrimого мира. Во мраке пещер являлись пауки с мордами хищных зверей, зубастые жабы с крыльями летучих мышей, змеи невообразимой величины, злобные шестикрыльые бестелесные и безголовые существа со страшными когтистыми лапами хищных птиц.

Особенно ему не нравились симпатичные, на первый взгляд, большие коты. Когда они скалились, вместо плавно изогнутых, симметрично расположенных красивых хищных клыков обнажались уродливые, торчащие подряд впереди пасти, прямые крысиные резцы. Из пещеры с такими обитателями кот выбегал, хрюкало и негодующе мяукая.

Для этих опасных чудовищ время не распадается на свои составляющие – прошлое, настоящее и будущее. Они – не во власти времени. От этого степень их свободы неизмеримо превосходит нашу. Мы даже не можем их видеть, когда они сами этого не хотят. Однаково легко прячутся они в прошлое и будущее. Из всех существ нашей природы только кот, ленивый созерцатель вечности, способен видеть их все-гда.

Впоследствии некоторые люди при помощи отвара из мухоморов, пейота, ритмичных танцев и других средств остановки времени тоже научились свободно видеть эти создания и стали по разному их называть: эльфы, феи, джинны, керы и ещё много как.

Эти существа раньше любили жить в пещерах, а теперь выбирают места поуютнее. Селиться рядом с ними пагубно, но, к счастью, кошки видят их своими светящимися во тьме глазами и могут предупреждать об этой опасности. Поэтому всегда, заселяясь в новое место, вперёд надо пустить кошку. И, если зверёк не захотел там оставаться, значит, это место уже занято невидимками, значит, надо сразу уходить, каким бы привлекательным внешне это жильё ни казалось.

Наконец, маленькая стая отыскала себе пустую пещеру, поселилась в ней. Люди и звери жили здесь уже на равных, вместе охотились, вместе растили детей, вместе пели печальные свои песни. У близнеца вскоре появилось имя, звучащее как Он. В следующую весну Он привёл себе жену.

Люди постепенно овладевали искусством охоты наравне с волками, а любимой их совместной забавой стала охота на быка. Они помнили, как примирila эта охота человека с волком. Яр и Он загоняли животное, волк изматывал жертву ложными атаками, Он швырял в него камни. А потом, когда животное уже было обессилено, выскочивший из засады Арь наносил свой завершающий удар. Забава прижилась на долго, перешла к их детям, да и сейчас ещё изменённая так, что почти не узнать, живёт в самой сказочной стране Европы.

А из той пещеры потомки первых людей расселились по всему миру и вместе с ними – потомки Яра и Кота.

История, о том, как двуногий зверь, слуга волков, стал хозяином мира, конечно, придумана. Правдиво лишь то, что не человек приручил волка, а наоборот. Этому есть доказательства. Желающие ознакомиться с ними могут прочитать вторую часть повести о волчьем пасынке, которой я придал форму традиционного для средних веков «Оправдания написанному».

II. Оправдание написанному

В мифологиях многих народов, не только европейских, но и азиатских, и даже североамериканских присутствует тема о мальчике, воспитанном волками, и часто о его близнецце. Волчий воспитанник впоследствии становится родоначальником человеческого племени. Наиболее известная версия этой легенды – о Ромуле и Реме.

«Вечный город» был основан волчьим пасынком. Волчий город – Рим.

Также очень показательна история Ивана-царевича, получившего от волка три дара. Царевич благодаря помощи Серого волка получил Жар-птицу, Златогривого коня и Елену прекрасную. Символы чудесной птицы, коня и красавицы Елены (луны), она же покровительница охоты, Артемида, точно истолковать. скорее всего, невозможно, но зафиксируем факт получения царевичем от Серого волка трёх волшебных даров. Древнее название славянских племён – Вильцы, означает волки. Название Лютичи обозначает то же, это синоним, возможно, слово «волк» было табуировано, и имя собственное заменяли прилагательным – лютый. Вильцы характеризуются как самый мужественный и воинственный славянский народ. Князь у славян – почти все-гда отчасти волк. У большинства народов есть легенды со сходным сюжетом.

Самые обширные предания на эту тему сохранились у тюрок, в них волчица – уже не просто кормилица, а биологическая мать их предков.

Простое перечисление примеров из устного творчества тюркских народов, подтверждающих духовное и даже биологическое родство человека и волка, само по себе должно быть темой большого научного исследования.

Тема о пещере, где вместе с волками жили первые люди, также присутствует в легендах этих народов.

Не только предания свидетельствуют о связи тюрок с волками. Непобедимые тюмени шли в бой под штандартами с золотой волчьей головой.

Примечательно, что сверх эрудированный для своего времени и идеологически настроенный антитюркский летописец из Англии, Матео Парижский, указывает на этот пример исторической памяти народа, внезапно вторгшегося в Европу. Матео пишет о подземном пространстве, откуда пришельцы вырвались для своих завоеваний. Это, скорее всего, пересказ истории о роде Ашина, берущем своё начало в некой долине, вход в которую проходит через пещеру. Отношение человека к волку двоякое – Он властитель и наставник, и Он же враг – оборотень. Приведу только два примера, иллюстрирующих природу отношений человека и волка.

Татары, когда хотят отметить чью-то удачливость, говорят: «Его волк воет».

Для описания отношения к волку старинных жителей Британских островов, процитирую специалиста по ирландскому фольклору, автора книги об оборотнях, Боба Каррена. В строках, посвящённых епископу с говорящим именем Вульфстан, Каррен сообщает:

«Он требовал церковной реформы в серии крайне резких по стилю наставлений, направлявшихся во все храмы его обширной епархии. Одно из них (написанное около 997 г., когда он был епископом Лондонским) озаглавлено *Sermo Lupi ad Anglos* (Проповедь Волка англичанам). В нем автор сетует на нравственную распущенность в стране в целом. Этот текст считается его самым известным – и самым язвительным – наставлением».

Ни у одного народа нет предания, рассказывающего о том, как человек взял на воспитание волчонка. Появиться подобной легенде было неоткуда, потому что ничего подобного никогда не было и не могло быть.

Есть несколько причин, из-за которых нынешнее представление о доместикации волка следует принять несостоятельным. Во-первых, не ясно, зачем это делалось. Прирученные в наше время волки не пригодны ни для каких служебных целей. Нужны многие и многие поколения проживания рядом с человеком, чтобы волк пре-

вратился в подобие овчарки или лайки. Побудительный мотив приручения свиньи или козы более чем понятен, их можно съесть, но с волком всё как раз наоборот, кто же будет тратить силы и пищу, чтобы воспитать своего потенциального пожирателя? Или древние люди старались во имя будущего, мудро предвидя, сколько пользы принесут через несколько тысяч лет прирученные сейчас волчата?

Волка невозможно дрессировать, единственный положительный опыт был только у Дурова. И ещё у католического святого, Франциска Ассизского. Близ города Губбио на него напал волк, терроризировавший горожан и окрестных жителей. Франциск что-то сказал хищнику, тот сел и протянул монаху лапу. Впоследствии этот волк стал жить в городе, он ни на кого не нападал и любил играть с детьми. А у Дурова волки, запряжённые в повозку, возили барыню – свинью.

Льва, тигра, медведя дрессировать можно, а волк не дрессируется. Как же приучили не дрессируемого зверя? В наше время, при наличии седативных средств, надежных клеток, цепей, намордников и многовекового опыта дрессировки Гржимек, известнейший знаток животных, директор Франкфуртского зоопарка назначил огромную, по тем меркам, премию в десять тысяч марок тому, кто покажет ему стаю из десяти прирученных волков. Деньги остались у Гржимека. Десять львов? Сколько угодно, но не волков.

Волка нельзя дрессировать, но можно подчинить своей воле. Как? Ответ знали дедушка Дуров и святой Франциск.

Есть противоречие в научных данных, опровергающее гипотезу о приручении волка человеком. Генетики подсчитали, что для превращения волка в собаку необходимо больше ста двадцати тысяч лет. Однако археологи говорят максимум о пятнадцати тысячах прошедших с момента «одомашнивания». Разница больше чем в сто тысяч лет заставляет полагать, что всё это время некоторые прогрессивные волки провели, занимаясь самоподготовкой к роли друга человека.

Самая отдалённая во времени дата «приручения», называемая учеными, – тридцать пять тысяч лет.

Но найдены стоянки древнего человека, где рядом с костями гоминид покоятся волчьи кости. Они датируются как очень древние, им около полутора миллионов лет.

Для возникновения нынешней популяции собак необходимо было, чтобы все без изъятия предки современных людей занимались дрессурой. Причём успешно, как Дуров или первый францисканец. Не ясно, кто кормил эту ораву дрессировщиков и их питомцев. И уж совсем не понятно, откуда, собственно, брались волчата?

Волки не только не бросают своих детёныш, но готовы погибнуть, защищая их. Вспомним случай, произошедший в Индии в двадцатом году прошлого столетия. Случай этот описан, засвидетельствован по всем правилам.

В джунглях нашли волчью семью, в которой вместе с волчатами росли две девочки, впоследствии названные Камалой и Амалой, одичавшие человеческие дети. Когда целая ватага охотников и любопытных явилась к логову с тем, чтобы забрать детей, волчица встала на защиту своего потомства. Отважная Мать предпочла погибнуть, но не оставить детей без защиты. Этот случай порождает вопросы: был ли у волчиц палеолита иной характер, и оставляли ли они без боя своё потомство для перевоспитания его в собак. Второй вопрос: что могло заставить свирепую хищницу вылизывать чужих, голых, как лягушата, криклих детёнышей, кормить их своим молоком и в конце концов погибнуть, защищая их. Что, кроме закреплённой в генах памяти о былом симбиозе с предками этих существ.

Случай с Камалой и Амалой – не единственный, только в XX веке достоверно известно несколько десятков им подобных. Принято объяснять воспитание детей волками тем, что ребёнок, попав к ним в качестве добычи, вдруг пробудил в волчице материнский инстинкт. Но если бы подобное было возможно, сколько зайчат и поросят, регулярно попадающих на обед к волкам, становилось бы их воспитанниками.

Это возможно только в мультильме, в жизни так не бывает.

Наконец, почему другие животные не спасают брошенных детей, так делают только волки.

Нет ни возможности, ни смысла приводить все доказательства несостоятельности наших представлений о доместикации волка. Их так много, что простое перечисление увеличило бы моё «Оправдание» до недопустимых размеров. Кроме того, существует опасность превращения «Оправдания написанному» в «Обвинение кости», поэтому остановлюсь и подведу итог.

Охота помогла вечно голодным всеядным приматам избавиться от постоянного угнетающего чувства голода, приобрести волчье достоинство. Увеличение животного белка в рационе способствовало развитию мозга, животный белок стал биодобавкой, стимулировавшей развитие головного мозга гоминид. Известно, что хищники сообразительнее тех животных, на которых они охотятся. Кроме того, переход на мясную пищу позволил экономить биохимическую энергию, в большом количестве расходуемую на переваривание растительной пищи. Работа головного мозга человека лимитируется количеством энергии, необходимой для этого. Сэкономленная в результате употребления в еду мяса энергия использовалась для работы мозга. Трава и даже фрукты не могут обеспечить её в нужном количестве. Но что послужило причиной смены способа питания?

В некоторых источниках можно прочитать, что процесс этот был постепенным, вначале наши предки стали падальщиками, а уж потом – охотниками. Здорово придумали, только вот охотиться-то кто научил?

Даже прирождённые хищники, те же волки, не прошедшие обучения в стае, охотиться не могут. Выросший в неволе волк может умереть от голода в овчарне, потому что не умеет воспользоваться имеющимися возможностями.

Если бы не совместная с волками охота на крупных животных, откуда бы слабые и не хищные по способу питания предки современного человека получили бы такой великолепный шанс, такой подарок, как ежедневный кусок мяса. Перефразируя Энгельса, можно сказать, что труп сделал человека человеком. Не только в том смысле, что труп крупного травоядного животного, убитого на совместной с волками охоте дал нашему предку возможность стать хищником, но и в прямо противоположном. Оказавшись рядом с трупом родного существа, человек впервые задал вопрос самому себе: «Что случилось?» Ну, а дальше вопросы пошли один за другим, а потом хлынули потоком. Человек начал думать.

Но если бы не симбиоз с волком, этого могло бы и не произойти. Много ли есть примеров в животном мире изменения способа питания? Такое иногда происходит среди птиц, возможно, что и среди млекопитающих, но мне об этом ничего не известно.

Всё вышесказанное обязательно вызовет протест и возмущение у множества людей. Истина о том, что человек создан по образцу и подобию божьему, неоспорима. Точно так же, как полтысячи лет назад неоспоримой была истина о нахождении Земли в центре вселенной. Но идея геоцентричности – всего лишь частный случай идеи антропоцентричности. Земля только потому оказывалась в центре мира, потому что на ней находился делающий умозаключения наблюдатель, созданный по образцу Творца. Едва ли есть более богохульная гипотеза. Посмотрите документальные кадры о военных действиях или о концлагерях, и вы усомнитесь в богоподобии человека. Если, конечно, Господь одарил вас высоким даром сомнения. Или даже просто оглянитесь вокруг. Мне и оглядываться никуда не надо. Я бы не хотел быть сотворённым тем, кому я подобен. Хотя бы потому, что в течение своей жизни я ошибался гораздо чаще, чем принимал правильные решения. Следовательно, надо предположить, что и тот, кто создал меня по своему подобию, всё время ошибается. Значит, или я не человек, или все люди появились, скорее всего, по ошибке.

Увы, нет никаких биологических подтверждений первого допущения. Идея о эволюционном восхождении к подобию Создателя мне представляется куда более оптимистичной и религиозной.

Вопрос, каким был путь развития до того момента, который мы можем хоть как-то реконструировать, важен ещё и потому, что может подсказать предстоящие пути до достижения подобия Творца. Ведь пройдена ничтожно малая часть.

Человеческое сознание уникально хотя бы потому, что оно способно влиять на окружающий мир и изменять его. Естественное развитие приматов не могло привести к возникновению разума в той форме, в которой он является нынешним достоянием человека. Появление этого феномена не могло произойти на бесконфликтной почве, из одного источника. Только синтез двух разных начал мог породить такое самобытное новое качество.

Без него мы не шагнули бы по эволюционной лестнице выше уровня тех народов, что сформировались в ареалах, удалённых от мест обитания волков. Из приведенной ниже карты легко можно увидеть, о каких именно народах идёт речь. Увы, в их традиции нет волчьего элемента.

Конфликт роста, точнее, цепь из конфликтов, отражена в произведении Киплинга. Их, конечно, три. Развитие личности Маугли проходит три ступени, он переживает их один за другим.

Первый – конфликт с Бандар-логом, вроде и родственниками, но давно уже ставшими чуждыми. Второй – с волчьей стаей. Разогнав волков горящей веткой, Маугли отправляется к людям. (Оставим на совести Киплинга убеждение, что звери панически боятся огня). Но и с людьми у него не заладилось. И вот, пройдя обучение искусству охоты у волков, пережив душевные и социальные конфликты, став, наконец, пастухом, Маугли убивает царя джунглей Шер-Хана и занимает его место. Киплинг обладал даром ощущать мир по-иному, глубже и точнее, чем остальные. При этом он мог придать своим видениям художественную и увлекательную форму. А выдумка не может быть увлекательной. Увлекательна лишь данная свыше реальность. Всё, что позволено человеку, – передать её, пусть в виде трансформированном, вплоть до неузнаваемости, на первый взгляд. Но только на первый взгляд. При тщательном рассмотрении линии чертежа проступают.

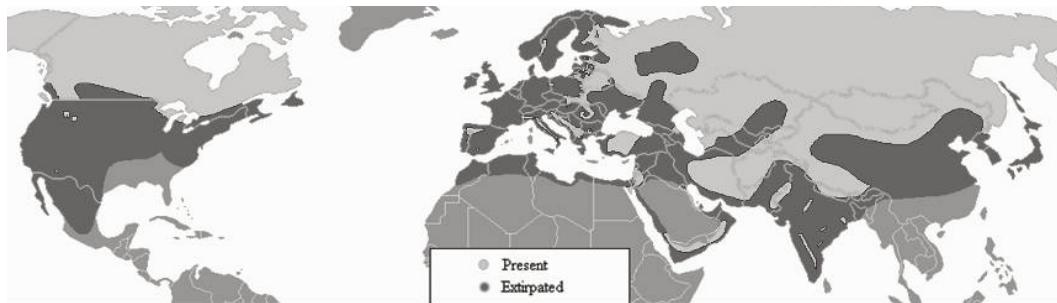
P.S.

К счастью, мы научились не верить словам. Поэтому представляю карту, на которой темным цветом обозначен первоначальный ареал обитания волка. Он совпадает с очагами революции, произошедшей в развитии первобытного человека. Первоначальные шаги нашей цивилизации были сделаны только в местах обитания волков. Лишь на американском континенте отмечается смещение обитания ареала волков к северу от центров цивилизации Мезоамерики и Перу. Но предания народов этой части мира упорно повествуют о прародине, расположенной где-то на севере.

По данным современной науки, *homo sapiens*, как биологический вид, сформировался в Африке. Но окончательный выход человека из мира животных произошёл не здесь. Слишком уж благодатное место, еды много, одежда не нужна. В общем, плодитесь и размножайтесь. Лишь откочевав в области, не столь благоприятные для жизни, да ещё и столкнувшись с резким ухудшением климата, человек был вынужден начать приспосабливать окружающую среду под свои потребности. Можно предложить, что климатические условия – на втором по значению месте.

Климат Индии более схож с африканским, чем с европейским. Но и в Индии, и в Европе мы находим следы древних цивилизаций, а в Африке нет. Вероятно, главным было то, что вначале у человека был верный и суровый союзник – волк. Победители всегда забывают о своих союзниках. Так принято.

Но, тем не менее, популярным стал вид хвастовства исключительной близостью своего народа к волчьему племени. Достаточно взглянуть на прилагаемую ниже карту, чтобы понять, как «много» есть для этого оснований.

Все приведённые доказательства близости человека и волка отнюдь не являются апологетикой зверя, наоборот. Поговорка «Человек человеку – волк» – всего лишь печальная констатация жестокой истины. Уверен, что и у волков есть поговорка «Волк волку – человек».

Наконец, последнее слово в оправдание написанного. Для того, чтобы представить себе, кем на самом деле являются волки, лучше всего выслушать людей, живших среди них. Таковыми являются – канадский биолог Фарли Моэт, проживший сезон вместе со стаей полярных волков, автор рекомендованной книги «Не кричи, волки», и грузинский этолог Ясон Константинович Бадридзе, несколько лет живший в лесу среди волков. Все его работы интересны в равной мере. К этому времени моя повесть о волчьем воспитаннике была уже готова, и, прочитав статьи уважаемого Ясона Константиновича, признаюсь, я испытал беспокойство по поводу вторичности своего детища. Всё, описанное мной, в той или иной степени есть в наблюдениях грузинского этолога. Однако я решил ничего не переделывать. Ограничусь заверением, что писал так, как видел, а совпадение увиденного мной и засвидетельствованного Бадридзе является свидетельством весьма важным. По крайней мере, для меня.

МУРАД АЛЬ-КАДИРИ

Мурад аль-Кадири (родился в 1965 г.) – известный марокканский поэт из г. Сале, пишущий исключительно на марокканском диалекте арабского языка в жанре заджаль. Испытал на себе влияние русской литературы и поэзии: на протяжении нескольких лет изучал русский язык и литературу в Российском культурном центре в Рабате, а также в институте им. Пушкина в Москве. Публиковаться начал в 1983 г., издал ряд сборников стихов: «Буквы на ладони» (1995), «Птица Божья» (2007), «Сахарная Вата» (2005), «Трамвай» (2015). С 2018 года возглавляет марокканский Дом поэзии – ведущий институт Королевства Марокко, занимающийся вопросами современной национальной поэзии. Поэзия Мурада аль-Кадири неоднократно переводилась на испанский и французский языки. Настоящие четыре стихотворения взяты из последнего сборника поэта «Трамвай».

Поэзия

**Подчас поэзия стучится в дверь,
И не успеешь ты спросить «Кто там?»
Она уже внутри,
Сидит в гостиной на диване.**

**Еще мгновение – и вот она
Правит слова в твоей тетради,
С тобой ложится спать.
А наутро
Ты замечаешь, что эта дама
Уже успела оставить на полях
Свой комментарий
О виденном тобой во сне
И даже написала пару фраз –
На рукаве твоей пижамы,
которую она решила надеть вчера.**

Вероломство

**Налево,
Рядом с лифтом
Направо от почтовых ящиков
Есть зеркало
Вглядись как следует –
Увидишь ли ты тайный знак
За секунду
до выхода из дома?**

Минарет Господа нашего

**Распятый, накрепко привязанный
Бельевыми веревками,
Не в силах повернуться,
Я исходил на крик,
Но не увидел
Ни звездочки,
И блеск воды
Не оживляет горизонта.
Есть только ржавчина
И хрип клаксона.**

**А я кричал,
Звонил по телефону,
Я знаки подавал
Руками, голосом –
«Эй, эй!
Ты, кто стоит вот там –
Смотри сюда, наверх, увидь меня –
Я здесь!»**

**Застыл как пальмы ствол,
Распятый, я возвышаюсь над некрашеной площадкой.
Вот, справа от меня,
На бельевой веревке, висят штаны,
А слева – чья-то кофта.
Я тоже натянут, как веревка, нет, как струна, –
«Эй, эй! –
Ты, кто стоит вот там!» –
Кричу.
Мой голос отдается эхом
И умирает у меня в ладонях.
Никто не поднимает взгляда на меня,
Никто не спрашивает: «Что происходит?»
А я все жду.
Возможно, пронесётся мимо ветерок
И принесет с собой немного запаха шалфея,
Сорванного на Тубкале¹,
Или в горах,
Что окружают пальмы Таифилальта².
Я падаю... нет, я продолжаю стоять, как Минарет
Господа Нашего,
Как... нет, Он всех превыше.
А я... стою, накрепко привязанный
Бельевыми веревками.**

¹Гора Тубкаль – самая высокая гора Атласной горной системы (4.167 м). Входит в национальный парк Тубкаль, известный богатой флорой и фауной.

² Таифилальт, регион на юге Марокко, известный своими пальмовыми оазисами (столица Эрфуд). Таифилальт окружен Атласскими горами.

**Я возвышаюсь
Над площадкой,
По которой шныряют кошки,
Я обездвижен веревками,
Натянут, как струна.
А ветра нет... и что-то черное
Меня хватает и после бросает в пустоту.
Моя подушка, пряди солнца из нитей первых солнечных
лучей,
И песенка щегла,
И радуга,
И запах тмина,
И записная книжка
С номерами телефонов
Людей, которые читали со мной
«Скажи: и было мне открыто»³,
Которые со мной учили эти строки,
И голос Буджеми –
В «Подносе»⁴,
Моя опора, мой квартал, и все, чем я живу.
Я всматриваюсь в горизонт –
Стена,
Могилы, кирпичи,
Гвозди
И пустота.
Они вступили в сговор с пауком, они сдружились
Со смертью,
Чтобы та похоронила меня в своем гнезде.
Чтобы меня сожрала ночь.
Хрипит клаксон:
Хрррр-ууууу-ууууу,
А я
Распят, я обездвижен,
Как герой старинных сказок,
И жду, когда Всевышний мне поднесет
Своей рукою чашку кофе.
Мне хочется воды... ну, хоть один глоточек,
Мне неба хочется... хоть звездочку
И жареного мяса в глиняной посуде.
Но я
Все также не в силах повернуться из-за веревок,
Смотрю на свой кусочек мира.**

¹ Словами «скажи „и было мне открыто“» начинается 72-я сура Корана «Джинны».

² Буджеми (настоящее имя Буджемаа Ахгур(1944-1974) – один из основателей легендарной музыкальной марокканской группы «Нас эль-Гиван». «Поднос» (1972) является одной из самых популярных песен «Нас эль-Гиван», текст к ней был написан Буджеми, он же и исполнял солирующую партию. В арабской и, в частности, в марокканской культуре, поднос часто имеет символическое значение, сходное в нашей культуре со столом – так, поднос, на котором подают чай, объединяет людей, укрепляет их отношения. Слова «мой квартал, и все, чем я живу» в следующей строке стихотворения являются прямым заимствованием из припева из «Подноса».

Балкон

Я, стоя на балконе, вслушиваюсь
В звуки ее имени.
Я различаю в нем
Аромат мегунской розы¹
И запах серы.
В нем я слышу дробный перестук
Четок
Соседской бабушки.
А еще ячу кровь ифрита,
Который оживает
Внутри меня
Всякий раз,
Когда я слышу ее имя.

Перевод с арабского Сарали ГИНЦБУРГ

¹ Долина Калья Мегуна – Kelâat M'Gouna (провинция Тингир) – известный в Северной Африке центр разведения дамасской розы. В Калья Мегуна проходят ежегодные фестивали, посвященные сбору урожая розовых лепестков.

МАРК ВЕРХОВСКИЙ

БИРОБИДЖАН НЕ КРАЙ ЗЕМЛИ

Эссе

Мои впечатления об описываемом регионе – это не очерк публициста или командированного журналиста, а рассказ рядового жителя и участника событий, воспринявшего впечатления через соприкосновение с действительностью, длиною в полтора года. Я считаю своим долгом сообщить правду об этой области, и я благодарю редакцию, любезно предоставившую мне эту возможность.

Должен отметить, что эти впечатления отмечены в 1990-91 годы.

В большой 5-этажной гостинице традиционно, как везде в стране, не было мест. Я никак не мог поверить в то, что в этом небольшом городе могло оказаться столько приезжих. Я поделился своими сомнениями с дежурной по гостинице. Она зло смерила мой не внушающий доверия рост и, нисколько не смущаясь, прощедила сквозь зубы: «Что же, я вру, по-вашему?». Такой аргумент был явно мне не по зубам, и я молча ретировался. Меня сверлила мысль, что где-то необходимо почистить зубы, тем более, что летел я сюда около суток.

«Ну что ж, я тоже сделаю традиционно», – зло пробормотал я и, подхватив свой портфель, уверенно двинулся вперед. Я нащупал в кармане драгоценную смятую телеграмму: «Работу гарантируем, квартиру через год. Секретарь обкома». Уже месяц, как телеграмма разжигала мое воображение о всемогущем секретаре.

И вот я здесь. Резиденция секретаря была рядом, и вскоре я уверенно поднимался по широкой, устланной ковром, лестнице. Вот его кабинет. Доклад секретарши о моем личном прибытии. Буквально следом вылетел сам секретарь. На его лице праздничное выражение. Я присматриваюсь – нет оно действительно радостное. «Люблю делать людям приятное».

– А мы вас ждем, ждем, уже и надежду потеряли, – приветливо встретил он и, обняв за плечи, повел в свой кабинет. А кабинет был 2-го секретаря обкома КПСС Еврейской автономной области – ЕАО. Были такие динозавры в XX веке. Тут же последовал тот самый, традиционный, все улаживающий, звонок в гостиницу.

Секретарь был того же возраста и роста, что и я, и даже профессии той же.

В секретари он выбился относительно недавно. Рассказал об обстановке в области и какие надежды связываются с переездом евреев в область. Когда же он узнал, что у меня опыт работы в железобетонном производстве, я стал для него почти что братом. Но почти!

В этот же день мною был заключен контракт на три года с трестом «Биробиджанстрой» на должность главного инженера строящегося завода крупнопанельного домостроения ЗКПД. По приезду моей семьи нам предоставили двухкомнатную квартиру со всеми удобствами. С моей супругой тоже заключили контракт и приняли на работу по ее специальности – инженером-экономистом. Сын пошел в школу, находящуюся в 500 метрах от дома.

Вначале: что такое ЕАО с легендарным Биробиджаном, в эпицентре которого я находился.

На 1990 год население области составляло 220 тыс., в т.ч.: гор. Биробиджан – 90 тыс. Национальный состав: русские, украинцы, евреи, корейцы. Я даже нашел «наших» азербайджанцев. Не надо даже гадать, «где» – конечно, на местном базаре, внедривших в серую местность ярко-красные гвоздики.

Чисто еврейское население составляло 8%, плюс 20% от смешанных браков, плюс 33% евреев, «на всякий случай» скрывающих свою принадлежность.

Я встречался и с теми, и с другими, и с третьими. Поэтому мои впечатления базируются на личных наблюдениях и контактах. Ведь отправляясь сюда, я тоже имел негативно-критический взгляд на эту область. И я тоже считал, что Одесса и Крым являются более подходящим раем для евреев.

Много нереального написано и о самом местонахождении области. Выбрано якобы чуть ли не самое адово место.

Могу констатировать, что область находится в живописном месте. Более половины территории области занимает равнина, 1/3 леса с большим разнообразием растительных пород. Богата и тайга животным миром. Территорию пересекают реки Бира, Биджан и Тунгусска. Верховья этих рек служат нерестилищем для кетовых рыб. Между Бирой и Биджаном образовался город Биробиджан. В недрах земли имеются полезные ископаемые: золото, олово, железные и марганцевые руды, бурый уголь, графит и магний, бруцит, доломит, мрамор, функционирует Кульдурский лечебный источник. Окруженная живописными горами Малого Хингана, ЕАО с площадью 36 т.кв.км, занимает центральное положение южной части Дальнего Востока. На юге ее граница по реке Амур в 600 км совпадает с Государственной границей России с Китаем. Климат области умеренный, континентальный. Зима малоснежная и холодная. Макс. температура – минус 40°С. Лето теплое и влажное, что позволяет развивать интенсивное земледелие.

Секретарь рассказал, что в область поступает много писем (позже мне их показали в исполнкоме) от евреев, желающих приехать в область со всех концов Союза, особенно из Украины, где разыгралась Чернобыльская трагедия. Такие переселенцы были моими соседями.

К сожалению, констатировал секретарь, область не в состоянии принять их из-за отсутствия жилого фонда. Переселенцев обустраивает организация, вызывающая нужного специалиста и даже не еврея. Власти области хотят пополнить численность еврейского населения (похоже, как в Израиле). Именно в этих целях принято решение построить завод крупнопанельного домостроения /ЗКПД/, строительство которого находилось на завершающей стадии. Но вот беда – совершенно нет кадров по эксплуатации этого высокотехничного, автоматизированного предприятия. А потому мой приезд, как специалиста, имеющего опыт строительства и эксплуатации таких заводов, пришелся весьма кстати. По окончании разговора мой опекун передал меня, как эстафету, в строительный трест, где мне анонсировали должность главного инженера ЗКПД.

Первое, что поразило меня в Биробиджане, – это таблички названий учреждений и улиц на двух языках: еврейском и русском.

Главная улица, проходящая вдоль всего города, носила имя Шолом-Алейхема. Город выглядел чистым и как бы новым.

Видимо, все старые постройки 30-х годов были уже заменены.

Большие светлые магазины были неплохо представлены как продуктами, так и промтоварами. По времени 1990 года, когда вся страна уже завязла в талонной системе и нехватке продуктов, здесь еще было относительное благополучие. Для развлекательного досуга имелась новая, в современном стиле, филармония.

Здесь давали спектакли и концерты гастролирующие из центра театры, ансамбли и певцы. Мы присутствовали на 2-м Фестивале еврейской песни и танца, куда съехались еврейские исполнители со всего Союза. Конечно, ни Кобзон, ни Розенбаум, ни Жванецкий и другие еврейские знаменитости не знали дороги в эту область. Зато замечательное сопрано украинской певицы, певшей на чистом идиш, являющейся солисткой местной филармонии, поразило меня своим талантом и самозабвенным исполнением.

В газетных киосках я обнаружил газету «Биробиджанер Штерн», выходящую на идиш, тиражом в 1000 экз., которую редактировал Леонид Школьник. На нее проводили подписку, как на газету «Правда», в обязательном порядке. Рядом продавалась «Штерн» на русском языке.

Началась моя служебная деятельность с командировок по всему Хабаровскому краю. Так, я познакомился с легендарными городами: Хабаровск, Комсомольск-на-Амуре, Спасское, Волочаевск. Перенимал опыт работы профильного завода в городе Южный Сахалинск на о.Сахалин.

Итак, Комсомольск. Это большой современный город с широкими «московскими» проспектами и огромными полупустыми магазинами. Население города очень приветливо и никак не напоминает уголовников, якобы построивших город, а затем и обосновавшихся здесь. Центр области не имеет своего старинного прошлого и оттого кажется каким-то неуютным, огромным микрорайоном.

В отличие от него Хабаровск – старинный город, раскинувшийся на большой территории. Трамваи, троллейбусы и автобусы придают ему столичный вид. Центр очень компактный и уютный. Приморский парк, куда стекаются центральные улицы, насыщен колоритными памятниками боевой славы города. Река Амур в этом месте очень широка, мост в 2 км, а также подводный железнодорожный туннель, соединяют оба берега. Здесь имеются театры, универмаги, вузы.

«Штурмовые ночи в Спасском» я провел всего две. Оказывается, это самый клубничный город на Дальнем Востоке. Я лично убедился в этом, наевшись вкусной клубники на всю жизнь.

Что касается «Волочаевских дней», то через поселок городского типа Волочаевск я проезжал на машине много раз, т.к. он находится на полдороге, соединяющей Биробиджан с Хабаровском. Памятник – скульптурный комплекс «тех дней» виден издалека, т.к он установлен на возвышенной местности.

Интересно, что во всех этих городах имеется внушительная еврейская община, а в Хабаровске численность евреев превышает еврейское население ЕАО.

Теперь о промышленности Биробиджана, предприятия которого я посещал по роду своей деятельности заказа и проверки готовности нестандартного оборудования. Несмотря на небольшую территорию, занимаемую городом, здесь имеются крупнейшие заводы этого региона. Трансформаторный завод поставляет свою продукцию по всей стране и за границу. Завод отлично оснащен современным оборудованием и новейшей технологией. Завод «Дальсельмаш» выпускал различные сельскохозяйственные рисоуборочные машины, хорошо раскупаемые Китаем. Имеется солидная легкая промышленность, на предприятиях которой я не бывал, но изделия видел в магазинах.

Город Биробиджан является побратимом американского города Бивертон в штате Орегон. Сюда на еврейские праздники, и всегда с подарками для детей, приезжали американские раввины для проведения религиозных служб. Ведь в Биробиджане по существу не было синагоги. После долгих расспросов и поисков мне показали какой-то старый бревенчатый дом с большим замком на двери. Предполагалось, что это и была синагога. О том, что существует раввин, я вообще не слышал. Поэтому прибытие религиозных деятелей Америки и обучение ими еврейским обрядам привели в дальнейшем к открытию воскресных еврейских школ, которые посещали дети и не еврейской национальности. Кстати, в первом высшем учебном заведении ЕАО – Педагогическом институте имелся факультет еврейского языка.

В те годы все руководящие должности как в обкоме и облисполкоме, так и на ведущих предприятиях занимали в основном евреи, что являлось само собой разумеющимся, как и в других национальных районах Союза. Одновременно я встречал евреев в профессиях: бетонщик, каменщик, сварщик и даже «алкоголик». Так что еврейских рабочих тоже было достаточно.

Но, учитывая малочисленность евреев, уже при демократической системе выборов многие кандидаты евреи не прошли в советы. Теперь, чтобы пройти в депутаты, лучше было не быть евреем, что и старался сделать глава ЕАО.

Но его-таки избрали. Новый состав исполкома, по ельцинскому призыву, решил «взять власти, сколько можно».

И он предложил Москве придать области статус автономной республики с выходом из состава Хабаровского края. Это была заманчивая, но неразумная акция.

И вот сейчас сказал свое слово до сих пор молчавший русский народ.

Он испугался евреизации республики. Испугался, что он попадет под еще более евреизированную власть и останется беззащитным. Население не противилось называнию ЕАО, т.к. из него вытекали экономические выгоды. Область была на виду у границы, и ее часто посещали представители различных благотворительных еврейских организаций, особенно американские. Поэтому советское правительство, заигрывая с общественным мнением и используя термин отсутствия «еврейского вопроса», вынуждено было уделять области фактическое внимание, выделяя ее в развитии и снабжении по сравнению с другими областями региона.

Население понимало это и не стремилось к статусу обычной области /не еврейской/, чтобы не потерять всех благ.

Поэтому русское население было лояльно настроено к «гегемонии» евреев.

Теперь неугомонные евреи хотели выйти из-под русского контроля Хабаровского края! «А что будет завтра! А может быть, будучи республикой, иудеи объявит о присоединении к Государству Израиль! Нет, в области все-таки спокойней».

Надо отметить, что депутаты нееврейской национальности поддержали идею республики, как возможность более самостоятельного существования, но увидя, что народ выступает против этой идеи, быстро предали ее.

Загудел весь Хабаровский край. Его руководство тоже не хотело разлучаться с выгодным регионом, не потому, что полюбили иудеев, а потому, что эта соседняя область кормила Хабаровск своими урожаями, да и промышленность была весьма развита. Кроме того, еще и моральное удовлетворение: «евреи под нами».

Одним словом, все сложилось против еще не рожденной, республики. Создавался прецедент угрозы Дальнего Востока внутренней 5-й колонной. Различие от такой же ситуации на Ближнем Востоке было только в наименовании региона. Но, в отличие от Ближнего Востока, здешний парламент /Советы/ быстро спохватился и не дал развиться пламени конфронтации. Лозунг о республике был снят, и страсти тут же утихли.

В это время я получил статус беженца на выезд в Америку. Надо было выходить из «подполья» и оформляться на выезд. Главная моя цель приезда в область была достигнута: строящийся завод крупнопанельного домостроения с моим участием, как главного инженера, был пущен в эксплуатацию. Продукция завода пошла на стройку.

И что самое интересное, милиция встретила мое желание на отъезд весьма позитивно, на какую была способна советская милиция.

Как мне объяснили, я был первым беженцем, выезжающим в Америку, и это, очевидно, было гордостью маленькой области.

Поэтому известие об этом можно было сравнить разве что с падением Тунгусского метеорита.

Отсюда и доброжелательные проводы коллектива завода и населения города.

АЛПАЙ АЗЕР

ВПЕЧАТЛЕНИЯ ОТ И.С.БАХА

(Bах это наше все – Bach is unsere alle)

Всякая литературно-образная мысль (метафоры, символы и т.п.) о творчестве какого-либо композитора, всегда в большей степени будет носить субъективный характер, чего, как мне кажется, нельзя было бы сказать при анализе, например, литературного текста.

Причина ясна: музыка по сравнению с литературой (соответственно с кинематографией) – не земная, не телесная, в меньшей степени поддается интеллектуальному анализу, она по сравнению с живописью динамична.

С точки зрения ассоциативно-памятного восприятия музыка в отличие от литературы относительно без препятствий (обычно полностью) восстанавливается в человеческой памяти. Музыка исключительно служит для души и не нуждается в словесном выражении. (По этой причине я отказываюсь называть этот текст эссе, хоть я в нем и пытаюсь выразить свои мысли).

Учитывая то, что я не обладаю теоретическими знаниями в области музыки, я прибегну лишь к литературной методологии (впрочем, это единственный способ) в описании того, как я воспринимаю Баха, в любом случае не исключаю и то, что мои мысли могут показаться банальными и в некоторой степени далекими от истины, особенно в тех местах, когда я буду сравнивать этого великого композитора с другими.

Так чем же велик Иохан Себастиан Бах? (будем произносить это имя подобно немцам).

Вот что пишет Луначарский, первый министр просвещения Советского Союза: «Мы не наблюдаем огромных готических архитектурных произведений у Бетховена, чего можно найти у Баха».

Опять же, это мнение показалось бы субъективным для музыковедов (допустим, кто-то из них сказал бы: «в 9-ой симфонии Бетховена (Скерцо) можно найти что-то великолепное, архитектурное»).

Но Луначарский прав в одном, Бах действительно создал музыку, в красоте которой ты видишь масштаб и монументальность величия.

Ведь не зря Бетховен сказал про Баха «Nicht Bach, Meer sollte er heissen» – «не ручей, а море Его имя» (Бах в переводе с немецкого языка означает «ручей», а я бы сравнил его с океаном).

То, что сделал Гегель для философии, Бергман для кинематографии (кстати, Бергман очень любил Баха), – то же самое сделал Бах в классической музыке.

Бах – это мировой дух, воплощенный в музыке.

Посмотрите на портреты Гегеля и Баха. О чем говорят взгляды – известное: «Я есть!!!» Музыкальное воплощение высоких гор, целеустремленность к вершине, но в этой же целеустремленности мы видим, слышим и чувствуем мудрость. Мудрость полифонической музыки.

Послушайте шесть Бранденбургских концертов Баха.

Горы, равнины, ручьи, густой лес, и человеческая боль, борьба за любовь. Обилие самых разных звуков, резкость (пронзительность, стремительность) и нежность, – они гармонично переплетаются в канве произведения. И вызывает по меньшей мере удивление, что Людовик Кристиан, Бранденбургский маркграф, которому были посвящены эти произведения, пренебрег ими).

Говорят, что Телеман в свое время был более известным, чем Бах, последний переписывал его произведения, и думаешь, как случилось, что затем Бах стал более знаменитым композитором. Как бы непрофессионально ни звучит с моей стороны, причина видимо кроется в том, что Бах, как я выше сказал, был более полифоничен и разнообразен в музыкально-творческом плане (хотя Телеман написал намного больше, и я вовсе не хочу преуменьшать значимость этого великого композитора с его изящным аристократизмом в музыке и в жизни). Бах наверно был универсален в этом плане, в нем сочетались аристократизм, народность, элегантность и т.п.

Одни его произведения (французские сюиты) внушают земные переживания, другие – восприятие целостности мироздания универсального (известная Токката фуга ре минор). А его известная пассакалия и фуга – рождают в человеке чувство промежуточности жизни – уносит в далекое неведомое... но ты затем оказываешься на земле.

Дух, созданный огромным и кропотливым трудом (в конце жизни он ослеп, но продолжал творить и излучать свет) Баха, призывает человека к размышлению, создает в человеке не только душевное, но и интеллектуальное настроение. Ведь в музыке всегда важно то, как долго продлится ощущение прекрасного после того, как смолкнет последний звук, после чего ты думаешь: «Да я пережил нечто невероятное и неповторимое!» – Бах дал возможность миллионам людей испытать эти чувства, и за это ему огромное спасибо.

Бах – это борьба, красавая и монументальная борьба звуков (о, эти органные голоса, отражающие бесконечность пространства и времени) с тоской, серостью, в конце концов со смертью, в которой он одерживает ЯРКУЮ ПОБЕДУ.

Бах – это вечная борьба с пессимизмом, утверждающим, что жизнь не имеет смысла. Даже его трагические произведения в силу своей красоты вызывают к жизни.

Бах всегда актуален, ибо он в своих произведениях возвеличил музыку выше времени и пространства (Токката и фуга ре минор).

Одним словом, «**Бах – это наше все!**»

Брамс: «Если бы вся музыкальная литература – Бетховен, Шуберт, Шуман – исчезла, это было бы крайне печально, но если бы мы потеряли Баха – я был бы безутешен».

Гёте: «...лейпцигский кантор – божественное явление: он ясен и все-таки необъясним».

Б. Асафьев: «И. С. Бах – такой гигант, что воспринимается не как личность, а как мощная творческая лаборатория, в которой перековывались все творческие науки, стили, тенденции и искания музыки его времени».

Шуман: «Бах был насквозь человеком, в нем не было ничего половинчатого, болезненного, все написано как бы на вечные времена».

Хельмут Вальха: «Бах открывает двери в вечность. Слушая его, убеждаешься, что жизнь имеет смысл».

П. Казальс: «Бах – высший гений музыки. Он достиг сердца каждого благородного движения души, снял покровы человеческой природы, пока не стали ясны её божественные атрибуты. Он сделал Божественное – человеческим, а человеческое – Божественным».

Роджер Фрай: «Бах почти заставляет меня поверить в Бога».

Бродский: «В каждой музыке – Бах, в каждом из нас – Бог».

Бах о себе:

«Мне пришлось усердно заниматься, кто будет так же усерден, достигнет того же».